

СУМЕРКИ • 15

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Сумерки-
зря, полусвет: на востоке до
восхода солнца, а на западе, по
закате;(вообще) полусвет, ни
свет, ни тьма; время, от первого
рассвета до восхода солнца, и от
заката до ночи, до угаснутия
последнего солнечного света.

Владимир Даль. Толковый
словарь живого великорусского
языка.

№ ____

Тираж номера — 800
нумерованных экземпляров

СУМЕРКИ

пятнадцатый номер. 1994. СПб.

журнал издается с 1988 года

Содержание

ПОЭЗИЯ ПРОЗА

- 4** Григорий Хасин. Стихотворения
- 8** Николай Байтов. Новая жизнь в словах (рассказы)
- 26** Дмитрий Григорьев. Из сборника "Восточный путь"
- 30** Александр Ильянен. "Слаще звука военной трубы"
- 46** Олег Осипов. Стихотворения
- 50** Марьяна Козырева. Чурики, нет игры
- 62** Евгений Вензель. Десять стихотворений
- 66** Борис Беркович. Шабат в районе Байт-Вэ-Ган, Остановись, мгновенье (рассказы)

BOOKSTAND

- 80** "Обитаемый остров" (иерусалимский литературный клуб)

ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ

- 98** Евгений Волковьский. Русские места на Святой Земле
- 134** Елена Салимова. Из сборника "Птицелов"
- 138** Елена и Евгений Поздеевы. Воспоминания

ЭТАЖЕРКА

- 178** Геннадий Алексеев. Вариации на экзистенциалистские темы (Предисловие Арсена Мирзаева)

"НЕ ГОРОД РИМ ЖИВЕТ СРЕДИ ВЕКОВ ..."

- 198** Вячеслав Белков. Иллюминарий

ПОЭЗИЯ
ПРОЗА

Стихотворения

* * *

Я лежу на рельсах. Расписание поездов изменено.
 Человек у телеграфа съел все шахматы и мучает окно.
 За окном дымится степь. Чапаев тонет как Муму.
 Мир без звуков сообщает воспаленному уму
 Не идею пулемета, что логично, но неслышную идею топора;
 Тень старухи сладострастно ждет удара; обреченная сестра
 Отдается офицеру; милый доктор обнажает свой пинцет;
 Только степь, и кони встали. Наш приятель опоздает на концерт,
 Но успеет к той поляне, где, прочистив свой задумчивый наган,
 Влепит пулю ассистенту точно в душу и вернется в балаган,
 А точнее, в балаганчик, в пансиончик, затерявшийся в степях,
 Где тебе поднимут веки, словно руки, где в конце концов в тебя
 Глубоко запустят когти, вырвут корни, выгнут кости и потом
 Тихо выложат на рельсы на далеком, на забытом, на пустом
 Перегоне из молчанья в тишину. И ты лежишь,
 Постепенно вспоминая все, что медленнее — медленней, чем жизнь.

* * *

Когда я был мал, я себя узнавал по глазам.
 Теперь я стал меньше и все понимаю по голосу,
 По теплomu шепоту, вслед ядовитым слезам,
 Что плавают зрочки, покидая уснувшую голову.

Когда я был мал, я всегда узнавал себя сам.
 Теперь мне хватает других, я избавлен от бремени
 Себя различать среди ближних, подобно часам,
 Неясно откуда и как узнающим о времени.

И если часы только зеркало, весь этот яд
 Стекает сюда не с души, а с ее отражения,
 Где глаз никогда не ослепнет, и призрачный взгляд,
 Наткнувшись на взгляд не замрет, не замедлит скольжения.

* * *

Движение в мире без центра приводит лишь к мутной воде.
 Движение в мутной воде подвергает опасности череп
 Пловца, захотевшего выплыть, но только несомого через,
 Того, кто назвался никто и затем оказался нигде.

Желание центра достойно лишь памяти. Дом
 Всегда будет местом из прошлого, где за спиной
 Творится предательство, где управляют страной
 Того, кто назвался никто и затем с превеликим трудом

Стремился обратно, в пути узнавая зачем
 В спасении будет отказано всем, кто хоть раз обернулся.
 Благая судьба для того, кто успел и вернулся,
 Того, кто назвался никто и затем оказался никем.

 Составление: "Сумерки"

* * *

Ты притворяешься собой, но как-то вяло,
К тому же тебе нечего сказать.
В пустынной местности течет твоя слеза,
В слезе плывет утопленник, забрало
Его доспехов отражает жизнь
Неведомую. Небеса над ним
Безлюднее земли. И только нимб,
Сорвавшийся откуда-то, дрожит
На острие копья. Твои зрачки
Заносит эта теплая земля.
Из твоего глазного хрустала
Пьют рыцари. Неясные значки,
Которые ты знал как письмена,
Их отправляют в ад — ах нет, в поход,
Где каждый третий, кажется, умрет,
А двух других потом сожрет война.
И ты печален. Девы спят. Чудовищ нет.
Меч погружен по рукоятку в живот.
Зверь не рычит и птица не поет
В лесах по берегам. Отвесный свет
Неведомых картин уходит к небесам
От тех, кого уже не позовут.
Доспехи их удержат на плаву
И повлекут назад, к твоим глазам,
Как рукоятку уставленным в зенит,
К сиянию, что увидят только звери,
Но взгляд твой снова тускл и ни потери,
Ни горечи ее не сохранит.

* * *

Путая собственность и справедливость,
Ты продвигаешься в мире без правил.
Нищий, но все же не столько счастливый,
Сколько уверенный в том, что заставил
Быть себя нищим. Такая свобода
Не умещается в тесное благо.
Видя, но все же не зная исхода,
Ты от безделья читаешь на флагах
Те же слова, что лежат под ногами,
Выпав наружу из темных отверстий,
Сделанных в гражданах пусть не врагами.
Но и не столь уж друзьями. По шерсти
Гладить тебя откровенно опасно.
Против — противно. Такая свобода
Напоминает утерянный паспорт.
Или цветы. С ликованием уroda
Ты вырезаешь свое отраженье
В спинах прохожих, в морщинистых кожах,
Чувствуя страх, ты заводишь сраженье
Денег с невинностью, так как не можешь
Деньги заставить сражаться с деньгами.
Тщетно, невинность всегда побеждает.
Мертвые деньги лежат под ногами
Словно слова. Это предупреждает

От процветанья. Похоже навеки.
 Можно не верить, но чистая совесть
 Хуже горба. И с упорством калеки
 Ты сочиняешь пространную повесть

В незабываемом жанре протеза,
 Жуткую повесть о мире без цели,
 Где ничего нет приятней, чем резать
 В сонных согражданах темные щели,

Где в свою очередь ты сочиняешь
 Новую повесть — и так без предела.
 Скука, которую ты причиняешь,
 Кажется сном. И тобой овладела

Редкая смесь равнодушия, страха,
 Жажды спастись и ночного смиренья.
 Спи же спокойно, ты слеплен из мрака,
 Чистого мрака своих повторений.

* * *

Самые вкусные вещи съедаются натощак.
 Младенцы, словно индейцы, скрываются в овощах.
 Ты открываешь рот, и мир изменяет цвет.
 Выделяясь на свет, желчь находит твой след.
 Чувствуя за спиной чавканье, языком
 Лижешь словно детей всех, кто тебе знаком -
 Мед или молоко, кожа как шоколад,
 Ты искал только сладкое, так оглянись назад:
 Там открывают рот, и ты изменяешь вкус.
 Челюсть изводит хруст, честный желудок пуст.
 Если тебя не сожрут совесть, дурные сны,
 Счастье, свобода, близкие, если твоей спины
 За ночь не слижет с карты теплый язык любви,
 Ты доберешься до берега и назовешь людьми
 Только себе подобных, ты назовешь едой
 Все остальное — все, что, двигаясь там, в густой
 Мертвой воде потопа, ты собирался съесть
 Позже. И злобный кит будет считать за честь
 Объяснить тебе жизнь, растопить тебе жир
 Памяти, и соблазн сквозь лабиринты жил
 Сделает тебя смертным. Сморщенный пассажир
 Звездной утробы, слов, брошенных на восток,
 Ты открываешь рот, сдерживая восторг...
 Слышишь, душа спит, пока голова ест -
 Ты открываешь рот, и все поднимаются с мест.

приступает к изданию журнала

ЛИТЕРАТУРА, ЖИВОПИСЬ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРА

ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ "я":

- произвол редакции в выборе приоритетов
- эстетика в развитии
- жизнь минус то, что мешает

В ПЕРВОМ НОМЕРЕ "я":

Наталья Медведева, Виктор Лагицкий, Андрей Левкин, Павел Крусанов, Юрий Лебедев, Сергей Курежин, Алла Митрофанова, Александр Схидап.

"ё" ДАЕТ МНЕ ТО, ЧЕГО Я НЕ ЗАСЛУЖИВАЮ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СЕВЕРО-ЗАПАД"

в серии "Версия письма" готовит к выпуску:

- Виктор Соснора** "Книга пустот" (проза)
- Аркадий Драгомощенко** "Фосфор" (проза, поэзия)
- Олег Григорьев** "Птица в клетке" (поэзия, проза)
- Владимир Сорокин** "Очередь" (роман)
- Елена Шварц** "Башня" (поэзия)
- Владимир Шинкарев** "Максим и Федор. Папуас из Гондураса. Митьки" (проза)
- Андрей Левкин** "Цыганский роман" (проза)
- Евгений Звягин** "Возведение сада" (проза)
- Борис Пузыно** "Интонации" (поэзия)
- Борис Дышленко** "На цыпочках" (проза)
- Владимир Симонов** "Вертоград" (проза)

Различие

8 Авва Герасим достиг такой высоты духовной, что, когда он совершал литургию, рядом с ним у престола стоял ангел, помогая ему, и это видели многие. Однажды к нему в пустыню пришел из Александрии некий диакон. Они начали служить вдвоем и усердно молились. Вот они перенесли на престол Дары, подлежащие освящению, и ангел, подобный светлому пламени, трепещущему, но не излучающему жара, появился слева, а диакон, предлагая Дары, стоял справа, по обычаю. Вдруг диакон услышал, что авва Герасим произносит еретическую формулу освящения. Он обмер от страха и не знал, что ему делать. Все мысли его пришли в неопишное смутнение. Он слышал с тем, что многие пустынножители держатся монофизитства. И если авва Герасим... но тут стоит ангел Божий! - и что же, в таком случае, это означает?... что это должно означать?

- "О ужас! ужас!"... - думал диакон.

Но промолчать он никак не мог.

НИКОЛАЙ БАЙТОВ

- Остановись, авва! - пролепетал он, - остановись, умоляю тебя!..

- Что случилось? - спросил Герасим.

- Ты освящаешь дары неправильно! Это монофизитская формула! Она отвергнута Халкидонским собором!

- А как надо?

Диакон произнес положенные слова освящения.

Тогда авва Герасим обратился к ангелу:

- Правильно он говорит?

- Да, - сказал ангел. - Нужно говорить так, как сказал этот диакон.

- Почему же ты раньше не поправил меня? - сказал Герасим строго. - Ты столько дней уже стоишь тут рядом, столько уже раз я в твоём присутствии неправильно освящал Дары! И ты знаешь, что я человек неученый. Чего ж ты молчал?

- Потому что мне должно молчать, когда ко мне никто не обращает вопроса, - сказал ангел, и голос его звучал на одной ноте и был похож на голос деревянного колокольчика. - Мне полагаются стоять молча, а люди должны научиться от других людей.

- Значит, освящения Даров не происходило все те разы, что я неправильно говорил?

- Нет. По благодати Божией Дары освящались.

- Что же, выходит, все равно, какие слова говорить?

- Нет, не все равно, - сказал ангел.

- Ну, хорошо, - кивнул авва Герасим. - Теперь можешь молчать. Я все понял.

И он повторил формулу, сказанную диаконом.

Новая жизнь в словах

1

Я, безумный Киясов, писатель Божией милостью и по болезни, ибо болезнь, собственно, и есть Божия милость, даруемая нам для покаяния, вынужден начать изложение своих недоумений с "я" и с какого-нибудь объяснения о себе, потому что нахожусь в таком отторжении и ничтожестве, что свидетельствовать обо мне некому. Гордость, уж коли она есть в человеке, всегда найдет себе пищу. Пламя гордости даже не совсем можно назвать пламенем: удивительно и страшно бывает видеть, когда гордость, за неимением горючего материала, начинает пожирать и такие вещества, которые, теоретически, должны быть для нее смертоносны, как вода для огня. И вот вода уничтоженья, нищеты, забитости, вместо того, чтобы гасить гордость, вдруг вспыхивает сама и начинает пылать, и гордость разгорается на ней гигантским пожаром, словно это не вода, а нефтяное озеро. Но в данном случае мне приходится начать со своей персоны не по гордости, а просто потому, что иначе будет непонятно. Смиранный Лествичник, без сомнения, победил гордость, как и все остальные страсти. Но он был святым, а потому мог быть уверен, что обязательно найдутся благочестивые иноки, которые напишут предисловие к его книге, где объяснят

бережно и почтительно, кто был автор, как он писал свой труд и зачем писал. Есть, однако, мысль, в чем-то противоречащая этой, хотя и не совсем. Ведь его книга содержит положительный опыт, а значит, непременно должно быть указано, что этот опыт не случайный, а принадлежит все-ми уважаемому и признанному человеку, именно такому-то. Моя же книга заключает в себе одни только глупые вопросы, которых каждый может задать десятки и сотни, так стоит ли мне особым образом обозначать себя? Я настолько презрен и настолько ничего не понимаю, что даже имени своего не стану называть. Я есть Киясов, - так пусть же это будет единственное мое обозначение как перед людьми, так и пред Богом.

2

Я никогда не мог ничего купить в магазине. Из-за этого в очередях не признавали меня за своего и выпихивали и не пускали, кричали: "Он здесь не стоял!" Если же мне и удавалось подступить вплотную к продавцу, то тут магазин закрывался на обед, или совсем закрывался, а на следующий день оказывался санитарный день, или учет, или по техническим причинам, или вообще ремонт. Иной раз удавалось даже завесить - например, мясо - но, когда шел платить, кассирша уходила из кассы сдавать деньги, или говорила, что не может мне разменять и чтобы я пошел на улицу разменять в газетном киоске, там мне тоже не меняли, я доходил до метро, разменивал, но, когда возвращался, магазин уже был закрыт, а на следующий день или после обеда, если даже иногда там и не было ремонта, то моего мяса там, конечно, уже не было.

По этому поводу я сочинил стихотворение. Сейчас уже неточно помню, кажется так:

Лаят дианыны псы: гонят оленя
в рощах пустых. В серых оврагах апреля
примулы только синеют. Он на миг
только замедлит - пересохший язык

влагой чтобы смочить у мшистого грота -
лай стервенеет - и вот совсем уже рядом:
сейчас из-за поворота выскочат... - и т.д.

В общем, смысл там тот, что я был еще молодой.

Сначала я жил с мамой и с сестрой. Мама все покупала. Сестра вышла замуж за военнослужащего и уехала жить в Крым. Мама потом умерла, и мне стало нечего есть. От своих неудач я очень нервничал и приходил в отчаяние. Через несколько дней позвонил в дверь к соседке и попросил у нее взаймы немного муки. Сказал: отдам, как только удастся купить. Но ничего по-прежнему не получалось, и я опять просил у нее. Потом она заходила одалживать денег. Наконец я стал отдавать ей все деньги, а она снабжала меня необходимым. В то время я уже хорошо получал, потому что защитил диссертацию по Иннокентию Анненскому и начал преподавать параллельно со своей научной работой. Это ей нравилось, и она женила меня на себе, но мы продолжали жить в разных квартирах: она в своей, с сыном-семиклассником, а я у себя, хоть и на той же площадке. Она содержала меня довольно скромно, а большую часть денег, которые я давал, пускала в оборот, потому что очень увлекалась спекуляцией.

По этому поводу у меня тоже было стихотворение с неплохой, кстати, концовкой, - любопытной, во всяком случае. Примерно так:

... и, возвращаясь, проезжал места,
которые на место возвращались,
чуть только на мгновенье возрождались
в двойной пыли вагонного стекла...
(та-та, та-та)... но я не узнавал
их робких манований и миганий
и, в темноте качаясь, уставал
ловить на стрелках смысл огней сигнальных.

Стихов я опубликовал очень мало, зато статьи

мои появлялись постоянно в журналах. Однажды меня пригласили в Гарвардский университет прочесть цикл лекций по русской поэзии начала XX века. Жена пришла в сильное возбуждение и объявила, что поедет со мной. Я не возражал и, действительно, попробовал оформить совместную поездку, но вдвоем нас почему-то не пускали. Тогда она совсем как бы вышла из себя и стала говорить, что она со мной разведется, если я поеду один. Я не возражал, и она, действительно, подала на развод. Этим она добилась, что меня не пустили и одного тоже. После этих событий я стал, подобно Блоку, усматривать глубокое сходство между своей женой и Россией. Я даже хотел сначала написать по этому поводу стихотворение, но потом, перечитав Блока, воздержался и некоторое время даже гордился потихоньку таким своим не-поступком. Гордость, уж коли она есть в человеке, всегда найдет себе пищу. Пламя гордости даже не совсем можно назвать пламенем: удивительно... прошу прощения, это уже было.

Жена, впрочем, постаралась, чтобы наш развод остался формальностью. Более того: она стала относиться ко мне заметно внимательней. Она сказала, что наш с ней капитал нашими общими усилиями достиг наконец таких размеров, что она собирается купить на мое имя садовый участок с домом. Это намерение она вскоре и выполнила, а кроме того купила на имя сына и автомобиль. Что было дальше, нетрудно себе представить. Я переселился на дачу, увлекся огородничеством и мало-помалу стал переходить на автономное обеспечение себя всем необходимым и, таким образом, постепенно освобождаться по все большему числу измерений. Настал однажды день, когда я обнаружил, что и жена, кормившая меня, которую я так высокопарно сравнивал когда-то с Россией, оказалась в сущности мне не нужна. Но вот что я хочу сказать. Все это довольно

просто: это стереотипная схема, и ради нее одной я не стал бы затевать этого повествования, - но дело в том, что вот такая тривиальная моя судьба оказывается не совсем тривиальной, потому что выводит нас (это я обращаюсь и к себе, и к читателю) - выводит на размышления о некоторых словах, даже о многих словах - об их употреблении в различных смыслах, и даже более конкретно: об их произношении и написании различными людьми.

13

3

Например, слова "престол" и "придел" Василий писал как "пристол" и "предел". И других нескольких подобных особенностей упорно держался. Вероника говорила: "В нем червь доморощенного рационализма". Но не будем о Веронике и о рациональном. В апреле начали крыть крышу железом, и дядя Сережа запил с друзьями. Поговаривали о восстановлении храма Христа на месте бассейна "Москва". Под утро в тонком сне я видел, как мы с Андрюшей делали предварительную геодезическую съемку и для этого залезли на колокольню Обиденного. Я не мог вспомнить, был ли там железнодорожный путь, когда я в детстве проходил мимо забора котлована "Дворца Советов". Мне казалось, что определенно рельсы шли от реки, потом скромно пересекали площадь в устьях Пречистенки и Остоженки и плавной дугой уходили куда-то за дома в сторону Сивцева Вражка. Но как это могло быть? Куда вели эти рельсы, старье, с травой между шпал? Никто по ним не ездил. Узкоколейка с вагонетками, может быть, была на самом дне котлована, за забором? Там высились горы глины. Впоследствии, когда Василий работал на "скорой помощи", он познакомился с очень симпатичной и скромной девушкой, медсестрой. Назначен был день венчания, и Василий меня приглашал. Мы разговорились. Помню, один раз мы сильно заспорили с ним из-за какого-то сущего пустяка, случайно подвернув-

шегося. Кажется, я утверждал, что слово "амвон" пишется с буквой "б", т.е. "амбвон", - а ведь я так и произносил. Василий поправил меня, но я долго стоял на своем, пока не заглянул наконец в словарь Бодуэна де Куртенэ. Примечательно, что и слово "аналой" Василий произносил и писал по всем правилам: "аналогий". Дело, однако, не в этом. Попытаюсь объяснить. - Ведь для говорения, например, с трибуны совсем не обязательно правильно произносить все слова. Не обязательно даже придерживаться системы в своих ошибках. Я мог бы говорить с трибуны, не остригши своих длинных и не совсем чистых волос. "Вот так обезьяна! - сказала одна женщина в автобусе, указывая на меня соседке. - Вот взять бы да остричь его!" - "Конечно, - я ей, - будь ваша власть, вы бы всех остригли, я в этом не сомневаюсь. Но ведь вас даже не выбрали в народные депутаты! Или выбрали?" - "Нет", - сказала женщина. - "Ну вот видите", - сказал я. Было венчание. Мать невесты пригласила хор из Данилова. Все проходило очень торжественно. И вдруг одна девушка, стоявшая немного с краю среди присутствовавших гостей, залилась слезами, даже зарыдала, задержалась и долго не могла остановиться. "Все кончено, все кончено", - без конца повторяла она людям, которые усадили ее на скамейку и принесли стакан воды. Потом выяснилось, что она была тайно влюблена в Василия. Вроде, случай обычный и даже как будто украшающий сценарий хорошего венчания. Но здесь много загадочного. Как это она была влюблена столь тайно, что никто и подумать не мог? Может ли это быть? "И Василий не знал?" - спросил я потом Марину (так звали эту девушку). - "Он догадывался", - сказала она. Но по всему было видно, что и для Василия это - гром среди ясного неба. И мне осталось предположить одно: что всю эту влюбленность она выдумала мгновенно, в момент самого венчания, и тут же поверила

в нее задним числом, т.е. что влюбленность была всегда. Ах, если б это было так, то как все было бы просто. Но я не могу быть уверен. Вот Вероника - другое дело. Но о ней мы не будем. Вернемся к дяде Сереже. Я тогда подумал: "Какой смысл восстанавливать храм Христа, если - если - да, сейчас... если это было, может быть, во сне, - эта узкоколейка и там - все остальное? В чем мы (я обращаюсь к тебе, Андрюша!) - в чем мы можем быть уверены? Я молился (да, тут дело пошло к исповеди, и я не стыжусь в этом сознаться) - я молился, чтобы Бог дал мне забыть про те 20 рублей, которые занял у меня дядя Сережа на пьянку. Он-то забыл, - это просто. А я не мог. Я повторял: "И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим", - и воображение рисовало груди грехов - блистающих сокровищ, - которые Господь позабудет мне за эти несчастные 20 рублей (тьфу!). Есть резон? Кто станет отрицать? Но как это сделать - забыть, - со стороны кажется просто, а попробуй. "Долги наша". Я спросил у Василия: "Может быть, "долги́"?" - "Нет, "дóлги", - отвечал он самодовольно. И был прав: зачем упускать случай самоутвердиться на очевидном, что десятки раз повторяется каждый день за службой и дома, - да и в молитвенниках напечатано с ударением. Так и настоятель сказал уже после венчания, когда я подошел под благословение: "Ну игумен! Ты прямо игумен у нас!" - имея в виду мои волосы. "Извините, батюшка, - говорю, - никак не соберусь постричься". И сразу смутился, ибо сообразил, что вышла двусмысленность, принялся быстро объяснять: "ну, то есть я хотел сказать "постричься" в смысле..." - "Я понял, понял", - сказал настоятель. А Василий захохотал: "Вот это здорово!" А Вероника со злобою закусил губу. Она всегда понимает все по-своему. Но не будем о ней. Я обращаюсь к тебе, Андрюша. Ведь именно ты, а не кто другой, когда я стал

жаловаться на настоятеля (а кому еще я мог пожаловаться? - ведь именно с тобой мы делали геодезическую съемку с колокольни Обиженного, и на самом деле у меня просто нет другого человека, с которым я мог бы поговорить) - ты сказал сразу резко и насмешливо:

- Как он отнесся к твоему греху?

- Ну, - сказал я, - ну вот ...

- А как он должен был отнестись? Что - льстить тебе и потакать?

(Это ты пошел на меня в наступление.) А я:

- Нет, но хотя бы какое-то понимание...

- Понимание чего?

- Ну... как бы это... Понимание, что ли, сложности того положения, в которое я попал...

- А почему ты знаешь? Ты пробовал ему объяснить?

- Да, мне хотелось ему объяснить. Но он с самого начала задал такой тон, что это было безнадежно...

- Так пробовал или нет?

- Пробовал, пробовал. Только приходилось выбирать какие-то слова... соответствующие, - ну, что ли, - его уровню...

- Ага, ты начал считать, что он глуп.

- Он недалек.

- Ты перерос его... Что ж, грех взрослит. Тебя можно поздравить.

- Спасибо. А вот то, что мы все узники, тебе не приходило в голову? Мы все живем в тюрьме. А зачем? Кому это так надо? В этом, что ли, красота мироздания или, может быть, в этом его премудрость и совершенство? Ведь мы почти ничего не видим и не слышим, только заперты со всех сторон и обмануты в своем отторжении и ничтожестве - вот как надо сказать. Мы ничего не можем, а с нас спрашивают, как со свободных. А я, презренная обезьяна-игумен, - я, например, даже купить ничего не могу в магазине. Зачем этот обман?

- Ну, займл! Да кто тебя обманывает?

- Ну, хоть Вероника: она все время говорит... Но даже не в ней дело. Я хочу, чтобы ты меня понял: вообще во всех словах, которые говорятся и пишутся - сплошной и целенаправленный обман: они все твердят, что мы свободны, а на самом деле строят вокруг нас эту же самую тюрьму. Как и в случае с настоятелем, о котором я пытаюсь тебе объяснить, а ты даже не хочешь...

- Чепуха! Это не обман, а дефект речи. Ты сам себе тюрьму строишь из-за того, что слишком много о себе думаешь. Ведь гордость, уж коли она есть в человеке...

- Опять сначала! Ну вот! Ну как с тобой говорить!

- А чего ты хочешь? Я тоже человек грешный. Высокомерный, черствый, горький, - так? А тебе бы хотелось, чтоб с тобой нянчились.

- Извини, Андрюша, но я думаю о тебе даже гораздо хуже. Тебе просто лень вникнуть в мои вопросы и помочь мне. А твои грубость и суровость, которые ты, наверное, считаешь очень полезными для меня в моем положении, на самом деле суть просто удобное прикрытие для твоей лени и равнодушия. Вот дядя Сережа - он не такой. Ты знаешь его?

- Дядя Сережа кровельщик? Так он же алкаш!

- Вот и хорошо. С ним можно хоть выпить. А с тобой разве выпьешь? Или с Василием?.. Особенно теперь, когда он обвенчался со своей медсестрой... Раньше еще можно было, а теперь вряд ли. Но и раньше, когда он приносил спирт с работы и выпивал даже изрядную дозу, он оставался точно таким же тупым и самодовольным, как и в трезвом состоянии. С ним абсолютно не о чем было поговорить. Разве что спросишь его для приличия, как правильно произносится или пишется то или иное слово. Например: "якоже и мы оставляем должником нашим" - или "должникАм"? - спросишь так только, для поддержания,

вроде, дружеского разговора. Ну, он даст со всей важностью все соответствующие объяснения. Объяснения, конечно, поучительные, - ничего не скажешь. Но ведь больше-то ничего и не скажешь. А теперь он и вообще начал новую жизнь, - так что с него взять. Нет, дядя Сережа не таков. Он забыл про те двадцать рублей. Вот как он внимательно относится к людям. И когда я тоже забуду - тогда все сразу встанет на свои места: новая жизнь начнется для меня в словах, которых я никогда не говорил и не писал, которых я нигде не мог прочесть и ни от кого услышать, хотя так старался. Мне так хотелось, чтобы их сказал мне ты, Андрюша, а ты вместо этого...

- Да что ты пристал! Пусть их тебе твой дядя Сережа скажет!

- Нет, - возразил я, - он-то ничего не скажет. Он настоящий друг.

Странный Гелен

Гелен шел всю ночь и на рассвете увидел стены обители. Он прославил Бога. Однако, когда он приблизился, то мертвенное безмолвие встретило его. Он вошел в ограду и увидел церковь. Заглянул внутрь: там не было никого. Тогда он стал обходить запертые кельи, всюду стучась и зывая: "братие! братие!". Долго он стучал. Наконец один за другим показались пять инок, все ветхие старцы. С изумлением смотрели они на молодое лицо Гелена. Все они наверняка успели заслужить милость у Господа, а потому без труда могли различить в любом человеке как порок, так и совершенство. "Я пришел издалека, - сказал им Гелен, - я очень хотел быть сегодня с вами в церкви. Объясните же мне, почему вы не служите Божественную литургию в воскресный день?" Тогда один старец отвечал ему: "Среди нас нет никого, облеченного в священный сан. А священник, который обычно приходит к нам, живет за рекой. Сегодня он не пришел оттого, что

боится крокодила”.

“В прошлую седмицу, - пояснил другой старец, - огромный крокодил, явившийся на нашем берегу, пожрал двух иноков, которые ходили за водой. Третьему лишь чудесным заступлением Богородицы удалось спастись. Он прибежал в ужасе и сообщил нам, что два брата, прежде пропавшие, по-видимому, стали добычей чудовища... А в минувшее воскресенье, когда священник пришел и мы поведали ему об этой напасти, он был так напуган, что после литургии не хотел идти за ворота. Мы ободрили его, как могли, и с пением псалмов проводили до лодки, и крокодил - хвала Господу! - не напал на нас. Но мы знаем, что священник больше не придет. Вот в чем состоит наше смущение и наша скорбь, которая теперь понуждает нас сидеть запершись по кельям и плакать о своих грехах и поститься в праздничный день”.

19

“Хвала Господу за все! - сказал на это Гелен. - Ждите, братие, я приведу вам священника”. И, поклонившись старцам, он пошел на берег реки.

Там он стоял и некоторое время молился. Крокодил не показывался. Тогда Гелен крикнул: “Именем Господа Иисуса Христа! иди сюда!” И тотчас он увидел, как черная спина с быстрою молнии взрыхла ряску. Выскочив на берег, крокодил кинулся к Гелену, быстро-быстро перебирая лапами, и вдруг замер в двух шагах перед ним. Маленькие глаза крокодила были непонятны. Гелен смотрел в них и не видел там ни страха, ни алчности, ни злобы. “Именем Господа! повернись пастью к воде!” - произнес Гелен. Крокодил сделал это. Гелен сел ему на спину и приказал: “Именем Господа! плыви на тот берег”.- Крокодил поплыл. Казалось, сильное течение несколько не сносило его, и он пересек реку точно по прямой, перпендикулярной берегу. “Именем Господа! стой здесь”, - Гелен встал с крокодила и, не оборачиваясь, быстро пошел к селению, видневшемуся

в скалах.

20

Ему достаточно было повторять мысленно путеводную молитву, чтобы без розысков подойти сразу к дому священника. Тот был в дальней комнате и вышел на стук. Гелен поклонился ему: "Приди, отче! Братия святой обители плачут и ждут тебя". Гелен имел самую бедную и рваную одежду, к тому же вымокшую в реке, и священник воззрился на него, изумляясь и недоумевая. "Кто ты такой, и как тебе удалось переплыть реку?" - спросил он со страхом. "Я - грешный Гелен, раб Христов. И Его именем я переплыл благополучно. Не бойся, отче, иди за мной, тебе не грозит никакая опасность".

Священник поверил ему. Но когда они приблизились к берегу и вдруг стал виден крокодил, лежащий, подобно огромному бревну, священник вскрикнул и бросился бежать. "Стой! стой! именем Господа!" - закричал Гелен. Священник остановился. "Умоляю тебя, отче, не бойся этой твари Божией. Ты сам знаешь, что вся тварь повинуется Творцу. Но чтобы тебе это лучше уразуметь, скажи сам этому крокодилу". - "Что?" - еле внятно прохрипел священник. Он стоял, выпучив глаза. "Скажи ему: "именем Господа! повернись пастью к воде!" Священник трясущимися губами повторил слова Гелена. В ту же секунду крокодил приподнялся, лапы его напряжились и весь корпус подался вперед, как стрела. Но он остался на месте и не повернулся. Как и прежде, его маленькие глаза совершенно ничего не выражали. "Отче, скажи более громко! - попросил Гелен, - скажи с властью!" - и священник снова, хотя с видимым трудом, но на этот раз громко и отрывисто выкрикнул приказание. Крокодил повернулся. "Садись на него, отче..." Священник стоял, как будто ноги его приросли к земле. Тогда Гелен сам сел на крокодила и обернулся: "Садись позади меня, отче! Не бойся. Он перевезет нас обоих". И священник, ничего не понимая,

пораженный удивлением, тоже сел. "Прикажи ему именем Господа плыть на тот берег". - "Именем Господа! плыви!" - крикнул священник, и крокодил с места стремглав бросился в воду. Так они вдвоем пересекли реку. Потом они направились к обители, а крокодилу Гелен приказал следовать за ними на расстоянии десяти локтей.

21

Все пять старцев ожидали их у ворот. Гелен поклонился им, а затем обернулся к крокодилу. "Ты видишь этих Божиих людей?" - спросил он. Глаза крокодила смотрели на него не мигая. - "Зачем ты причинил им зло? зачем пожрал их братьев?" - Гелен заглянул в глаза глубже, но там была такая же стеклянная пустота, как и на поверхности. - "Ты понимаешь, какое зло ты носишь у себя внутри?" - воскликнул Гелен. Пустота и неподвижность... Полное оцепенение. Отсутствие малейшей беглой искорки... - "Ты понимаешь, что тебе лучше издохнуть, чем носить это зло? Да, лучше издохнуть, чем пожирать людей Божиих и пугать их до смерти! Ты это понимаешь?" Пустота и неподвижность. Застывшее стекло, все вокруг просто отражающее своей поверхностью, как зеркало. - "Понимаешь? - крикнул Гелен. - Ну так исполни это, именем Господа!"

Тогда крокодил внезапно открыл пасть, и все с ужасом увидели, как оттуда потоком извергается коричнево-зеленая смрадная пена. Он еще выше приподнялся на лапах и весь напрягся каким-то невероятным усилием... И тут, как молния, судорога пробежала вдоль его туловища. Тотчас кожа на нем с громким треском лопнула - также вдоль, с обоих боков. И внутренности кучей вывалились из него на землю, мгновенно распространяя вокруг столь нестерпимое зловоние, что потрясенные иноки не прежде могли уйти в ограду обители, как только набросав сверху мертвого чудовища большую кучу песку, чтобы унять смрад.

Горгий Лука и его восемь анатэмаТИЗМОВ

22

Несколько лет назад, разбирая бумаги покойного Петра Евгеньевича Шмаринаова, мало кому известного богослова и знатока церковных древностей, я нашел небольшую рукопись, написанную его почерком и озаглавленную: "Перевод анатэмаТИЗМОВ Горгия Луки". После этого я смотрел во многих словарях и энциклопедиях, но никаких сведений о Горгии Луке мне добыть не удалось. Более того, мне даже не удалось выяснить, с какого языка был сделан перевод. Теперь, когда, по-видимому, стало можно печатать все что угодно, я публикую эти анатэмаТИЗМЫ, чтобы кто-нибудь сказал мне, что это такое.

1. Кто творит славословие как сочетание божественных имен с целями, постигаемыми разумом, на которые, по предположению и правилу, он молчаливо предписывает действовать в обратном направлении силе божественного имени, а следовательно творит славословие не прямо обращенное, а только включающее божественное имя как постороннее и обязательное свидетельство, подобно тому как если бы торговец, пожелавший купить вещь у другого, давал бы ему узаконенную меру золота с надписью и именем царя и говорил бы ему: "продай мне эту вещь, ибо я подданный такого-то царя, славного в народах!" — анатэма.

2. Кто сотворил славословие, замкнутое в терминах, но приносит его жестом, который божественные имена приводит во внешнее сочетание с целями, постигаемыми разумом, с тем чтобы на них, вне обязательных установленных правил, но как бы впервые и таинственно воздействовала в обратном направлении сила божественного имени, подобно тому, как если бы тот же торговец протягивал другому неизвестную меру золота с надписью на непонятном языке и, указывая при этом на желаемую им вещь, произносил бы: "да прославится царь мой во всех народах!", — анатэма.

3. Кто творит славословие в терминах разума, но замыкает его таким способом, чтобы оставались допустимыми сочетания божественных имен с целями, не постигаемыми разумом, но представляющими собой конечные образы душевных устремлений, которые, по его предположению, могут

быть прояснены и даны в умозрительной форме силою божественного имени, подобно тому как если бы некий торговец, отдыхая в тени благодатного оазиса, с неохотою и тяготою думал о трудном и полном опасностей пути, который он непременно должен продолжить, и, бросая в источник меру золота с надписью и именем царя и восклицая: "да прославится царь мой!", имел бы в сердце своем тень скорби, которая очертаниями своими неопределенно сходствовала бы с такою мольбой: "о, как не хочется мне покидать это место! о, если уж я должен идти в путь. то как желал бы я снова когда-нибудь вернуться сюда! но если не суждено глазам моим увидеть вновь этот благословенный источник, то пусть некогда другой путник, изнуренный зноем дороги, придет сюда и, приникнув к прозрачной, невозмутимой влаге, заметит вдруг блеск золота на дне, и глаза его прочитают имя моего царя, славного в народах!", — анатэма.

4. Кто сотворил славословие и исключил из него все связи и сочетания божественных имен с целями, постигаемыми разумом, а также отсек и все возможности внешнего сочетания божественных имен с любыми целями, будь то выраженные в терминах разума или смутно предстоящие в образах конечных душевных состояний и устремлений, но при этом оставил жест молчаливого предположения о том, что божественные имена неким обязательным способом вступают в повелительные отношения к тем или другим целям и преобразуют их к виду, пусть и не известному заранее, но безусловно принимаемому духом, который желает самого преобразования, подобно тому как если бы путешествующий торговец приблизился к реке, текущей в пустынной местности, и, не найдя переправы через нее и стоя на ее берегу, бросил в воду меру золота с надписью и именем царя и с веселием воскликнул: "да прославится царь мой!", при этом думая как о чем-то постороннем: "конечно, я не знаю этой местности и не знаю в точности, куда мне нужно идти, но если эта река сейчас передо мной пересохнет, то я буду знать, что мне следует идти прямо", — анатэма.

5. Кто сотворил славословие, замкнутое и непроницаемое в терминах, и приносит его жестом, который никак не может быть опознан и воспроизведен, ибо не находится в связи с какими-либо образами и представлениями, но случаен, по-

добно тому как если бы некто, отправляясь в чужую страну и думая о том, что ему настанет там нужда есть и пить, собрал бы все свое золото, отмеренное и помеченное именем его царя, и обменял бы его на другое золото, равной меры, но помеченное именем царя той страны, а после, по прибытии в ту страну, человек этот вышел бы на берег моря и начертал имя своего царя посохом на волнах, предполагая, что волны прославят его царя, разнеся имя его во все концы вселенной, — анатэма.

6. Кто творит славословие не замкнутое и не способами разума, но образами, необъяснимыми в терминах, и при этом допускает возможность ставить божественные образы в сочетании, пусть повелительные, с какими-либо тенями душевных состояний и устремлений, предполагая их желательное изменение или прояснение под воздействием силы божественного образа, подобно тому как если бы некто, увидав прекрасный цветок, наклонился и стал бы нюхать его, — анатэма.

7. Кто составил славословие, не руководствуясь исключительными правилами разума и полностью изолированное, даже в предположении, от сочетаний с различными целями, будут ли они определены или будут подлежать преобразению в терминах или образах, но при этом приносит свое славословие жестом, без нужды усиленным в направлении отвержения этих самых целей, которые, таким образом, показываются тут же стоящими рядом и ожидающими неких воздействий, подобно тому как если бы кто-нибудь сначала взглянул на прекрасный цветок и зажал нос, чтобы не ощутить его запаха, а после нагнулся бы и, закрыв глаза, чтобы не видеть, понюхал, — анатэма.

8. Кто сотворил славословие из образов, не постигаемых разумом, и полностью замкнутое в чистоте уединения, и для его принесения избрал жест вполне безразличный, который невозможно отнести к любым узнаваемым или предполагаемым смыслам или целям, подобно тому как если бы один человек показал другому изображение прекрасного цветка и сказал: "я думаю, что он лишен запаха", — анатэма.

Литературно-издательское агентство Р.Эллимана.

Основано в 1988 г.

Первое независимое издательство в России.

Оси, направления деятельности:

- экспертиза произведений новейшего искусства;
- поиск и пропаганда новых талантов;
- создание информационной сети в области искусств;
- реализация многоцелевых некоммерческих издательских программ;
- выставочная деятельность;
- предоставление информационных услуг в области искусств;
- рекламные услуги;
- полиграфические услуги.

АВСДЕFGHIJKL

В настоящее время на базе Агентства создается Фонд Р.Эллимана.

Цель Фонда - поддержка и развитие современного искусства.

В основе работы Фонда - деятельность многоцелевого экспертного совета, состоящего из крупнейших деятелей науки и искусства России.

Основная задача - экспертиза современного искусства.

Ближайшая программная задача - издание на базе данных Агентства некоммерческой серии книг "Классики XXI века".

Адрес: 141090 Московская обл., Болшево-6, а/я 79, Руслан Эллиман.

Дмитрий Григорьев

Из сборника "Восточный путь"

* * *

Я уехал из города,
расплатился с долгами.
только пыль на сандалях осталась,
а пыль в пустыне — обычное дело,
когда ветер, она скрывает все,
даже солнце...

Я уехал из города,
жаркого, словно печь,
вечного, словно пыль,
а пыль в пустыне — обычное дело.

27

* * *

Чем степь пустынной, тем заметней
разъездов каменные крошки,
а поезд очень долго едет:
на стекла пыль садится, сажа,
в вагоне медленно темнеет...

Чем солнце ниже, тем заметней
земли морщинистая кожа,
а поезд едет, едет, едет...

* * *

На страницах слова
поднимаются, тянутся к свету,
словно трава,
и можно валяться в буквах,
отгоняя комаров: Ё
любясь бабочками: Й.

* * *

Дома — большие вороны
среди огородов,
в малиновом море кипрея
плывет корабль-корова,
нежный туман под вечер
белей молока...

Мы легки и прозрачны,
как песня кукушки,
как тихая речь ручейка.

Большой Дождь
выворачивает наизнанку весь мой дом,
шумно плещется в поросли
кроватей, столов, стульев, всяких мелких вещей,
разноцветными шторами хлопает, словно в ладоши,
брызгается на стекла:

в одной из капель
соседи в прозрачных дождевиках
перелетают через сверкающую дорогу,

в другой —
на дороге дома-ягоды,
и зеленое небо в цветах,

а третья — просто большой глаз,
в котором комната — и я сам,
и Большой Дождь,
вывернувший наизнанку весь мой дом.

* * *

Сухое дерево скрипит,
жуки уснули в темных норах,
сухое дерево пилить
меня зовет лесник...

Он медленно пилу подносит,
и голос мой похож на скрип:
- Зачем пилить, ведь корни сгнили,
и дерево на солнечном луче
давно висит.

Пила ныряет в снег, как рыба,
и пар пускает, а лесник
застыл, раскинув руки-ветви
на световом луче.

Луна растет, Луна закрыла небо,
там Каин-кратер, Авель-холм,
Луна как лоно, в ней — младенцы-братья,
Луна как Ева: кожа-серебро.

Луна, Луна мне ночью снилась,
последнее убежище крылатых кошек,
небесный рот, и я —
чужое слово
на темном древнем языке.

29

* * *

Трамвай поворачивает направо,
троллейбус сломан,
автобус не приходит...
Ничего, подождем.

Пятно бензина на асфальте
похоже на тень собаки...
Оно станет радугой
под дождем.

* * *

...вдруг я понял, что нечего больше сказать, что все ясно, и главное — тишина, в которой все законы просты, или же, подобный мычанию, чистый, ничего не выражающий звук. Собственно, было не мычание, а гудение. Пустая песня. Мы лежали после обеда, в полудреме, в разных комнатах: я — на кровати, Фил — на диване, и гудели. И это была песня ни о чем. Без мысли, без чувства, истинная вибрация души каждого, для которой прозрачны и наши тела, и стены, и потолок. Слово узкая травинка, она поднималась к небу, а там распадалась, обрастала музыкой, и меня, темного, вытаскивала на свет. И казалось мне, что вот-вот крылья вырастут, и полет будет такой чудесный, что просто: — Ууух!

или Владимира Барсукова

Александр Ильенен

"Слаще звука военной трубы..."

В Петербурге считается до десяти тысяч гражданских чиновников, они ведут большей частью сидячую жизнь, исключая некоторых, кои в беспрестанном движении. Не имея собственного достатка содержатся или жалованьем, или посторонними доходами. Почтенное сословие писателей здесь значительно и год от году возрастает. Правительство печется об их нуждах, включая их в число чиновников, или производя по временам награждения, иногда же они сами доставляют себе содержание учеными трудами.

"Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга",
сочинение Доктора Г.Л. фон Аттенгофера, 1820 г.

1. Перефразируя Хлебникова могу сказать о себе: я - Антинаполеон. Я думаю что от смешного до великого один шаг. Да: дю ридикюль о сжблим иль н'ья к'ен па!

...

Наполеон мечтал покорить Вселенную, был полководцем. Я никого не хочу покорять и весь пафос борьбы устремляю против себя.

...

Зато мной все любят командовать: от семейных до самых затрапезных начальников. Командиры и начальники... Имя им легион.

Печатается с сохранением авторской орфографии и пунктуации

...
Я смирился со своей участью и позволяю всем командовать мною. В назидание себе переписал поучение апостола Павла о начальниках. Стараюсь их не огорчать.

...
Что делать если повсюду поощряется усердие к службе. В то время как лень - моя первая и главная добродетель! Лень как благодать. Как патологическое состояние. Т.Е. недуг. Надежный щит!

31

...
Лень защищает меня от опасностей жизни. Лень не дает мне окончательно встать на путь пороков и беззаконий.

...
а пропо: Хлебников писал: я - Разин наоборот

2. Тишина на службе обманчива: может показаться, что все чиновники глухи, и музыки нет вовсе под небом кабинета! Пожалуй что так, но не совсем: а пенье кабинетных птиц? по-пугаев, например. А шорох ползающих чиновников, а свирель козлоногого майора с грустными глазами? Представьте себе такую сцену: где-то играет свирель, нежная мелодия манит вольнонаемную девушку СА. Она прислушивается, пытается угадать в какой стороне играет свирель. Идет на звук, полная очарования. Вдруг из зарослей тростника что растет у бассейна на нее выпрыгивает здоровый майор-урод с грустными глазами. Крики, стон, плач. Сильнейшее нервное потрясение. Увольнение со службы за ненадобность.

Вот она музыка кабинета!

3. Девушка-делопроизводитель прикована к пишущей машинке. Она смотрит на неживые цветы и печально улыбается.

4. Вошла девушка в черном платье и прозвнеся незначительную фразу вышла из кабинета.

5. Я отошел от научных работ. Профессор не одобряет этого. Мое желание вернуться в мир искусства ему не понятно. Жаль!

6. Лучше сидеть в мансарде у открытого окна и дышать весенним воздухом, чем служить где-нибудь по ученой части. Там наверняка темно, сыро и бегает крысы.

7. Три майора служат у нас сейчас. Капитан временно уехал. Ждем нового начальника. Я по-прежнему медлю. Иду предлог, чтобы убежать со службы.

32

Дослужился до тошноты. Без отвращения не могу смотреть на зеленую униформу военных чиновников.

8. Когда-то в казарме читал такие лозунги на стенах: "Офицер - профессия героическая" или "Профессия - родину защищать".

...

9. До сих пор героическая профессия защищала меня от опасностей жизни. В нашем служебном кабинете столько же риска как и у музейных смотрительниц.

10. В одном старом словаре прочел такое определение слова "офицер": офицер слово французское, означает военный чиновник.

11. По совету моего друга я стал заниматься научной работой. От тщеты и суеты моих научных занятий меня избавил тот старый словарь, который обнажил истинное многих феноменов.

12. Профессор не понимает как нелепо я буду выглядеть в склепе среди ученых мощей. Золотая клетка с попугаем. Он в вызывающе цветастом оперении кричит всем: дураки! Это - ученым дамам, старикам и юным стареющим девам. Попугай, повторяющий речение Святого апостола Павла об ученых.

[...]

13. Я сидел у себя в кабинете желтом от занавесок и кашпо. У бассейна сидел в задумчивости и бросал туда крошки хлеба. Вошел постаревший и подурневший начальник, со взглядом

потухшим только что выкуривший сигарету и преврал мои размышления...

14. Служу как и вчера в этом желтом кабинете. Девушка идет из дальнего кабинета. Она в розовых туфельках, волосы развеваются, ногти покрашены в лиловый цвет.

15. За окном мартовская вьюга, а на душе военного чиновника светло как будто весна.

16. Сейчас зайдет начальник будет рассуждать о служебных добродетелях. Наберусь терпения и сделаю вид, что слушаю.

33

17. Собаньская задуши его своим шарфом!

18. Когда за окном метель хорошо сидеть в нашем кабинете.

19. Лиза не будет работать в кафе "Литераторские мостки", которое переоборудовали из туалета. Если не удастся устроить ее в баню, придется попросить доктора, чтобы взял к себе в больницу. Во дворе больницы она разобьет чудесную клумбу.

20. Страшно иногда на службе бывает. Майор Васильич из староверов обещает всех огнем крестить.

21. Майор - человек решительный. Если случай представится исполнит что задумал.

22. Мечтаю найти подходящий предлог и уволиться со службы. Стану зарабатывать себе на жизнь честным трудом. На цветочной плантации... В библиотеке Духовной академии... Жаль голоса нет, а то пошел бы петь в хор!

23. Собаньская столкни начальника в бассейн!

24. За окном мартовская вьюга разыгралась, а тут цветы в желтых кашпо. Плавают рыбы и попугаи в клетках вечное лето делают.

25. Почему же меня тянет отсюда в аборигенскую стужу. в пустыню. На волю!

26. Васильич, поджигай горницу начальника!

27. Полубогемный капитан уехал в Москву. Ему не терпится уехать в Африку. Он любитель авантюр. Там он заработает немного зеленых себе на жизнь. Вернется и будет снова вести полусветскую жизнь до выхода на пенсию.

34

28. Случай с одним старым капитаном по прозвищу "Кот Базилио". Дождался наконец пенсии, но через неделю был убит.

29. Девушка-делопроизводитель, отчаявшись вышла замуж за морского офицера - почти вношу - с круглым розовым лицом.

30. Начальник уехал на похороны. Он стал круглым сиротой! Сегодня утром я видел его проходящим мимо бассейна, где плавает подслеповатая девушка. На ее приветствие он кивнул головой и грустно улыбнулся. Эта сцена взволновала меня и я целый день думал о перемене, происшедшей с начальником, который не ходит больше павлином по аллеям службы. Я даже проникся жалостью к нему, забыв о том, что этот павлин чинил мне разные обиды, когда был в цвету и силе. Зла я на него не держу, ведь в основе обид лежал не злой умысел, а глупость моего начальника.

31. Васильич вылезает из бассейна, а подслеповатая девушка вытирает его упитанное приятное тело полотенцем. Напившись чаю, майор Васильич отдает всем распоряжения.

32. С ужасом думаю, доктор, что будет со мной, если они уволят меня из этой опереточной группы! Из нашего веселого балагана...

Военные чиновники одеты все одинаково: как девушки в кордебалете или служители в цирке.

Они лишь посмеются надо мной, когда я окажусь на улице. Да: это равносильно тому, что

пойти на панель!

Как заработать на кусок хлеба, не умея трудиться? Кому нужен дрессированный попугай!

33. Вдруг оказаться на улице и трудом зарабатывать себе на жизнь. Не с легкостью и радостью в вечном лете кабинетного парадиза, а в поте лица как мой дед.

Ведь мой дед землю пахал!

34. Девушка-делопроизводитель нашла крайнее средство чтобы уйти из кабинета и изменить себе жизнь. Вышла замуж за морского офицера. Печальная история. Но жалеть не пристало ее: она впитала в себя слишком много яда от кабинетных цветов и почти не жила уже... Уж лучше выйти замуж, чем оставаться в кабинете!

35

35. Сейчас занимаюсь по просьбе доктора переводом монографии Фуко "История безумия". В кабинете тихо и спокойно. Военные чиновники считают дни до пенсии. А в город пришла весна. Май безумный с белыми ночами! Иметь душу девочки-нимфетки и весеннее настроение, мечтать о любви и влюбляться как в первый раз... И носить при этом казанскую шапку военного чиновника, быть награжденным медалью "Десять лет безупречной службы"...

- Согласитесь, жить совсем не просто, доктор.

- Если хочешь, я дам тебе освобождение.

- Освобождаться на три дня не стоит труда. А вечно освобожденным, доктор, быть невозможно.

36. Уволиться, выйти в отставку... Хорошо сказать. Но куда пойти?

37. Я спускаюсь из своего кабинета. Мне надоело сидеть под зеленым куполом и смотреть в сад академии, где ходят больные в синих халатах и бегают черные курсанты. Во дворе службы - довольно тесном и напоминающем тюремный дворик - воображаю себя Маркизом де Садам, которого посадили в Бастилию.

38. Стоит ли жить? - да, и такие страшные вопросы рождаются в утомленной голове военного чиновника, который просмеется целый день с девушками в кабинете или выполнив два-три поручения, приляжет отдохнуть где-нибудь в тени или в камышах у кабинетной реки.

Ему может присниться сон о поездке в пригород апрельским солнечным днем. О встрече с другом на вокзале в Павловске. Они стоят на перроне и громко смеются над розовыми курсантами, плавающими в пруду среди кувшинок. Действительно, прекрасное и забавное зрелище!

39. Начальник похож на старую кокетку перед зеркалом. В столе у него, наверное, хранятся разные щеточки, баночки с пудрой, кремом, помадой для волос, для придания им особого блеска, принадлежности для ухода за ногтями. Он не такой безобразный как майор, но его манеры не могут не вызвать улыбки.

40. Нет уверенности в том, что Собаньская прекратит интриги против начальника, потерпев поражение. Нет, она готова на все! Она может столкнуть начальника в бассейн. Он упадет в воду, запутается в стеблях кувшинок... Это вызовет всеобщее веселье! Потом все бросятся спасать начальника: майор Васильич будет кричать команды, девушка в черном сложит руки на груди и сощурит подслеповатые глаза. Мы с белокурой девушкой и другим майором станем вытаскивать бедного начальника из воды. Вид у него будет смешной и жалкий. Весь в зеленой тине, мокрый начальник.

41. Хорошо помечтать в моей кабинетной глуши! Из начальника уходят последние силы, но и Собаньской торжествовать рано: повалив начальника в последней схватке сама потеряет голову. Васильич-майор с девушкой в черном сосредоточенно молятся. Я вдруг смеяться начинаю. Это от нервов. Слишком напряженная обстановка.

42. Мои милые девушки, наш веселый Трианон!

43. Девушка в черном мечтает, что ее курсанты изнасилуют. Глупая, наивная девушка, ведь этого не будет. Молодость, иллюзии, хи-меры. Хоть бы Васильич по-хлыстовски плеточкой тебя уважил! Увы так и засохнешь в их компании. На цветок гербарный станешь похожа: на кошачьи лапки, например, или гвоздику полевую - розовенькую... или другой какой цветочек луговой!

44. Выходя из желтого кабинета в сердцах сказал доброму майору: не смейте кормить меня пряниками! от них испортится желудок и расшатываются зубы. От вашей сахарной доброты я совсем больной стал. Пусть лучше Васильич меня плеточкой отходит. Ничего, не умру, здоровей только буду! (с такими словами побежал на улицу, к Алене, в библиотеку)

37

45. Быть вместе с глупыми и нежными военными чиновниками, носящими одинаковые мундиры зеленого цвета, быть вместе с вольнонаемными девушками... Это ли не радость? это ли не успех! Это ли не разумное устройство жизни: из многих иных замкнутых пространств оказаться в пространстве кабинета, где вечное лето... Попугаи, цветы, трава. Шепот губ. А вдруг за кабинетом пропасть? Конец, дальше нет ничего? Пустота! Тишина. Такие мысли мешают наслаждаться вместе со всеми радостью кабинетной жизни. Кому плохо в кабинете, те больны. Их заставляют писать рапорт с просьбой уволить из кабинета. Есть и такие паршивые овцы в веселом стаде кабинета!

46. В минуты сомнения и тоски, когда на службе вдруг станет темно и страшно. и все со страхом ждут появления третьего начальника, вспоминаю о чиновнике страхового офиса Кафке.

47. Девушка в черном уволилась со службы. Та самая, что ходила купаться с майором в прорубь у Ботанического сада. Та подслеповатая девушка, мечтавшая быть изнасилованной курсантами. Ушла сегодня со службы с букетом бордовых роз.

48. Оказывается, Мопассан мечтал о сцене. Вот это новость! У него были замечательные усы и крупные чувствительные губы.

49. Сидел в монастырском сквере, недалеко от семинарии. Поджидая профессора. Стало вдруг чего-то жаль, какая-то непонятная обида вдруг охватила. Строка Аполлинера удержала меня на поверхности и не дала погрузиться в мрачные воды отчаяния.

38

Жэ векю ком эн фу э жэ пердю мон тан!

(Прожил всю жизнь как безумный и растратил все свое время)

50. С профессором мне хотелось посоветоваться насчет службы. Я не способен на самостоятельные решения. Все раздумываю: служить или не служить?

51. Терпение - проявление страсти. Удивился, прочитав это у Дали.

52. Если бы не было таких терпеливых и прилежных военных чиновников как наш майор, то государственность лишилась бы подпорок и шаталась. Разве можно быть так привязанным к службе, как он! Он стал посмешищем всей службы из-за этой привязанности. Чин майора должен быть высшим утешением этому бездарному чиновнику. Хотя есть и другие утешения: служить среди развалин северной столицы, когда другие в Сибири служат.

53. Наш кабинет находится под зеленой круглой крышей, это придает ему вид шапито.

54. Я сижу под зеленым куполом и изображаю "занятого своим делом". Я обдумываю свои Записки. Вот что придумал записать: воспоминание об Ирине Львовне.

55. Ирина Львовна идет по Нехинской улице и читает стихотворение про смерть: О ты шуршащая занавеской! А в это время падает апрельский снег. Весенний снег. Светлое Христово Воскресение. Те черные тяжелые ворота кажутся выдум-

кой. Тебе, Ира, приснится наш визит.

56. Доктор! Представьте меня в таком положении: как вдова Мармеладова хочу идти туда! помните она говорит своим детям: завтра опять пойдем. Мои дети: маленькие, тоненькие мои листочки. Мое сочинение. Показывать и читать простуженным голосом на ступеньках быв. костела Св.Екатерины на Невском. Или попросить чтобы девочка или мальчик читали жалобными голосами. Кто-то из жалости бросит денежку. Разумеется, не звон монетки обрадует мое сердце: сердце государственного служащего, имеющего сносное жалованье. А внимание! может быть блеснет восторг, печаль или сострадание в глазах у девушек, или старушки. Или юноши со скрипкой?

39

57. Мой начальник, став круглым сиротой, постарел и обмяк. Все принимают это состояние за доброту. Он закрывается в своем кабинете и завивает челку бигудями. Две бигуди висят на челке, мешают писать. Он то и дело поправляет челку и записывает в тонкую тетрадь свои переживания: его хотят прогнать со службы и т.д.

58. В ожидании пенсии офицеры кабинета занимаются полезной для себя деятельностью: кто читает, кто переводит, кто пишет диссертации. Не привыкшие утруждать себя умственной деятельностью бегают или прыгают под бело-синим знаменем спортивного общества. Начальники, не желая прослыть обскурантистами поощряют эти занятия, полагая также, что это может отвлечь молодых офицеров от пьянства и адюльтеров.

59. Что ни придет в голову бедному офицеру! Некоторые стреляются, другие сходят с ума или убивают своих начальников. Третьи... Когда кабинетный офицер принимается сочинять роман под видом "ученых занятий", согласитесь это неспроста!

60. В Сибири доведенные до отчаяния молодые офицеры стали сочинять роман. Знаменитую "Зеленую португеп". Об этом мне рассказывал

М.А., мой приятель, в прошлом - Сибирский офицер. С ним я познакомился в Крыму во время моего очередного вагабундажа. Ему я обязан и "Сахалинскими впечатлениями". Читатель будет вправе упрекнуть меня за подражание Жорж Санд, которая писала о Швеции, не покидая своего имения в Ноане.

40

61. После жарких дней случилась прохлада. У меня заболела спина, голова и зубы. В воскресенье я сидел у реки, спиной к солнцу, надеясь на облегчение моего состояния. На следующий день мне стало еще хуже, и я пошел к моему доктору просить освобождения. Добрый доктор дал мне справку и поставил печать. Три блаженных дня. Без борьбы с барсами и пугливых девушек в ущелье!

62. Я - престарелый ученик в школе мэтра. Школа находится у вокзала, там, где канал краснеет от заката, а зимними вечерами вода сверкает фейерверком, отражая огни фонарей. В этой сверкающей воде плавают утки. У меня сохранился конспект романа "Гадкий утенок", где я описываю мое появление у мэтра. Я был шуплый, мокрый, серый. Надо быть мэтром, чтобы не прогнать такого!

63. Я сказал его жене, незначительной сотруднице: хорошо что жив остался, а то бы могли пирожными отравить или подговорили бы Васильича, чтобы задушил!

(слова сказанные мной жене майора в утешение, когда того перевели в результате интриг из нашего кабинета)

64. В конспекте романа "Последний чудный черт в цвету" описывается мое возвращение из каракумской ссылки. Начальника-сироту все-таки уволили. Майор снова вернулся на свое прежнее место. Тот самый майор, который любил наряжаться в Распутина. Пришел и новый начальник, третий! страшный в нашем воображении... он оказался совсем не таким, а простоватым, даже с некоторым напускным добродушием. Меня перевели в другое место - опять-таки в результате

тайных интриг. Местом моей новой службы стала Медико-хирургическая академия у Финбана.

65. За страсть к сочинительству маркиз де Сад угодил в Бастилию. А затем в Шарантон! И там не прекращал писать. Говорил, что лишить его пера с чернилами, все равно что лишить воздуха. Вот это был настоящий писатель!

66. О роли маркизов в моем творчестве. Маркиз де Сад - божественный маркиз! Маркиз де Кюстин с его "Письмами из России".

41

Как объяснить мою привязанность к Франции? В какой-то мере я французский писатель.

67. Мой друг! Я очень признателен тебе за весенние стихи. Они вернули меня к жизни. Я был издерган и раздражен всем непорядком моего существования. Слишком много вещей приходилось делать против сердца. Появилось даже ощущение, что совершается предательство. Мне стало казаться, что я уподобляюсь Мопассану, любившему сочинять о девушках и чиновниках. Я не Мопассан, я - другой - эту фразу повторял, пока шел к своей службе рано утром. Я - другой. В этих словах слышался не вызов судьбе, не упорство, а сожаление, даже разочарование, что можно было понять так: хуже Мопассана!

68. Неожиданно для всех я решил оставить сочинение романа. После того как я приобрел ампула романиста и имел некоторый успех. Круг моих почитателей насчитывал несколько человек... Но зато какие это люди! Любой из литераторов с громким именем не глядя бы променял толпу своих поклонников на моих читателей.

69. С тех пор как я поменял место службы, вернувшись из таврического уединения, в моей голове наступило просветление. Я хожу на службу как ни в чем не бывало. Избавился ли я совсем от мании сочинительства? - сказать трудно. Из общения с докторами я слишком хорошо знаю характер протекания хронических недугов. Оставим физиологию! Я больше думаю о хлебе насущном, служу мамоне. И по-прежнему боюсь жизни. А в

движении - из кабинета в кабинет - пытаюсь найти покой.

70. Оставляя сочинение романа, я не думаю отказываться от сочинительства. Роман будет писаться тайно: под видом писем, записок, мемуаров! На этом можно сделать себе реноме. Пример мадемуазель Башкирцеф!

42 71. Мне хотелось избавиться от прозвища "поэт" и сделаться эссеистом, оставаясь по сути романистом.

72. Известный пурист Андре Жид упрекал Флобера в чрезмерной любви к эвфемизмам. Боюсь, что и мне не избежать упреков в пристрастии к эвфемизмам и аллюзиям. Мне же хотелось создать книгу, полную света и простых ясных форм в духе Ле Корбузье, без завитков и вычурности барочной.

73. Безумие писать или безумие не писать? Не писать - не играть. Что взамен - служить? Мерси! Я не поднялся до высокого, и вопрос мой не звучит пока: быть или не быть. Я спрашиваю: служить или не служить? Как Рабле: жениться или не жениться. Я склонен поступать как капитан: и служит и не служит.

74. Молодые офицеры вселяют надежду своей молодостью. Посмотрели бы вы как галдят они в столовой: здоровые, голодные, веселые. Те, кто пережил смерть и ужасы убийства, рассказывали мне о красках и звуках войны. О трупах среди песка и камней: вдали синеют горы. Взрыв ракеты - и отдыха нет на войне! А потом неожиданный переход к миру. Есть от чего стать человеком. Но куда многое исчезает и растрачивается? Полулюди в шинелях с погонами старлеев, майоров и подполов стоят в очереди за супом или считают дни до пенсии.

75. Мне не хочется писать новеллы о военных как это делал Куприн и другие. Но исследовать феномен исчезновения человека мне интересно как художнику. "В поисках утраченного

человека" можно было бы назвать мою книгу.

76. Полковник огромного роста, розовощекий и слегка лысеющий, раскрывает рот и говорит по-татарски. В обеденное время он теснит сбившихся в очередь нижних чинов и несчастных вольнонаемных женщин СА: все расступаются перед похожим на голодную свинью полковником. Он уже у стойки: хватает железную миску с дешевой едой. Наевшись почти бесплатным обедом, полковник пропускает вольнонаемную женщину с подчеркнутой учтивостью, рассказывает анекдот постаревшему на службе подполковнику и спрашивает: сколько до пенсии осталось?

43

77. Крымские военные отличаются от сибирских мало.

78. Гражданские чиновники отличаются от военных тем, что более недовольны из-за низкого жалования. Недоедание ослабило их, и они не способны на крупные интриги и другие житейские подвиги. У военных еще такое преимущество перед гражданскими: много времени они проводят в движении и на свежем воздухе. Аппетит у них отменный и цвет лица здоровый.

79. ... А остальное все литература, сказал поэт. Читатель ждет жеста, поступка. Все затаили дыхание и ждут. "Полной гибели всерьез"! Надо быть последним императором, чтобы написать такие гениальные строки: "сегодня стоял в очереди за керосином". Среди голубых снегов в валенках мерзнет последний император. Вот это литература! Или умереть в двадцать с небольшим от чахотки. Написать несколько строк о Ницце, мимозах. Надо быть героем войны двенадцатого года - кавалер-девицей Дуровой! Или быть потомственным палачом, чтобы написать "Записки палача". Или военным летчиком... это "или-или" можно продолжать долго. Чтобы растрогать читателя, вызвать "ах"! Напугать или рассмешить.

80. как родилась эта книга? в то лето я вернулся из туркменской ссылки и временно по-

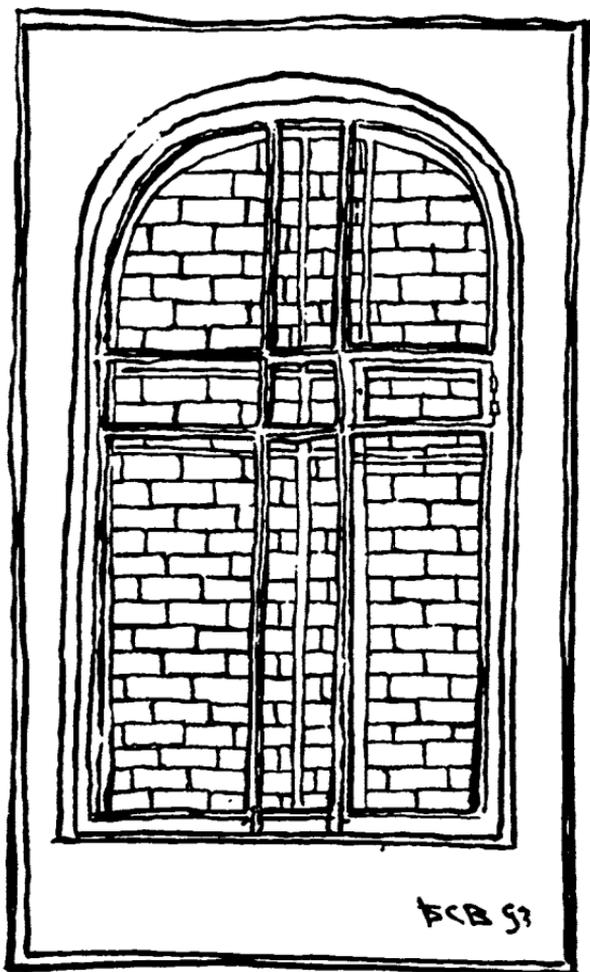
пал служить под зеленым купол... Спустившись однажды в маленький - похожий на тюремный - дворик, чтобы полюбоваться цветами и послушать пение соловья... у меня появилось смутное желание рассказать о своей жизни: о некоторых впечатлениях. Увиденном и пережитом! Каплей, которая переполнила чашу творческого восторга, стала строка из Вийона: Ан л'ан де мон трантьем аж

44

81. позже, в крымском изгнании, я понял что потерпел фиаско с моим романом. Доведя моих героев до последней черты, испугался переступить ее вместе с ними. Мне пришла мысль составить книгу методом декупажа и коллажа. Получилось в некотором роде нежно-романтическое сочинение. С тайным дидактизмом: в назидание юноше с горящим взором.

82. в солнечный полдень я рассуждал о судьбе романа. Я не допущу, чтобы Лиза утонула в пруду или повесилась в лесу от стыда. Мне не хотелось бы, чтобы она нашла спасение в замужестве. Пока она живет на погосте в новгородской глуши, там сторожит музейчик Хлебникова. Живет она не одна, а со знакомой старушкой - бывшей банщицей из Щербакова переулка. Юноша не утонет, купаясь в море. Будет пока жить в Крыму, устроившись временно помощником сторожа в Доме творчества писателей им.Чехова - на горе.

Happy end!

45

Олег Осипов

К Богу

Дорога подошла
к воротам кладбища.
Остановилась.
Дальше сообщение
по воздуху.

* * *

Ненастье.

Люди под зонтами
печаль скрывают.

47

Этюд

Дождь свой глаз
оставил на дороге.
В нем луна.

* * *

Ноктюрн Шопена...

...С лица озера
ушли морщины.

* * *

В комнату
залетела пчела.
На поэму
о цветах
садиться не желает.

Отдых

На выжженной опушке
присел на пенек.
Не слышу птиц.
Но и людей
не слышу.

* * *

Тоску
по городу
оставил.
Считаю волны.
На берегу залива.

* * *

Потеплело.
Хозяин в тревоге.
Ручейки силу набирают.

* * *

Высоко не растет
сосна на болоте.
Ветра боится.

В лесу

Заходит солнце.
Тени деревьев
С собой забирает.

Перед смертью

Поведал кедр
Тайну веков...
Птицы смолкли.

Автопортрет

Слушаю лягушек.
Они в восторге.

К погоде

Над бескрайней лужей
бес развлекается.
То один
пузырь проткнет,
то другой.

* * *

Две недели
в стакане воды
ветка багульника.
Ко мне присматривалась.
И зазеленела.

* * *

Трехстишия Басё
Мой путь
освещают.
В стране
заходящего солнца.

Издательство «Северо-Запад»
в серии русской беллетристики «Галерея»
готовит к выпуску:

- М. П. Арцыбашев** «Женщина, стоящая посреди» (роман, повесть) **49**
Лев Гумилевский «Чертова музыка» (рассказы, романы)
Александра Коллонтай «Любовь пчел трудовых» (повести, рассказы)
Георгий Чулков «Дом на песке» (романы, рассказы)
Владимир Бацалев «Кегельбан для безруких» (романы, рассказы)
Анатолий Каменский «Мой гарем» (роман, рассказы)
Юр. Юркун «Дурная компания» (повести, рассказы)
А. Амфитеатров «В стране любви» (романы, повести)
Константин Леонтьев «Одиссей Полихрониадес» (роман)
Гайто Газданов «Пилигримы» (романы, рассказы)
Наталья Медведева «Любовь с алкоголем» (романы)
Николай Огнев «Три Измерения» (рассказы, романы)
Анна Мар «Женщина на кресте» (роман, повесть)
Леонид Добычин «Город Эн» (полное собрание сочинений и писем)
П. Н. Краснов «За чертополохом» (роман)

**Все книги в переплете
и
суперобложке!**

Чурики, нет игры!

1. Чурики, я в домике!

Среди разнообразнейших вариантов моей трудовой биографии был и один год работы в цирке в качестве художника-бутафора. Мне очень нравилась эта работа. По-моему, в цирке царило (и вероятно — царит) то лучшее, что бывает во фронтовом братстве.

50

Но вот администрация на том историческом отрезке (шел 62-й год) в основном состояла из вдруг оказавшихся безработными подчиненных незабвенного Лаврентия Павловича Берии. И лишь замдиректора по хозяйственной части (мой непосредственный начальник), сутуловатый однорукий человек, — был не из их компании, а наоборот: в недавнем прошлом капитан штрафного батальона. Кажется, он довольно сиротливо чувствовал себя среди своих коллег, а потому все свободное от своих прямых обязанностей время проводил в нашей довольно обширной мастерской, которую я делила с сапожником Сашей (не просто сапожником, а Милостью Божией Художником по обуви, одинаково способным творить все — от башмаков-мухобоек для Олега Попова или особо утепленных пружинящих сапожек для балерины на вертикальном канате (с уже дважды переломанными ногами) до подбития подметок на вдрызг изношенных ботинках бездомной девчонки Галки-Лягушонка, прибившейся к цирку).

Капитан, разумеется, являлся не один, а с бутылкой. И под стук Сашиного молотка и их непрерывное: "Ну, будем..." я, расписывая кувшины для иллюзионистки или занимаясь починкой зубов шибко потрепанного жизнью трехголового змея, с интересом прислушивалась к мирному журчанию красочных фронтовых рассказов капитана, почти всегда почему-то отличавшихся неизменными хэппи-эндами.

— ...Встретил я его полгода назад, детишки у него уже в школу ходят. Вареничками жена накормила, ну, вспомнили, конечно...

Или:

— Оклемался он в госпитале, ноги, понятное дело, нет. Но ничего, выходила его докторша, поженились они недавно...

Саша как-то заметил:

— Надо ж, а я думал, в штрафном не выживает никто почти.

— А я о тех, которые не выживают, вспоминать не охотник, — исчерпывающе объяснил замдиректора.

И вот один из его "оптимистических рассказов" и является для меня ведущей темой того, о чем я хочу сказать в этом и следующих крохотных набросках.

Рассказ его был прост и чрезвычайно прозаичен. Дело в том, что во время Великой Сталинградской битвы случилось так, что половина одного из домов оказалась в руках неприятеля, а половина — у действующего (естественно) впереди прочих видов войск штрафного батальона, вверенного нашему с Сашей теперешнему начальнику. А так как это совпадало с тем кратким мгновением, когда почти месяц не поступало никаких приказов ни со стороны гитлеровского командования, ни с нашей, то оба батальона — наш и немецкий — мирно соседствовали в доме, иногда постреливая друг в друга, ежели встречались на лестнице или еще где-нибудь.

Но, поскольку в еле живом здании сохранилась лишь одна единственная действующая уборная, то над ней по обоюдному решению воюющих сторон был водружен белый флаг, и как в ней самой, так и на ближайших подступах к оной, военные действия были полностью прекращены. Она была местом, где витало волшебное: "Чурики, нет игры!" (или, по выражению нынешнего юного поколения: "Чурики, я в домике!")

И даже по получении приказа о возобновлении боевых действий, прежде чем начать со свежими силами убивать друг друга, обе стороны дали возможность и себе и противнику сбегать в последний раз на заповедную территорию — облегчиться.

II. Саша и оккупант

Две истории, которые я сейчас расскажу, мне поведали мои друзья из маленького совхоза под Ростовом на Дону с экзотическим названием "Верблюд", в котором мои родители по ряду причин очутились перед войной, и куда после эвакуации вернулась я.

За несколько дней перед приходом немцев у моей одноклассницы Саши от острого перитонита умерла мать. Четырнадцатилетняя Саша осталась одна, — отец и брат были на

фронте, — и изо всех сил пыталась поддерживать и хранить заведенный матерью порядок в доме.

Вышло так, что в день вступления в совхоз оккупационных войск Саша с утра была на огороде, снимала там урожай. Огороды у нас в Верблюде, как правило, находятся в пяти-шести километрах от основного поселка. И только по возвращении, сгибаясь под тяжестью мешка с кукурузными початками, Саша обнаружила улочки поселка запруженными горланящими развеселые песни на иностранном диалекте мотоциклистами в болотного цвета форме, двери своего домика — нараспашку, а на маминой кровати, — на священно-белоснежном ее покрывале! — развалившегося в сапожищах и безмятежно дующего на губной гармошке здоровенного фашистю!

52

Тут на мою Сашу при виде подобного святотатства (а быть может, и вследствие пережитого за предыдущие дни) накатило какое-то удивительное затмение, и, швырнув на пол мешок, она заорала на осквернителя маминых покрывал столь выразительно, что во мгновение ока преодолела языковой барьер, не говоря уже о таких малосущественных понятиях, как война, национал-социализм с коммунизмом и прочие мелочи!

В ту минуту, про крайней мере, все встало по своим местам: наличествовала изгаженная сапогами ленивого неряхи постель, законно разгневанная по этому случаю, сверкающая очами юная freulein и бегающий за ней в носках со злополучными сапогами в руках, сконфуженный своим непотребным поведением верзила, жаждущий загладить свое преступление, то собирая с пола разбросанные подушечки, то тщетно пытаясь отобрать у рычащей на него Саши ведро и половую тряпку.

На данном участке фронта на какое-то время перемирие восторжествовало.

III. Ромео и Джульетта

Граждане немецкой национальности, проживающие как в Ростовской, так и в прочих областях, как известно, с первых же дней войны были высланы в Казахстан. Высылка, по-моему, миновала одну лишь мою старшую подругу Талию Фосс. Для Тали местные власти (уходящие на фронт и потому почти ничем не рискующие) сделали исключение, так как ее

прикованная ревматизмом к креслу (к тому же русская) мама — Людмила Николаевна — никуда двигаться не могла. Мало того: начальство даже сочло возможным переселить всеми у нас любимую Людмилу Николаевну, учившую совхозных ребятишек немецкому, музыке и вышиванию, в самый лучший, построенный в начале 30-х годов американскими инженерами коттедж — просто потому, что туда был завезен заранее запас угля.

Третьим обитателем коттеджа стала буквально накануне оккупации застрявшая в совхозе из-за болезни и смерти бабушки (мать ее была хирургом на фронте) совсем юная эвакуированная из Киева еврейка. Отважная Таля, не долго думая, сожгла в печке крамольный паспорт гостыи и, понадеявшись на ее вполне арийскую внешность, оставила жить у себя.

Однако с приходом в поселок оккупантов удобства коттеджа повернулись к его обитателям обратной стороной. Всех троих тут же переселили вниз, в кухню. Верхний же этаж занял назначенный германским командованием комендант с адъютантом и денщиком.

Надо сказать, что Таля и Людмила Николаевна упорно скрывали от верхних постояльцев свою принадлежность к расе победителей. Но вскоре обилие немецких классиков в книжном шкафу и расспросы соседней открыли тем истинное положение вещей. И между верхним и нижним этажами установился холодноватый, но вежливый нейтралитет.

Лишь однажды он был нарушен, когда денщик коменданта — хам (как и положено почти всякому холую вне зависимости от национальной принадлежности), — сунув Майе под нос грязный сапог (а в Верблюде осенняя грязь достигает поистине титанических масштабов), велел ей разуть себя. Разумеется, тихая, как мышка, Майя и не подумала возражать. Зато Таля возразила и даже решительно. Разгневанный ее непослушанием денщик замахнулся кулаком, и неизвестно, чем бы кончилось дело, но кулак внезапно повис в воздухе, схваченный рукой вошедшего в эту минуту в кухню адъютанта коменданта Йоханна.

Вот тогда, очевидно, он и разглядел впервые тихо сидевшую на полу перепуганную синеглазую Майю. Йоханн подал ей руку, поднял с пола, извинился перед обеими девушками за поведение своего подчиненного, и, как показалось Тале,

инцидент был исчерпан.

Единственное, что Таля стала после этого случая замечать, это то, что при случайных своих встречах на крыльце или в коридоре Майя и Иоханн тихо и поспешно, не подымая глаз, шарахаются друг от друга.

54

Между тем, все положенные прелести оккупации шли в Верблюде своим чередом. Из наличествующих в поселке подонков была сформирована полиция, и произведены аресты вовремя не успевших убраться лиц еврейской национальности, а также членов семей командного состава Советской армии и коммунистов. Любопытно, что как раз недавно назначенный к нам парторг института искитрился лихо перемахнуть из коммунистов в партайгеноссе и был назначен бургомистром. И именно под его бравым руководством (не без курирующих эсэсовских коллег, разумеется) почти все арестованные были уничтожены, причем так зверски, что, когда по освобождении поселка погибших перезахоранивали, то выдавшим виды воякам делалось нехорошо от того, что им довелось увидеть...

Тем временем наступила весна. В один прекрасный денек возле ресторана весело беседовали с лузгающими семечки официантками только что отобедавшие и потому находившиеся в прелестном и миролюбивейшем настроении эсэсовские офицеры. Случайно рядом с ними оказался и выходявший из ресторана Иоханн. Надо сказать, что верблюдский ресторан такая географическая точка, которую почти невозможно миновать, куда бы ты ни шел. Поэтому ничего удивительного не было в том, что направлявшаяся в рощу за валежником Майя прошла невдалеке от болтавших офицеров и их веселых собеседниц, одна из которых, не переставая лузгать семечки, кивнув в сторону Майи, безмятежно бросила своим ухажерам:

— Вот говорят, будто вы всех евреев убиваете. А Маечку, небось, не трогаете.

— А ты зачем нам докладываешь? — добродушно хохотнул один из эсэсовцев.

Другой (более бдительный) строго заметил:

— Надо проверить ее документы.

И, обратясь к Иоханну, добавил:

— Ты ведь живешь в одном доме с этой. Проверь.

— Хорошо, я проверю, — сказал Иоханн.

Он пошел следом за Майей в сторону роши, но, не дойдя до нее несколько шагов, поднял пистолет и выстрелил ей в затылок.

Примерно через час он вошел в кухню. Людмила Николаевна была одна. Он сказал (впервые по-немецки):

— Очень прошу вас, фрау Фосс, когда война кончится, попросите вашу дочь отправить это письмо моим родителям. Адрес на конверте.

И вышел. Несколько минут спустя в его комнате наверху раздался выстрел.

Письмо не было запечатано. И когда страсти улеглись и в доме стихло, Таля и ее мать открыли конверт. В нем оказалась, видимо исподтишка сделанная любительская фотография Майи, развешивающей на дворе белье. На обороте фотографии была надпись: "Простите меня. Эта девушка должна была бы стать моей женой, и мне пришлось убить ее".

IV. Ледяная дорожка

Шел 1947-ой год. Я училась в художественном училище. Здание, где оно размещалось, находилось на краю города (теперь там почти центр). Туда не ходил даже нормальный трамвай, а о метро тогда и помину не было. Иногда от трамвайного кольца до училища нас подбрасывал (раз в сто лет) пробегавший по однопутной трамвай-подкидывашке. Но чаще мы этот отрезок пути шли пешком.

Вдоль однопутной шло строительство симпатичных двухэтажных домиков (теперь, кажется, признанных нерентабельными). На стройке работали пленные немцы ("фрицы" — как принято было их называть). Война кончилась сравнительно недавно; у многих из нас в семьях были погибшие в блокадном Городе и на фронтах, сами мы были худосочные военные недомерки, и потому считали себя обязанными слегка злорадствовать по отношению к поверженному врагу.

Но постепенно молодость, радость открывшегося нам многоцветия мира и просто щенячье легкомыслие брали свое. И мы все больше привыкали к нашим перемазанным известкой, расхристанным и небритым соседям. Иногда, стесняясь себя и друг друга, мы слегка кивали им, проходя мимо, а наши мальчишки перекидывали через забор папиросы (за что неизменно и получали втык от нашего высокоидейного комс-

орга Валечки Ивановой).

И вот однажды — это было в конце зимы — стоял чудесный синеглазый февральский денек (вернее, уже вечер); мы с этой самой Валею шли вдвоем из училища и, как обычно, о чем-то горячо спорили. В общем-то Валюха была славная девочка, ко мне относилась неплохо и не оставляла надежды обратиться ко мне в свою бестрепетно-ортодоксальную веру в Светлое и Прекрасное Завтра, в которое мы идем под водительством Гениального Вождя всего Человечества. Я старалась не возражать, но она в моих отшучиваниях чуяла крамолу и огорчалась...

56

Днем таяло, но к вечеру подморозило, и потому мы шли по единственному месту, по которому можно было идти, не падая на каждом шагу — по шпалам узкоколейки. Мы были заняты нашим бесконечным спором, обе друг на друга орали и не сразу расслышали истерический звон нашего шального трамвайчика, мчащегося по обледенелым рельсам позади нас и при всем желании не могущего затормозить. Мы кинулись в сторону, но по бокам от рельс почти отвесно подымались обледенелые сугробы, и как мы ни прижимались к ним, как ни подтягивали ноги, они неизменно сползали на рельсы и вот-вот неминуемо должны были быть отрезанными мчавшимся прямо на них вагоном...

Но в этот последний и роковой миг обе мы с Валентиной — весьма невежливо, но более чем вовремя — оказались вознесенными за шивороты в воздух сантиметра на три-четыре от рокового пространства.

И лишь когда трамвайчик с истошным визгом пронесся мимо наших болтающихся в воздухе, но целых ступней, и мы, бледные и дрожащие, были поставлены на землю, мы смогли, наконец, перевести дух и от всего сердца выложить нашим спасителям все наши лингвистические запасы, какие могли извлечь из своей памяти: и "danke sehr", и "bitte", и даже зачем-то "guten morgen".

V. Когда окончилась война

Да, разумеется, она окончилась 8-го (у нас почему-то 9-го) мая 1945 года. По крайней мере, именно в этот день была подписана капитуляция, люди перестали стрелять друг в друга (кроме, конечно, мародеров и несчастных, вовсе уже одуревших мальчишек из гитлерюгенда), все целовались, пла-

кали, пили водку, а в столовой института, где преподавал отец, был по такому торжественному случаю приготовлен бесплатный суп.

Это был День Победы, и он был хорош. Но он не был днем окончания войны. Не знаю, как для других, но для меня и для тех, кто вместе со мной оказался в тот осенний вечер 1946-го года в Большом зале Ленинградской Филармонии (Малого зала тогда, впрочем, еще не было), война окончилась с последними тактами финала Девятой симфонии, когда голоса певцов, взлетев почти к небу, оборвались, и грузный седой Герман Абенрод опустил дирижерскую палочку, повернулся к нам и стоял так, даже не кланяясь, а просто стоял, потрясенный не менее нашего только что отзвучавшим; а зал, тоже вставший ему навстречу, молчал и вдруг наконец грохнул аплодисментами... И все мы — и оркестранты, и певцы, и слушатели, и сам стоящий перед нами старик с устало опущенными руками — или всюю ревели (как я), или глотали слезы; и все мы знали одно: что вот сегодня, сейчас, два давно умерших человека — Чайковский с Бетховеном и этот седой дирижер, первым решившийся приехать к нам из чужой (и все еще вражеской) страны в наш, только еще начинающий заливать раны город (на Невском еще красовались расписанные под старинные фасады фанерные щиты) сию минуту покончили наконец с тем диким наваждением, которое чуть не сожрало два наших народа.

Впереди у нас были беды, голод, террор, все прелести холодной войны, Берлинская стена и атомная вакханалия... Но сегодня мы были свободные люди, сегодня мы справляли Реквием по в с е м погибшим, и мы любили друг друга.

Песни Судьбы

Вечером 20-го июня 1941-го года я стояла возле подоконника все на той же улице Специалистов (читателям "Девочки"* поясняя, что торжественный митинг, которым заканчивается повесть, состоялся за неделю до расстрела тов.Ежова, так что арестован снова отец был лишь десять лет спустя, а маму — вообще не успели, так как она вовремя умерла)... И так, я стояла возле окна, держа в руках молоток

*Марьяна Козырева. Девочка перед дверью. Л., "Детская литература", 1990.

и гвозди, и с восторгом глядела вверх, туда, где мама (тогда еще живая) — в непривычно лихом облачении: папины старые штаны, ковбойка и клетчатая косынка на волосах — приделывает на доселе пустые, черные наши окна только сегодня ею купленные карниз и веселые занавеси в зеленых листьях. У нас сегодня с ней торжественный день: папа сдает последний экзамен в Ростовском университете. Стол уже накрыт. Поезд из Ростова прогудел, и герой дня вот-вот войдет, так что нам надо управиться как можно быстрее.

58

Но тут шаткое наше сооружение срывается; карниз, шторы, стул, мама — все обрушивается на меня вниз. Мы, хоча, выбираемся из-под штор и во всю мочь распеваем одновременно пришедшую нам в голову нашу любимую "Пиратскую": "Берег, принимай обломки! Мертвых похоронит враг!" — из "Острова Сокровищ", фильма, которым я бредила в те дни, с героиней которого — Дженни (и не снившейся Стивенсону) — скакала рядом верхом, сражалась с одноногим Сильвером, перевязывала строящего глазки зрителям благородного доктора Ливси, а также заодно плыла совместно с Робертом Грантом на яхте "Дункан" в Испанию сражаться с фалангистами генерала Франко. Если сознаваться честно, фильм этот я и теперь люблю.

Конечно, есть в нем все положенные по тому времени ингредиенты: подлый богач-предатель, отважные повстанцы, сентиментально-бравые песенки на слова какого-то виршеплета (разрази меня гром, как говорят пираты, ежели помню его фамилию): "Я тебя провожала, но слё-ё-ёзы сдержала", "Кто не с нами, тот и трус и враг!" и пр... Но зато, зато есть там и одноногий Сильвер (Всеволод Абдулов), и Билли Бонс с попугаем (Николай Черкасов), и Черная Метка... Да и песни, на какие бы дурные слова их ни распевали, а музыка-то все-таки Никиты Богословского, и от этого в них (даже в них!) — и ветер, и отвага... И наконец, что самое главное — Пиратская песня на слова Николая Давиденко. И даже если вы ее помните, я все равно приведу ее еще раз всю целиком:

По морям и океанам
Злая нас ведет судьба.
Стала нашим капитаном
Черная, как ночь, звезда.
Бродим мы по разным странам

И нигде не вьем гнезда!

Приятель, разворачивай парус!

Веселись, как черт!

Одни погибли под пулями, других сразила старость,

Эх! Не беда — все равно за борт!

Берег, принимай обломки!

Мертвых похоронит враг.

Скроют от людей потемки

Подвиги морских бродяг.

Будут вспоминать потомки

Черный наш пиратский флаг!

Приятель, разворачивай парус!

И т.д.

59

О Николае Давиденко вспоминают в своих записках и Анна Андреевна, и Лидия Корнеевна (а теперь мне подсказали, что и Солженицын), так что повторять написанное я не стану, но постараюсь рассказать лишь то, что мне известно о нем от моего мужа Алексея Козырева. А известно мне вот что...

В тридцатые годы, когда я еще торчала в салюте под знаменем и, выпуча глаза, тщетно пыталась раскочегарить в себе причитающуюся юной пионерке пламенную любовь к нашему Вождю и Учителю, двадцатилетний поэт Николай Давиденко, автор как вышеприведенной песни, так и других, мало кому известных строк, уже полностью и окончательно осознал свою лютую ненависть к Величайшему Кормчему всех времен и народов.

А потому, попав в начале войны в плен (не знаю уж — сознательно или, как тысячи его сверстников, попросту оказался в окружении), решил, что его долг из двух зол, как ему примерещилось, выбрать меньшее и соединить судьбу с придуманной вермахтом так называемой Русской Освободительной Армией (РОА) под командой генерала фон Пауновица.

Я не знаю, в какой мере верил Давиденко, будто эта игрушечная армия на сворке гитлеровского командования всерьез способна уничтожить кровавый сталинский режим и водрузить над Россией стяг Свободы. Думаю, что он попросту закрывал, сколько мог, глаза на реальное положение дел. Но

вещее сердце поэта чувало истину и не вдалось в обман. Вот стихи его тех дней (нет — по-моему, не стихи, а тоже песня):

Над Родиной качаются синие звезды,
Реки взрываются, любимая моя!
Грачи ремонтируют старые гнезда,
Но мы еще увидимся, любимая моя!

60

Но мы еще живы, но мы еще молоды!
Берут меня в солдаты, любимая моя,
И если мы не сдохнем от холода и голода,
То мы еще увидимся, любимая моя!

К советским границам меня посылают,
Но мы еще увидимся, любимая моя!
И если полковник меня не расстреляет,
То мы еще встретимся, любимая моя!..

Как известно, по Ялтинскому соглашению, после Победы дивизия фон Пауновица была передана англичанами советским войскам, и те, кто не сумел в дороге покончить с собой, либо были расстреляны, либо очутились на просторах Родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, на весьма обитаемых островах ГУЛАГа.

Там они и встретились — лейтенант РОА, поэт Николай Давиденко и геолог (и тоже поэт) Алексей Козырев, залетевший в ГУЛАГ тоже не за просто живешь, а потому что, приударяя (и не без успеха) за женой своего начальника, по возвращении из экспедиции не удосужился за полтора дня сдать пистолет. За что и был как явный террорист, вознамерившийся застрелить нашего Любимого Вождя, приговорен к расстрелу, но затем милостиво отправлен в лагерь на Колыму.

Алексей не любил рассказывать о лагере. И о Николае он тоже рассказал очень немного. Я знаю, что они дружили. Но в чем-то Алексей, по-видимому, считал себя виноватым перед своим другом.

Я помню, как осенью 74-го, когда он был тяжело болен, Алексей в бреду несколько раз вдруг начинал, улыбаясь, грозить кому-то пальцем, повторяя: "Ну, зачем ты врешь, будто тебя убили? Это же нехорошо, Коля. Вот же ты..."

Когда ему стало лучше, я рассказала Алеше о его бреде.

Он помолчал, а потом попросил меня дать ему слово, в случае если он умрет, продолжать вместо него всегда подавать в церкви за убиенного раба Божьего Николая. Алексей тогда вскоре выздоровел. Но я не забыла своего обещания и теперь, когда мужа уже нет на свете, всегда делаю это.

А вот как Давиденко погиб, Алексей мне рассказал довольно подробно. Это было на его глазах... Тот вдруг просто сказал: "Счастливо оставаться, братцы. Мне эта фигня надоела". И, совершенно как Фанфан-Тюльпан во время упражнений у капитана Фьерабра (Алеша мне и рассказал по выходе из кинотеатра), — отряхнул колени и — руки в карманы, сигарка в углу губ — пошел в запретку на проволоку. Перепуганный попка заорал с вышки, чтобы тот вертался. Потом выстрелил в воздух, а когда это не помогло — в сердце.

Вот еще одно стихотворение, прочитанное мне мужем. По-моему, тоже Давиденко. Впрочем, я не уверена...

Можно жить еще на свете,
Если видишь небеса.
Если слышишь на рассвета
Птиц веселых голоса.

Верь, родная! Будем вместе,
Горе будет позади,
Если цел нательный крестик
На простреленной груди.

Десять стихотворений

62

Я паяльщик, я лудильщик,
я курильщик.
Я полночный говорильщик.

Ты полянка,
меда банка,
пионерская полянка.

Я ходучий,
я гремучий.
Я несчастный частный случай.

Ты спросонок,
ты ребенок.
Ты полночный поросенок.

Я отчаян, я безумен,
я горю в сто тысяч люмен.
Я весьма благоразумен.

Ты не точка, ты не штучка.
Ты тянучка и липучка.
Ручка, ножка.
Ножка, ручка.

70-е гг.

Настала пора золотая,
наверно, известная всем:
для кошки поставлено блюдце
на кухне в сыром уголке,
соседи уже не
а спят как олады в горшке.
Над меланхолилею крыш
ползет лимонный катафалок,
закат пятнист и воздух рыж,
а город прекрасен и жалок.
О бедная участь прекрасней всего:
я праздных отребий люблю торжество.

1974 г.

С тобою или без
тебя как будто нет:
ты потерявший вес
в руке моей предмет.

1970-е гг.

Я живу на Инженерной.
Под подушкой пистолет.
Словно женщина в вечернем
платье, сверху Летний сад раздет.

63

Скрипнет "двойка", с моста съехавши,
полководца обогнет;
зелен, кровными успехами
умиляется народ.

Пирожками дети давятся.
И куда ни посмотрю —
лозунги с провисшей здравицей.
славословят Октябрю.

И теплом от скуки нашенской
занимаются сердца,
будь то питерский, хоть кашинский,
счастью, видно, нет конца.

Мы живем не крохоборствуя,
всем поможем, всех спасем
и себе горбушку черствую
мимо рта не пронесем.

Так зачем же нам беспокоиться,
недовольный показывать вид?
Ведь чего-нибудь да построится,
ведь за нас пресвятая Троица,
твердо знает любой пропоица:
с Третьим Римом Четвертый слит.

92, 93 гг.

Не слишком ли каждое утро
похоже на бедных сестер,
а вечер улыбкой на брата,
чье тело нащупал багор.

И длится скрипучий, как слалом,
полет, искупающий скрип,

с которым по сирым и малым
я сверзился и погиб.

1980-е гг.

64 Жил я когда-то в раю,
Средь обезьян, какаду.
Захочу посижу, захочу постою,
Захочу, так и дальше пойду
По брусчатке горбатой вдоль мокрых дерев,
Отсыревших колонн, затонув, наторев
Мельтешить как мыша среди мокрой листвы.
И артерии не терли мне брючные швы.

Я умел ушмыгнуть, ускользнуть, как мыша.
Килькой всплыть между плавных вечерних лещей.
Затесаться в творительный вид падежа.
Затеряться, как соль, меж подножных огней.

А теперь никогда никуда не иду,
Не стучит по ноге чемодан.
И пришлось проститься с тобой, какаду,
Пропощаться навеки с тобой, обезьян.

92 г.

Ну куда помещу, одурачив себя кофеином,
целый город с асфальтовым запахом дней.
Его платьям и кедам, и редким его пелеринам
дай отведать, как мне, декабрей, ноябрей.

И с Вергилием улиц я вроде придурка, приварка.
Я дивлюсь его воле, влюбляюсь в его худобу.
Это дружба моторов, а это почти из Ремарка.
Теплый ветер желания сушит и сушит губу.

В этом месте, надеванном, с глазом подбитым,
мокрой хлоркой клозетною дышится нам.
И во всем мы подобны надменным и длинным Атридам,
как положено водителям и кондукторам.

В чугуне и тумане, под подошвою жесткой,
между слов и условий кипит на газу рандеву.
Мир из пальцев летит, синевой задевая матросской.
Перекошен закат. Мы пришли. Мы уже на плаву.

92 г.

Как декабрьскую сажу и охру,
господи, вспомяни.

Кислым духом затертого вохра
отдается забота родни.

И тошнит меня снегом, казенным
под подошвой сограждан моих,
и будильника сумрачным звоном,
и вечернею трапезой их.

В снежном хламе, юродственной мути
дайте места немного, а то
тесно мне, как в термометре ртути.
Либи́до ты мое, либи́до.

65

92 г.

За дощатую финской стеною
сигаретку попросишь и ждешь.
В сердце ангел лежит с перепоею,
на тебя он немного похож.

Утро нас положив, как облатку,
под обложенный серым язык,
не глотает, а мучает сладко,
ведь ни ты и ни я не привык.

На полу обгорелая спичка.
Печь простыла и надо домой.
Деньги кончились. Ждет электричка,
энергичная, как портомой.

Гурджаани запить пятерчатки
половину, а может быть треть,
руку вынув из теплой перчатки,
дачу ржавым ключом запереть.

1979 г.

Георгий, сидя на коне,
дракона с кроткими глазами
пронзает легким копьем.
Над ними, в облаке и слева,
перст указующий торчит
и как бы говорит: "Вот так-то!"

1970-е гг.

Шабат в районе Байт-Вэ-Ган

Если сравнивать прошлый Шабат с кольцом, а сон, приснившийся мне в субботнюю ночь - с камнем (со стекляшкой), если прошедший Шабат - кольцо, то начало и конец его должны смыкаться - нет, кольцо получается весьма неаккуратное.

66

Но ведь Иерусалим - уж точно кольцо. А камень в нем - небо. Хотя по форме города этого не скажешь.

Нас пригласили на Шабат в Байт-Вэ-Ган. Мы так торопились и так быстро доехали, что вот хочется погулять еще, не хочется нырять в дом,

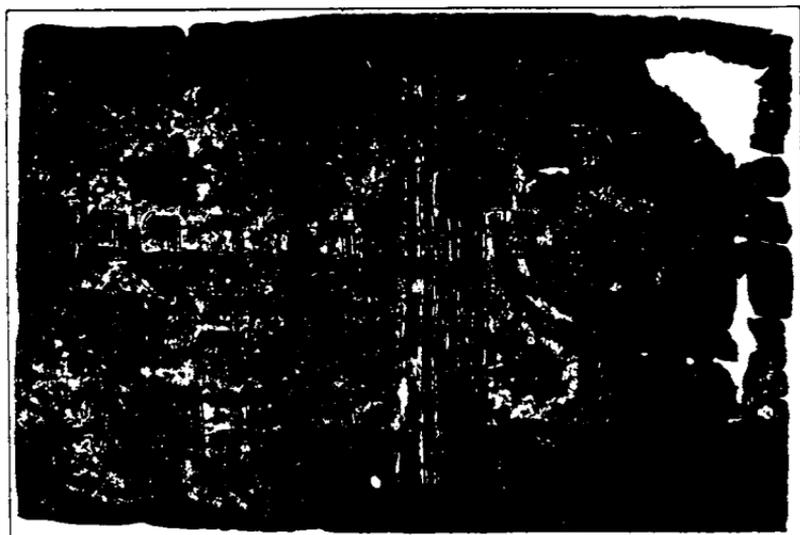
и свечи зажигают только через час - но хозяева просили быть у них в 5.00.

Улицы пусты, и небо, просто голубое и пу-
стоватое, дает жить. Как будто клубы света и
энергии, обычно толпящиеся в воздухе Иерусали-
ма, несущиеся по улицам, толкающие и опроки-
дывающие взгляд - ушли переодеться и сделать
уборку.

Нам открывает хозяйка. Она моет каменный пол
- не наклоняясь, конечно. - О! - восклицает хо-
зжайка. - Проходите скорее, - хотя тут мокро.
Знакомьтесь! Это - (звучит русское имя), но она

называет себя, звучит русское имя с измененным на израильский манер последним слогом. Проходим на балкон и садимся в мягкие кресла. Белый город внизу. Я смотрю на него, как на фотографию, сделанную со спутника; сознание срезает выступы, дополняет выбоины и укладывает Город в форму кольца.

Круглолицая девушка из Союза садится рядом

67

на диван. Неловкость и желание быть вежливым подталкивают меня к обычному разговору о том, когда приехали, где живем и сколько платим за квартиру. Спротивляюсь. Спрашиваю, читала ли девушка лежащий на столике религиозный журнал "Наблюдатель", а девушка спрашивает меня, не родственник ли я Лернеру из Киева, на которого я так похож. Я не родственник. Она не читала. Старшая дочь хозяев в широком, бледной расцветки платье, ставит на столик блюдо с виноградом. Спасибо.

В холл выходят хозяин и его маленький сын Аарон. Они почти готовы идти в синагогу. Хозяин подходит к балкону.

- Тот, кто садится здесь - умный человек, - говорит он.

- От этого вида можно опьянеть.

Моя жена, как и все женщины в доме, зажигает свечу.

Долго идем мы до хасидской синагоги. Внутри - белые стены, желтый электрический свет. Железные ставни на окнах. Обстановка молитвенного учреждения. В перерыве между Минхой и Встречей Субботы небольшого роста хасид читает недельное послание Любавичевского Рэбе в переводе на иврит. Хозяин поет негромким, верным голосом. Я все еще озабочен тем, чтобы встать, когда полагается. Наконец кончается молитва.

На обратном пути из синагоги хозяин и доктор Фридман беседуют о коллекционерах и коллекциях.

- У моего брата в Лондоне, - рассказывает хозяин, - есть лист, написанный рукой Рамбама! Я не могу понять, как он спит в одном доме с этим листом! -

У Фридмана мягко изогнутая хасидская фигура. Он в лапсердаке, котелке и прочем. Со мной говорит сначала по-русски, но охотно переходит на иврит. Русский язык, выученный в закарпатской школе, невнятен. Дома нас ждут женщины, уже переговорившие друг с другом все немногие местные разговоры.

Кроме разговора о деле.

Хозяин садится за стол и раскрывает толстую книгу. Сын Аарон приносит ему большой ароматический орех, похожий на маленькую негритянскую голову с полированным лицом и плотными волосами.

Хозяин читает благословение над виноградным соком. Мы долго едим. У 8-летнего Аарона проблемы со сложным супом. Кроме того, он хочет большую вареную луковицу, которая досталась старшей сестре. Он требует! Сестра снисходительно уступает. После еды хозяин сильным голосом поет сефардские субботние песни. Дочери смешно подпевают. Заливаясь с преувеличенным самозабвением, хозяин и посмеивается над вычурными песнопениями чужой общины, и любитесь ими.

- Слова этих песен - прекрасная поэзия! - говорит он.

Вечером дети играют в какую-то игру (доска, фишки). Я пытаюсь сказать любезно улыба-

ющимся хозяевам, что алия в Израиль - очень серьезное... но забываю слово "переживание" и рассказываю, как в Тель-Авивском аэропорту наш кот лежал рядом с клеткой, в которой сидела канарейка. У кота уже не было сил...

- Сюрреалисти, - говорит хозяйка.

- Спокойной ночи, - отвечаю я.

В комнате две кровати. Я ложусь на кровать с женой. Кровать скрипит. В другой комнате слышно?

Утром я просыпаюсь и вспоминаю сон.

Иосиф, мой благодетель (15 лет в Стране), сидит в глубоком кресле. На другом конце комнаты, на полу, расположена песочница. В песочнице лежит много похожих друг на друга кубиков.

- Дай мне вон тот, - просит Иосиф.

Я беру в руки кубик.

- Нет, нет. Дай мне этот, пожалуйста, - поправляет Иосиф.

Я бросаю кубик, выбираю другой.

- Да нет, я же прошу этот! -

Я перебираю кубики, они падают со стуком на склеенный БФ-ом песок. Как же мне не сообразить. Вот!

- Нет, - говорит Иосиф.

Я вытираю лоб. Я больше не могу ошибаться. Они одинаковые.

- Ты дурак, - говорит Иосиф.

Слава Б-гу! - Если Вы так разговариваете со мной, я больше не могу оставаться в Вашем доме! - произношу я.

- Очень обяжешь, - зло говорит Иосиф, наклоняется в кресле и продолжает, оскаливаясь:

- Ты помнишь, что ты в Холоне вытворял, пьяный? Ида! Он помнит, что он вытворял?! -

Я ухожу в маленькую комнату, отведенную мне, и включаю магнитофон, чтобы успокоиться. Ч-чорт, что я сделал! Суббота! Резко выключаю маг. Какая разница? Хозяйка не могла не слышать, что я включил. Сейчас она войдет. Она гремит чем-то на кухне. Я жду. Я просыпаюсь и вспоминаю, слава Б-гу, только сон.

- Саха, - говорит хозяин из-за двери, - добро утро.-

- Прекрасное утро, - отвечаю я, встаю и надеваю костюм.

Из кухни несутся быстрые, твердые, круглые звуки, как будто хозяин энергично полощет горло: он произносит утренние благословения.

Я стоя выпиваю чашку чая. Маленький Аарон поправляет пояс. Мы выходим на лестницу. - Я люблю этого художника, - говорит хозяин, кивая на качественную копию Брейгеля, висящую возле двери. - Раньше он висел у меня дома, но п с о в а я о х о т а - это нееврейское искусство, и я...

- Да, да, я понял.

Улица. Рослый человек в талите как возвещать идет по отдыхающей мостовой. Вот гостиница, куда нас привезли полгода назад из аэропорта. Хозяин кладет руку на плечо сына, губы его начинают двигаться, изо рта бегут без пауз твердые звуки, а смыслы их? Как это?

Вот она, гостиница. Помню, как проснулись мы в первое утро. Тоже был Шабат. Внизу, по улице, люди шли в талитах и шляпах, с детьми. А у меня даже ермолки не было. Я боялся, что в меня начнут кидать камни. Мы выстирали носовой платок, высушили на решетке кондиционера, завязали на концах. Селит в лифт, спустились вниз и вышли в Израиль. Пошли мимо домов, облицованных белым камнем, и спросили у хозяина, шедшего в синагогу с сыном Аароном, как добраться до Талпиота. Хозяин взял нас с собой в синагогу, где доктор Фридман подарил мне черную ермолку. Полгода прошло.

Должно замкнуться - и не замыкается кольцо. Острые концы впиваются в кожу.

Одноэтажный дом хасидской синагоги. Когда меня вызывают к Торе, я читаю благословения почти гладко, запинаясь только раз. - Громче! - подталкивают меня. - Громче! - Фридмана не видно.

Отмолвившись, не расходятся. - В Шабат не принято торопиться, - говорит хозяин. Учат Тору... - Неужели не все? Нет, выходим.

После обеда девушка из Киева убирает посуду. Она делает это совершенно естественно.

В комнате, отведенной нам, я спрашиваю жену: Ты говорила с хозяйкой? - Да нет, неудобно как-то. Подождем до вечера.

После молитвы, последней субботней молитвы, возвращаемся медленно. Я спрашиваю у хозяина о том, кто и когда сформулировал благословения, слушаю и думаю: можно ли, наконец, говорить о деле?

Мы сидим в машине на заднем сиденье. Хозяин везет нас домой. Я обнимаю старые одеяла. Передаю новости. - Да, - говорит маленький Аарон, - после такой засухи стране нужен дождь!

71

Я спокоен: перед нашим отъездом хозяйка стояла в двери ярко освещенной кухни с телефонной трубкой в руке, и слова ее ложились как припой под жалом исправного паяльника: - Да, да. Прекрасная пара. Он носит кипу, хочет быть религиозным. Нет, совершенно не будет проблем. Они говорят на иврите!

Что? Замечательно!

Хозяин открывает дверь машины. Я влезая, прижимая к груди бледно-голубое одеяло. Все будет в порядке. Нам предоставят вагончик в одном из поселений.

Мы переживем зиму.

Остановись, мгновенье

Виктор приехал в Израиль в августе 1991 года, когда алия походила уже на затянувшийся десант. К ней привыкли все, кроме самих десантников, падавших и падавших из самолетов на новую землю. Как-то я зашел за справкой в кабинет толстого директора курсов и услышал, как он говорил советнице: "Вчера пришел взрослый мужчина и плакал! Просился на курсы плиточников. Плакал слезами. Два месяца в стране. Я ему говорю - ты должен учиться. Должен учить иврит. Он говорит - я хочу работать. Хочу получить специальность и кормить семью. Что делать? Плакал слезами!" На следующий день в классе появился новичок. С большим любопытством смотрел я на него: неужели этот бравый мужчина плакал в кабинете директора? Может быть, совпадение - много народу приходило на курсы в те дни.

За моим столом на уроках черчения оставалось обычно свободное место, - его занял Виктор. Приехал он из Москвы с женой, сыном и дочкой, жил в гостинице над Машбиром и собирался переезжать в караван, на территории. Иврита он действительно не понимал совершенно и не понимал, что не понимает. Главное - Виктор не стеснялся. Глядя на человека ясными и твердыми глазами, он на известном ему языке спрашивал о том, что его интересовало, и, выслушав ответ на языке неизвестном, делал из него выводы, не сомневаясь, что понял правильно.

- Слушай, он даже Шекспира не знает, - говорил Виктор про Дэвида из нашей группы.

- Да как же он может не знать? Он же в Лондоне университет кончил? -

- Не знает. Я его спросил на иврите: "Шекспир. Знаешь?" А он отвечает - "Не знаю"

- Что он хочет? - спрашивал меня Дэвид.

- Да так, ничего.

Для того, чтобы получить обещанные многотысячные зарплаты, мы должны были не только усвоить теорему Пифагора и научиться различать на чертежах виды арматуры - о, нет. Значительную часть программы составляла переноска песка в ведрах. Песок лежал большими кучами под горой, на которой стоял наш учебный двор. Дорога в гору шла вдоль забора из металлической сетки; в низине, неподалеку, стояла огромная ультра-религиозная школа. И, когда мы тянули наверх ведра с песком, навстречу нам по дорожке, отделенной от нашей дорожки забором, спускались от автобусной остановки хасиды в полной форме и дети с ранцами и плохо закрытыми ртами. Через металлическую сетку мы разглядывали друг друга.

На Виктора эта аллегорическая сцена-картина не производила никакого впечатления. Ведра таскал он без всякого напряжения, хоть и был уже не юноша.

- Это ерунда, - говорил Виктор во время перекуров. - Я семь лет на северном флоте отслужил. Я с 15 лет работал. Я привык работать. Я у себя в кооперативе должен был за минуту человека по-

садить, сфотографировать и выписать квитанцию. На человека - минута. Но я свою семью кормил и сестре помогал. Ко мне пол-Москвы советоваться приходило. А здесь я что? Г-о на палочке. У нас в гостинице объявили набор. Курсы иудаизма. Стипендия 200 шекелей. Такая очередь собралась. Передо мной парень стоял - русский, я вижу, что русский. Он кипу надел, а когда в комнату вошел, где приемная комиссия сидела - снял кипу, как шапку снимают. Так его взяли, а меня - места не хватило.

73

Сентябрь жег нас последней жарой, плитка, которую мы при помощи грязи, изображавшей раствор, лепили на песок учебного двора, ложилась криво и косо. Вместо обещанной стипендии мы получали твердую фигу. Пособие по безработице приходилось добывать в боях с беззубой чиновницей министерства абсорбции, похожей на мусор.

- Зачем ставить алию в такие условия? - спрашивал Виктор. - Ведь они себе пятую колонну готовят. Сейчас нас еще только 250 тысяч, а когда будет миллион - тогда они попляшут.

Много набегает за недели занятий 15-минутных, 20-минутных, получасовых перерывов. Курящие все это время курят и рассказывают анекдоты. Земляки вспоминают, кто где чинил жигули.

Мы с Виктором сживали на переменах в палисаднике перед зданием курсов. Виктор говорил. В отличие от жуликов, без обид принимавших любую действительность и считавших, что нужно только собрать побольше информации, образовать крепкое коллективное плечо и пододвинуть израильскую мафию, в отличие от гнилой интеллигенции, согласной, как правило, с мнением японской лягушки о том, что "что Осака, что Киото - все одно болото", Виктор искал в новой жизни справедливости и порядка, а находил...

Ему предложили вешать электроциты за 4 шекеля в час, в то время как израильский мальчишка-электрик получает 12.

В дни московского путча Шамир по радио зывал к оставшимся в Союзе евреям: Приезжайте все! Примем! Обеспечим!

Учитель Моше, вместо того чтобы учить нас, выпивает в день 50 чашек кофе и прочитывает все израильские газеты.

В ишув, куда Виктор переехал, он вынужден каждый день ходить в синагогу - иначе его не будут подвозить на машине. После Йом-Кипур он пришел весь черный и сказал, что провел в синагоге полный рабочий день. До этого дня Виктор не ругался матом.

74

Ни один израильский сосед не зашел к нему и не спросил: "Как дела? может быть что-нибудь нужно?"

Родственники из Гродно, которых он с большим трудом устроил в ишув, задирают перед ним нос, изображают религиозных, а дома (он сам видел) едят свинину.

Потолок, он же крыша каравана, течет.

Из всех этих и многих других сообщений Виктора, кроме негодования, которого я не мог не разделять, торчал постоянный, незадачный вопрос:

ПОЧЕМУ?

Вопрос, понятно, риторический, но когда в тебя втыкают 150 раз один и тот же риторический вопрос о справедливости, которой нет и быть не может, хочется ответить:

- ПОЧЕМУ? Да потому, что подлунный мир таков. Хочешь - живи. Не хочешь - выход налево.

Я, однако, сдерживался и, из уважения и жалости к порядочному человеку, приводил различные несправедливости и обиды, жертвой которых оказался. Видимо, я делал это не очень убедительно, так как временами Виктор смотрел на меня с явной, хотя и неосознанной злобой.

На занятиях он очень старался. Он сильно стучал по плитке, подолгу смотрел на пузырьки воздуха в окошке уровня, снова стучал, снова замирал над инструментом.

Занятия меж тем угасали. Учитель появлялся из кафетерия раз в час минут на 10. Ученики, вместо того, чтобы лепить бесплатно опостылевшую плитку 2-го сорта, сидели на досках и рассказывали по десятому кругу анекдоты и армейские случаи.

Один Виктор, стоя на коленях в углу двора, стучал и стучал. Вокруг досок всегда валялось несколько бутылок из-под сока, спрайта или водки. В редкие минуты отдыха Виктор ставил пустую бутылку на штабель строительных блоков, отходил на десять шагов, подбирал с земли горсть камней и осколков плитки, прицеливался...

Сбив бутылку, ставил ее снова, отходил на 15 шагов... на 20 шагов... Разговаривал он теперь только с учителем Моше, когда тот заходил во двор - и это всегда была одна и та же беседа:

- Работа! - говорил Виктор.

- Что работа? - спрашивал Моше.

- Когда работа? -

- Сейчас перерыв. Работать запрещено, - отвечал Моше, подмигивая нам.

- Перерыв, перерыв, перерыв! А когда работа?! - Моше садился за стол в углу двора и раскрывал газету.

Как-то после обеда к нам пришли представители Гистадрута. Их было двое: молодой, высокий чиновник в дымчатых очках и маленький, похоже некогда державший в руке мастерок.

- Эй, ребята, подойдите сюда, - позвал Моше. Мы встали с досок и окружили гостей.

Профсоюзные приходили уже раза три. Предстоящая сцена была известна нам. Сейчас маленький чиновник спросит, понимаем ли мы иврит, поздравит нас со вступлением в ряды израильских строительных рабочих, пожелает успеха, пообещает обеспечить нам (по окончании) работу и защитить наши права. Потом осведомится, есть ли вопросы. Все шло отлично. Но только маленький чиновник перешел к вопросам - во дворе появился директор. - Ну, - сказал директор, хлопая чиновника в очках по плечу и мясисто улыбаясь, - ну, Йоси, как дела? - Потом повернулся к нам и потребовал: "Расскажите, кем вы были в России? У кого какая была специальность?"

- Повар, - тихо сказал по-русски малохолный Миша. Остальные молчали.

- Ну? - директор смотрел на нас и улыбался, как улыбаются добродушные ешиботники, проезжая по Хеврону и глядя через пластиковые стекла на

арабских овец. - Ну? Ты кем был?

(Я отошел в сторону.) Была одна из тех минут, когда хочется и плюнуть в лицо чиновнику, и пожаловаться ему, и просто сказать: "Да что за нахуй, в конце концов? Куда это мы приехали?", - но усмехаешься и думаешь: "Да, Господи. Мог бы ты забить нас как свиней, а ты все учишь, анекдоты с нашим участием рассказываешь..." Все молчали.

- Я! - вдруг громко сказал Виктор. - Вопросы!

76

- Слушаю, - нежно улыбнулся маленький чиновник.

- Работа! Когда... работа? -

- Когда ты окончишь курсы и получишь ризайон, мы позаботимся о том, чтобы у тебя была работа. А пока твое первое дело - учиться.

- Учиться - работать! Нет работать - нет учиться!

Все невольно заулыбались.

- Что он хочет? - спросил маленький чиновник у Моше.

- Хороший парень. Зануда. Ты видишь, не понимает иврит.

Что делать? - ответил Моше.

- Учиться, учиться, учиться! - продолжал Виктор. - Что учиться? Разговаривать? Сейчас надо работать!

- Публика хохотала. (- Ну, кем мы были в Союзе? - спросил Эдик.) Гистадрутовец протянул директору пачку КЭМЭЛА. Виктор поднял с песка банку из-под КИНЛИ, поставил ее на штабель строительных блоков и отошел на 10 шагов.

В конце октября пошли дожди. Энергичная часть нашей группы нашла работу. Во дворе собиралось теперь человек пять всего. Было ясно, что пролетели мы с этими курсами, и надо опять придумывать что-то. В основном мы теперь пили чай, заваривая его кипятком из электрического чайника, а в перерывах - кофе.

В ноябре хлынуло с неба так, что Кинерет почти наполнился. Дня три я не выходил из дому; когда поуспокоился дождь - решил сходить все-таки. Хотя сварщики месяц назад уложили на стены, окружавшие двор, балки и покрыли их ли-

стовым железом, пол представлял собой грязную лужу с песчаными островами. На одном острове стоял стол. За столом трое ребят пили кофе. Из рта у них шел пар.

На другом острове сидел на корточках Виктор и укладывал плитку; выпив чашку кофе и обсудив с товарищами машину "Ото Бьянка", я подошел к нему и задал зачем-то глупый вопрос, - как дела.

Виктор повернул ко мне благородное лицо и встал.

Я приготовился услышать, как с него потребовали за трэмп 4 шекеля и как раввин убеждал его жениться на его же собственной жене.

- Вчера передавали, - сказал Виктор, - СПБ посетил наследник Романовых. А "Память" бойкотировала его визит. Потому что у него жена - еврейка.

- Да не может быть. Еврейка? - удивился я.

- Каждый из нас, - продолжал Виктор, - может оказаться наследником израильского престола. Любой, принадлежащий к роду Леви, отца которого звали Давид.

- Слушай, а как твоя фамилия? -

- Левинсон, - ответил Виктор.

- А батя твоего звали...

- Давид.

Хлещет и плещет дождь за стенами двора-барака. Товарищи наши ушли в буфет. Ученики Талмуд-Торы в соседней низине громко поют хасидскую песню:

Ой-ёй-ёй-ёй-ёй-ёй!

Ой-ёй-ёй-ёй-ёй!

Ой-ёй-ёй-ёй-ёй!

Ой-ёй-ёй-ёй-ёй!

Передо мной стоит иудейский царь. Он был флотским старшиной, главным экономистом, кооперативным фотографом.

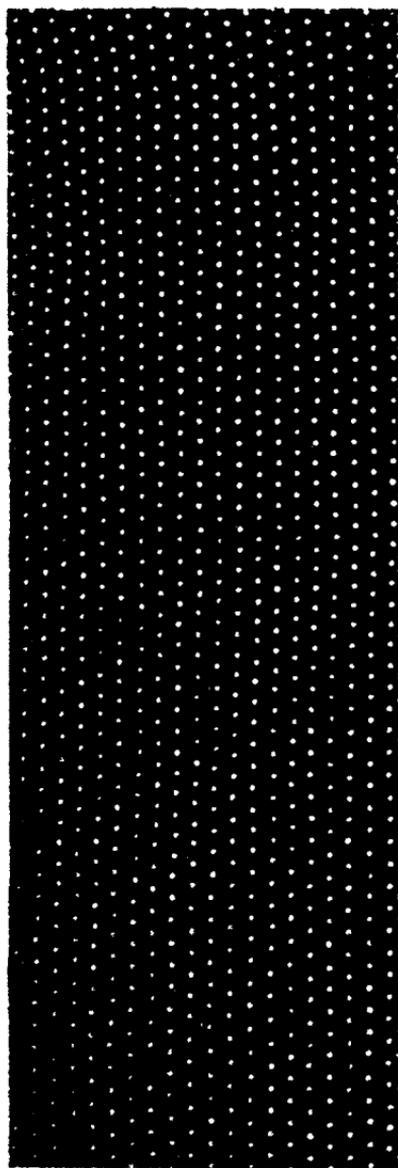
Его не приняли в кружок по изучению иудаизма.

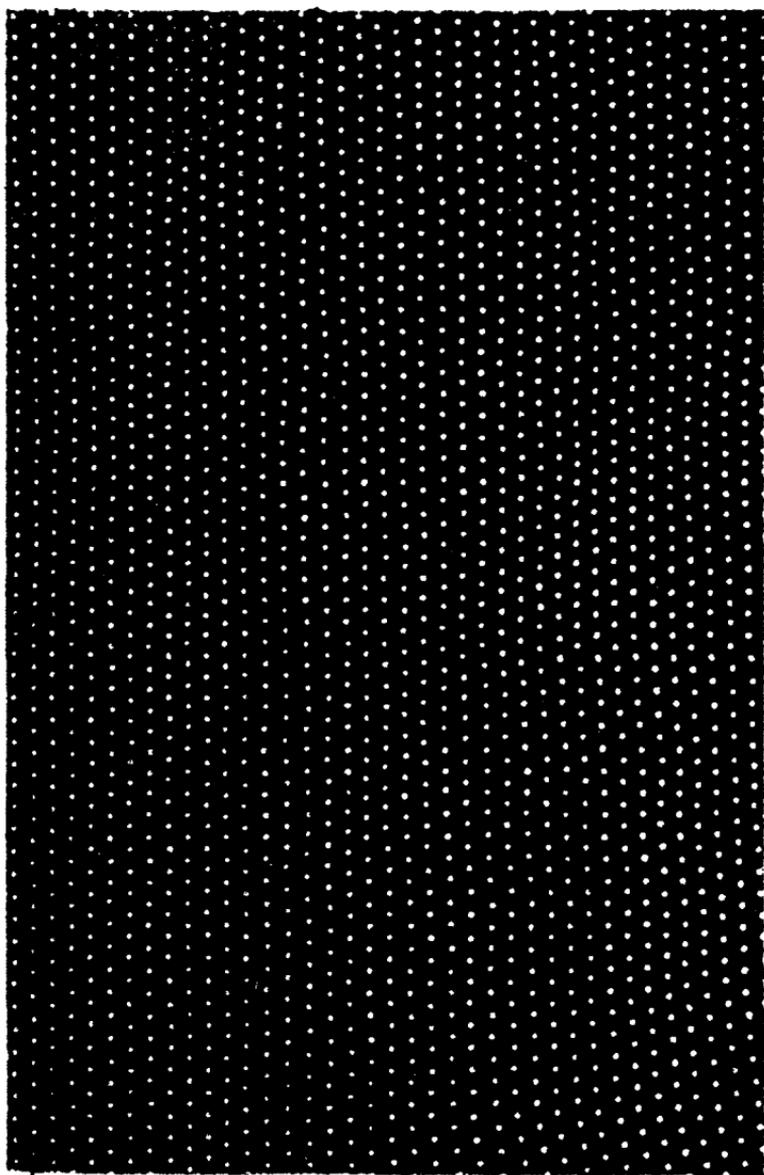
Он в солдатских ботинках, джинсовом костюме, перепачканном на коленях грязью, и черной шапке с козырьком и надписью на тулье:

כל עיברים חברים

(Все евреи-товарищи)

BOOKSTAND

на развороте: ГАРСОНЕ БИДЖИ. Длиньшее 118

"ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ"

(ИЕРУСАЛИМСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ)

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Вестник
Иерусалимского
литературного клуба

№ 1, апр. м. 1991

28 МАРТА В 20.09

СОБРАНИЕМ

ДВАДЦАТИ

ИЕРУСАЛИМСКИХ

ГУМАНИТАРИЕВ

БЫЛО

ПРОВОЗИЛАШЕНО

СОЗДАНИЕ

ИЕРУСАЛИМСКОГО

ЛИТЕРАТУРНОГО

КЛУБА

В ПОМЕРЕ:

Учреждение Иеру-
са-
лимского литерату-
рного клуба. Устав и
Программа клуба.

ОБИТАЕМ
ОСТРОВ
ОСЛЬ
ОРМВЕ

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

ВЕСТНИК ИЕРУСАЛИМСКОГО МИГРАЦИОННОГО КЛУБА №2 МАЙ 1991.

В ЭТОМ НОМЕРЕ "ОСТРОВА":

81

"ПОГРОМ УЖЕ ПРОИЗОШЕЛ..." - интервью с Майей Каганской и Зезвом Бар-Селлой о современном российском антисемитизме.

ЗБИГНЕВ ГЕРБЕРТ - лауреат Иерусалимской премии.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА БУЛЖАКОВА
- статьи Михаила Вайскопфа, Елены Толстой и Сергея Шаргородского.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР : Евгений Штейнер о конструктивизме.

СТИХИ ЕЛЕНА ИГНАТОВОЙ

ОСТРОВНАЯ ПРОЗА: В. ЕРОФЕЕВ "МАРИНА НА ТАГАНКЕ".

ПОД ПСЕВДОНИМОМ:

Максим Защокин о советскоязычной прессе в Израиле.

КЛАССИЧЕСКАЯ КРИТИКА: ВИШНИ-ПУХ И К. Г. КОПЧ

А ТАКЖЕ: ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ, НОВОСТИ, КВАЗИМЕННЫЕ ДАТЫ И
ВОТ ТАКОЕ КИНО...

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

*Вторая
Международная Антарктическая Экспедиция
выпускает книгу в серии
"Читая в походе"*

Книжка входит в комплект "Антарктика".

*Редактор Юрий Шереметский,
зам. редактора Елена Кудрявцева*

Книжка выпущена в Москве, 1986 г. № 37956

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

ВЕСТНИК ИЕРУСАЛИМСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КЛУБА. №3. ИЮНЬ. 1991.

В ЭТОМ НОМЕРЕ "ОСТРОВА":

СТИХИ ГЕННАДИЯ АЙГИ, ЕКАТЕРИНЫ КАПОВИЧ,
НАУМА ВАЙМАНА, АНТОНА НОСИКА.

ПРОЗА ВИКТОРА ЕРОФЕЕВА, ИСРАЭЛЯ МАЛЕРА, МИХАИЛА ФЕДOTOBA⁺

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА:
КГБ, "ПОЧВЕННИКИ" И БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ

ВЛАДИМИР ОРЕЛ: ОБЕРИУТЫ И "ФАУСТ"

АЛЕКСАНДР ВЕРНИК. 31 МАЯ 1991 (подарочные стихи)

НЕКОД И ДАНА ЗИНГЕР О НЕОЭКЛЕКТИКЕ

КЛАССИЧЕСКАЯ КРИТИКА:
ОБАДЬЯ УСТЫШЕК О ФЕДОРЕ ДОСТОЕВСКОМ.
(ПУБЛИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД АНРИ ВОЛЮХОНСКОГО)

А ТАКЖЕ:

ЧТО ПИШУТ, РЕЦЕНЗИИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. СТАТЬЯ МАКСИМА
ЗАЩОКИНА, ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ РОМАНА "ДАР", ГРАФИКА, ВОЕННЫЕ
ДНЕВНИКИ И НЕЗДЕШНИЕ ВЕЧЕРА...

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

М. ГЕНДЕЛЕВ

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ИЗРАИЛЯ

Настоящая лекция, прочитанная в ИЛК 2 апреля 1991, повторяет положения, высказанные автором в его выступлениях в Кембридже и в Литературном институте в Москве. Мы сочли необходимым ее опубликовать, ибо осознание себя новой общностью (русскоязычных литераторов - израильтян), к которому, в конечном итоге, сводится лекция, и послужило причиной создания нашего клуба. Лекция приводится в конспективном изложении.

85

Дамы и господа! Моя лекция посвящена культурному феномену - русскоязычной литературе Израиля.

Любое мало-мальски серьезное пособие по изучению литературы Израиля сообщает нам о громадном, может быть даже решающем влиянии оказанном на литературу нашего государства Великой Русской Литературой. Имена таких израильских классиков, как Ханим-Нахман Балик, Шауль Черниковский, Леа Гольдберг, Авраам Шлэнский и десятков других писателей - связаны с Россией. "...Факт, что важнейшие этапы моей личной жизни совпали с важнейшими этапами в развитии всего человечества, истории России и мира, которые определили нашу судьбу, наши мысли и нашу поэзию" - эти строки Шлэнского можно назвать вкраткой биографией целого поколения литераторов молодого государства. Достаточно вспомнить, что антология русской поэзии от Пушкина до Ходасевича (в переводах Шлэнского и Гольдберг) входила в "Библиотечку бойца" Хаганы. Это было обязательное чтение для нескольких поколений израильтян, строивших новую страну.

Первая волна еврейских поселенцев в Палестине почти вся говорила по-русски. Таким образом, ценности русской культуры легли в основание достаточно юной традиции израильской литературы и культуры. Установка на примат языка иврит в жизни государства и общества повлекла за собой создание собственных, свободных от русской традиции, стилистических направлений, литературных школ и т.д. Но по-русски писали, читали и говорили в Израиле. Здесь провел последние годы жизни поэт Довид Кнут, работал литератор и публицист Ю.Марголин. И все же русская литература, написанная собственно в Израиле, не внесла заметного вклада (сравнимого со вкладом классического русского наследия) в культуру страны.

Далее докладчик отметил, что формообразующее влияние русской литературы сошло на нет к началу 60-х годов. Он упомянул о проявлении течения "кнааним", о школах, подверженных влиянию англо-американских традиций, об особенностях сегодняшней израильской поэзии и прозы.

Конечно, Израиль продолжал следить за новинками официальной со-

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

86

ветской литературы, причем несколько завышенная репутация выезды Евтушенко или Окуджавы принималась на веру. Такова была ситуация на тот момент, когда на берег Земли Обетованной выкатилась третья волна репатриантов из Советского Союза. Однако большинство литераторов, оставивших СССР в 70-х годах, предпочли не репатриацию, а эмиграцию. По многим причинам, но, как мне кажется, в основном по причине самоидентификации в качестве писателей русских или "российских". Большинство из них осело в Европе и США, продолжая работать в русской литературе, продолжая писать о России, для России и по-русски. Они смотрелись в Россию, как в зеркало, и видели там свое, только подцензурное, отражение. Недаром многие из них в период перестройки вернулись к советскому читателю.

Но как бы то ни было, значительное число литераторов выбрало Израиль местом своей жизни и творчества, и вскоре они образовали тот небывалый в истории феномен, который называется русскоязычной литературой Израиля.

Данная постановка вопроса, при недостаточно внимательном подходе может служить поводом для разных спекуляций. Раз написано по-русски, значит - русская литература и никаких словесных игр. Но приведем несколько примеров. Нигерийская литература. Пишется по-английски, но ни один человек не назовет ее английской, ибо она необычайно "нигерийна" по содержанию, по видению мира, и развивается по другим законам. Подобная ситуация, в обратном варианте, знакома и еврейской культуре. Великий поэт и философ Иегуда Галеви написал часть своих работ на арабском, живя в мусульманской Испании. Это - общепризнанный еврейский поэт. Или Шолом-Алейхем, живший в России, писавший на идиш - никогда и никем не причисляемый к российской литературе...

Итак, каковы же особенности русскоязычной литературы Израиля сегодня и чем она отличается от литературы русского рассеяния? В отличие от русской эмиграции, находящейся в изгнании, или, как того хотел Гиппиус, - в послании, мы - на родине, и это наше главное отличие. Наша литература создается, не ориентируясь на русские реалии, на русского читателя, а, наоборот, на русскоязычного израильтянина, живущего в реалиях другой культуры. Мы описываем израильскую действительность, исходя из нашего уже израильского или еврейского опыта, пользуясь языком, которым лучше (в силу обстоятельств) владеем, зная, что нас читают. За время существования Израиля в стране вышло более 4 тысяч русских книг, издается 3 толстых журнала и около 15 тонких периодических изданий, издаются литературные альманахи разных направлений. За минувшие двадцать лет в страну приехало 150 литераторов, а за последний год - еще минимум столько же людей, считающих себя профессиональными литераторами. То есть литературная жизнь русского Израиля кипит и становится все интересней для

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

87

изучения. Что же, на мой взгляд, происходит в этой литературе сегодня? При столкновении с новой реальностью меняются семантика и сюжетика произведений, и это пожалуй, общее для всех групп израильских русских писателей. Появились небывалые в русской литературе темы: еврейско-арабские отношения, конфликт с диаспорой, религиозная тематика, появляется новый герой - израильтянин, новый ландшафт, фауна, флора, описания несут не туристско-экзотическую окраску, а характер личного переживания и сопричастности происходящему. Оказывает свое влияние и современная израильская литература, лишенная столь свойственного русской литературе пафоса. Кроме таких общих черт этой литературы, есть частные особенности писательских групп, поколений и т.д. Есть в Израиле писатели, воспринимающие страну, как место эмиграции, причисляющие себя к русской литературе. К сожалению, такие писатели, зачастую очень талантливые, часто покидали и покидают Израиль. Например, уехавший из Израиля Юрий Милославский, осознав такое свое состояние, превратил его в сюжет. Но многие писатели уходят от этих представлений, соприкасаясь с реальной израильской жизнью и культурой. Повернулись лицом к Израилю Александр Верник и Михаил Федотов, большое число молодых поэтов. Вторая группа писателей остается, по существу, "советской", продолжая традиции соцреалистической литературы, или, в лучшем случае, традиции дореволюционной еврейской прозы. Слово социалистический они с готовностью меняют на любое другое, чаще всего декларируя этакий сион-реализм. Их стараниями создана русская секция при Союзе Израильских писателей, необычайно похожая на подобные структуры в СССР. Это популярная, но не очень привлекательная группа авторов и нам, наверно, не стоит жалеть об отъезде Эфраима Севелы или Григория Свирского, однако и среди таких писателей встречаются одаренные литераторы, как например Юлия Шмуцлер, больше, к сожалению, не живущая в Израиле.

Третья, самая интересная нам, группа - писатели израильские, по крайней мере - декларативно. Позиция этой группы в общих чертах такова: израильская реальность требует новых средств выражения, эстетических моделей, не существовавших ранее в русской литературе. Примером подобной литературы являются роман Эли Люксембурга "Десятый голод", тивериадские поэмы Апри Волоухонского, новеллы Светланы Шенбрунн. Новая ориентация особенно заметна в поэзии, и в таких "странных" жанрах, как эссеистика или литературная критика, в творчестве Майи Каганской, в литературоведческих работах Михаила Вайскоффа. Таким образом, я считаю, что русскоязычная литература, осознающая себя как израильская, обладающая весомым корпусом текстов, имеющая своих исследователей, может в самом скором времени занять важное и подобающее ей место в израильской культуре, на что и должны быть направлены наши с вами усилия. Спасибо за внимание.

ОПЯТЬ ВОЙНЫ РАЗНОГОЛОСИЦА

Елена Игнатова

88

М.М.

Время чеховской осени, Марк,
для нас - цветов запоздалых,
еще не вошли во мрак:
вера и твердость, вера и жалость
поддерживают наш шаг.

Я не знаю, как там, а здесь
пыльные тени солдат Хусейна,
газ отравленный, ужас осенний -
и все же, ты - есть, я есть,
и Иерусалим хрустальный
стекает вниз ручьями огней...
А небо в алмазах отсюда видней,
чем с нашей родины дальней.

Время прощания, облаков -
звук струны, луна в ушербе.
Доктор Чехов, не стойю так далеко
заезжать, не стоило знать языков,
чтобы сказать: "Ich sterbe".

Борис Малько

Пока машину ветра ладили
и, стало быть, машину звука,
механику полета стали -
ветр распахнул растворы ставень.
Звук растворил ракушку уха.

Пока минут машину мери.ли,
чертили адрес на конверте -
письма наглядное пособие:
"На фронт. В окна. Милой Берте.
О ненаглядная! Поверьте,
он в небесах завис подробных,
несомый воздуха подобьем,
несущий обе наши смерти".

Александр Верник**ЗИМНИЕ СБОРЫ II**

(Патруль при свете прожектора)

...и на погонах крылья мотылька.

Первый круг - это заяц в луче,
он застыл, он подобен свече,
а точнее, изображенью
свечи, чей огонь фитилька так похож
на крыло мотылька
на погоне, уже без движенья.
Затаилось, замерзло пока
и мешает стихотворенью.

Круг второй - мотылек на плече,
всклики и память о лунном луче,
запоздалые страхи и дрема.
Караульный окончится круг -
ты очнешься не сразу и вдруг
на декабрьском аэродроме.

Третий круг начинается в три.
Не спеши, перестань, и смотри -
как беснуется ныс у забора,
как трясется потрешанный джип,
затихает полуночный вскрик,
все еще ни один не погиб,
но рассвету начаться не скоро.

А рассвет начинается в шесть
досказать, записать и прочесть -
честь и доблесть стиха и мундира.
Так случится часа через три.
Круг замкнется. Разгадка зари
на проверке у командира.

1991

ОПЯТЬ ВОЙНЫ РАЗНОГОЛОСИЦА

Демьян Кудрявцев

Александр Бараш

Т.

89

ТРЕВОГА

Где каждый звук удвоен воем, —
его

не разобрать.

Что видел я —

уходит воин,

уходит полдень под ковром...

Любимая моя

с утра

чертила пальцем на стекле.

Был каждый звук удвоен воем...
и реактивного пера

на средиземном небе след.

Я холодом стоял на берегах
других морей

которых нет

я помню продвижение регат
по мне

и возвращение назад
волны,

на валуны

и вдоль моей спины —

следы от корабельных якорей.

Осталась речь.

Остались на заре

в твоём трюме

изломанные руки

чужие сны

и хлопоты дверей

когда придем домой после разлуки
не на год, не на два, —

на "до войны".

За спиною — Москва, за пустыней — Каир,
а за дальней горою Амман.

Сунешь руку в карман, там не кукиш —

инжир

или — если нет денег — хурма.

Под ногами сухая, как пепел, земля.

Мандарины опали — зима.

Иногда дохожу до того, что готов,

в черной шляпе и пейсах по грудь,

с выраженьем лица, что аколь, мол, лютов,

обсуждать на углу что-нибудь,

в окруженьи таких же горячих теней,

в этом месте, где небо гуще, чем клей.

Смерти нет, потому что есть вещи важней.

Грани нет между костью камней

и горою костей. Есть негласный надзор

равнодушно-внимательных гор,

и задержанный вздох — заторможенный рост

белых ребер античных террас.

За спиной — Филитии сиреневый дым,

средиземного мира воша,

за горой — иорданский король-бедуин,

предо мной — золотая Стена.

Смерти нет, потому что есть вещи важней

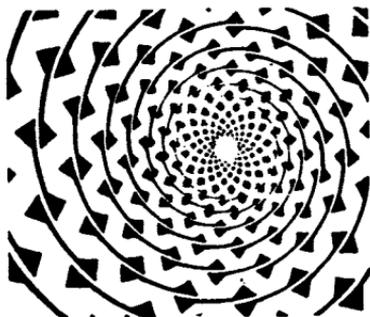
в этом месте, где небо гуще, чем клей.

1991

От редакции: стихотворения А.Верника, А.Бараша и Д.Кудрявцева будут опубликованы в подборках этих авторов в ближайших номерах журнала 22.

Александр Бараш

ОПТИЧЕСКИЙ ФОКУС

ИЕРУСАЛИМ 1992

Владимир Тарасов

TERRA
NOVA

91

ДЕМЬЯН КУДРЯВЦЕВ

*Сделано от Тарасовым
в кругу с
князем Назвничевым*

1871

СТИХИ

ПРОГУЛКА

92

Склон горы камни колючки присесть отдохнуть
крик муэдзина мусор чужой напряженная муть
тормоза автобуса на шоссе как лопнувшая струна
ветер брезгливо листает газету "Наша страна"
Взгляд упирается в гнезда хищных арабских сел
в Экклезиасте сказано: Иди откуда пришел
Но там откуда пришел говорят что пришел отсюда
а тебе хочется плюнуть первому встретив верблюда
у тебя не больше общих корней с эфиопом

чем с баобабом
тебе не нравятся здешние девушки их вывернутые губы
их крестьянские голоса их отвратительное здоровье
это отсутствие комплексов в котором есть что-то коровье
и то как они смотрят в глаза спокойно и прямо —
вообще вся эта страна где меланхолик не отличается
от наркомана

*

Культ просторечья ущемляет ум.
Живая ткань таит следы соблазна.
Душа невинная невинно наобум
перечит-клонит — все ей безотказно.

93

Но образ свой (вот — искус бытия!)
она препоручила воле звука.
Уверенного точного литья
все линии, все молоточки стука

как дань земли восприняло перо,
и наконечником отточенного тела
на шкуре памяти поставило тавро —
невинная в тот миг лгала и пела.

Опознавание имен — стезя науки:
движение — танец
тьма — столбняк покоя
движение тьмы — безвкусица,
хотя
находим в Атласе прочтений:
"только танец
способен тьму заморозить,
в чем боги
усматривают власть его над тьмой".
И ниже — комментарий:
"тьма,
которая объять его стремится..."
Стремится?! Что за странность!
Подчеркнем.

Урок второй острее ставит тему:
Узоры танца.
Известно что узор —
хитросплетения извиива, где извиив
на редкость змеесвиден.

От змеи же (толкуют древние,
грех не принять в расчет)
и хитрость происходит.

Налицо

сплетение обоих — знак движенья.

Но тут уместно будет вспомнить —
тьма

питает к танцу страсть.

И более того:

объять стремится!

Так.

Обратимся к выводам.

De facto:

a — узор красив собою

(по определенью);

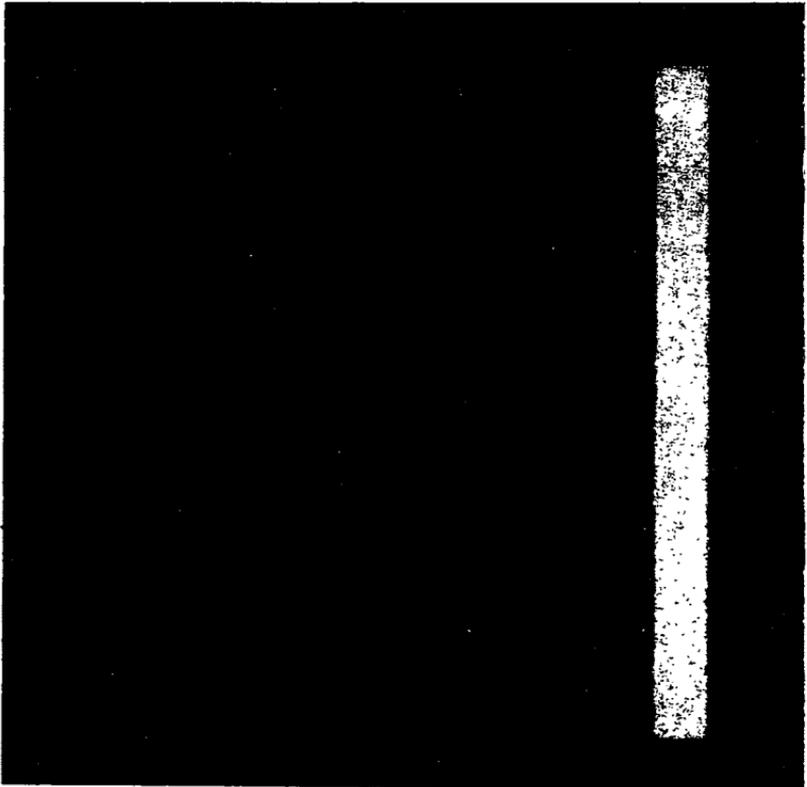
b — пером неповторим

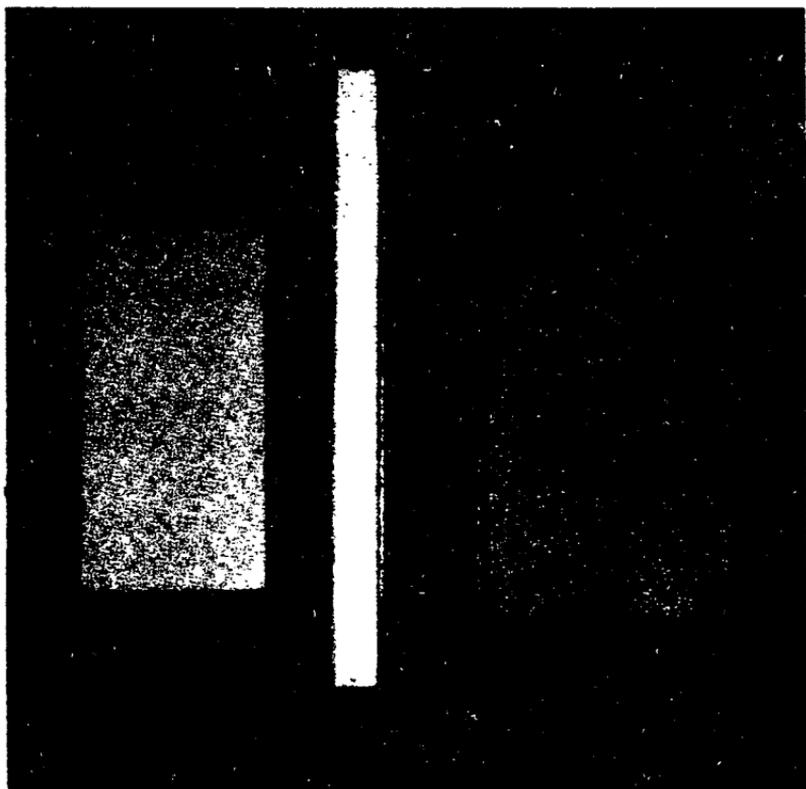
(как пляска змей неповторима);

c — неподобен тьме

(стремление которой — отсутствие движенья,
т.е. точка).

ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ

на развороте: ТОТИ ШАЛОЙЯ. Большой роман

Евгений Волковиский

РУССКИЕ МЕСТА НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Аз же непотребно ходих путем сим святым,
во всякой лености и слабости, и во пьянстве,
и вся непотребная дела творя.

Данила Руськия земли игумен

О том, что такое Миграш а' Руси

Есть в Иерусалиме место, обозначаемое на планах "Миграш а' Руси", что переводят обычно — Русское подворье. Для израильянина эти слова так же дороги, как для англичанина Скотленд Ярл, Кё дез Орфевр для француза или для нас — Петровка, 38. В путеводителе можно прочесть следующее: "Русское подворье сооружено в XIX веке для русских паломников. Кроме православного собора — величественного здания с куполами салатного цвета, — место также содержит Израильский суд, Иерусалимское отделение полиции и Колонну Ирода — полагают, что она предназначалась для Второго Храма. На подворье имеется Зал Героизма — бывшая Центральная иерусалимская тюрьма, где можно увидеть камеры и пыточные застенки, использовавшиеся против Еврейского подполья во времена Британского мандата".

99

Можно добавить, что кроме тюрьмы бывшей, мемориальной, здесь есть и ныне действующая, окруженная рядами колючей проволоки. Над главным входом — золотые русские буквы: "ЕЛИЗАВЕТинское ПОДВОРЬЕ". А на каждом здании здесь — и на полиции, и на суде, и на тюрьме, и на госбезопасности местной — вырезанные в камне весьма христианские барельефы, указыва-

ющие, что здания эти принадлежат Императорскому Православному Палестинскому Обществу. Принадлежали.

Собственно, здесь было не одно подворье, а пять. Называли это место "Русские постройки" — целый городок, когда-то окруженный стеной и на протяжении своего существования непрерывно расширявшийся и достраивавшийся. Помимо подворий, то есть общежитий и гостиниц для паломников, здесь находилось огромное двухэтажное здание Русской Миссии с домовою церковью, библиотекой, музеем, канцелярией, трапезной. Еще была больница для паломников с амбулаторией для всех проходящих, независимо от вероисповедания, почта была, где принимали письма исключительно с русскими марками. Лавки были, баня, конечно. И везде — сад. "Огромные зеленые пространства русской миссии притянули наше внимание, хотя бы потому, что сады ее пересекал поток мужиков и ярких кумачевых баб..." — писал Андрей

Белый.¹

А до середины прошлого века здесь было пустое место, именуемое Мейдамская площадь.

О русских паломниках на Святой Земле

100

История же паломнических путешествий русских людей в Палестину восходит практически к самому крещению Руси. Первым известным по имени русским богомольцем на Святой Земле был игумен Киево-Печерской лавры Варлаам, совершивший паломничество в 1062 году. Понятно желание новых христиан своими глазами увидеть места земного пребывания Иисуса Христа, но трудно даже представить себе все испытания, выпадавшие им на пути ко Гробу Господню. Несмотря на бури и штормы, русские предпочитали добираться до Святой Земли морем. Разумеется, был известен и сухой путь, которым шли в Иерусалим грузины и армяне, но он считался еще более опасным из-за "поганих сарачин", населявших попутные земли и разбойничавших почем зря. Поклонение обычно ограничивалось святым градом Иерусалимом. "А за Иерусалим никто же пойти может злых ради арапов: бьют бо без милости" — писал иеродьякон Троице-Сергиевой лавры Зосима в XV столетии.

Тем не менее, "в XII веке влечение к Святой Земле в русских было так сильно, паломническое движение приняло такие размеры, что пастыри церкви решились употребить строгие меры против тех, которые, пускаясь в далекий путь, оставляли на произвол судьбы дома и семейства и шли в Иерусалим, питаясь подаянием. Иоанн, архиепископ Новгородский, на вопрос дьякона Новгородского Антониева монастыря Кирика: что делать с теми, которые связали себя обетом идти в Иерусалим, — отвечал: налагать эпитимии, ибо эти обеты губят землю".²

Однако запреты не очень помогали, и "калики переходные", объединяясь в дружины, устремлялись в Палестину. Уже в XII веке епископ Нифонт отличал благочестивых богомольцев от тех, кто "для того деяя идет, абы порозноу ходяче ясти и пити".

Протестовал против массового паломничества и Даниил-нних, открывший длинный список русских описаний Святых

¹ Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990.

² Н. Палеев. Хожделение в Св.Землю Даниила, русские земли игумена в 1106-1107 гг. СПб. 1900.

мест своим "Житием и хождением Даниила, Русьския земли игумена". Даниил странствовал в 1106-1107 годах, его паломничество удачно совпало с недолгим периодом правления Палестиной крестоносцами (1099-1187), и он смог осмотреть

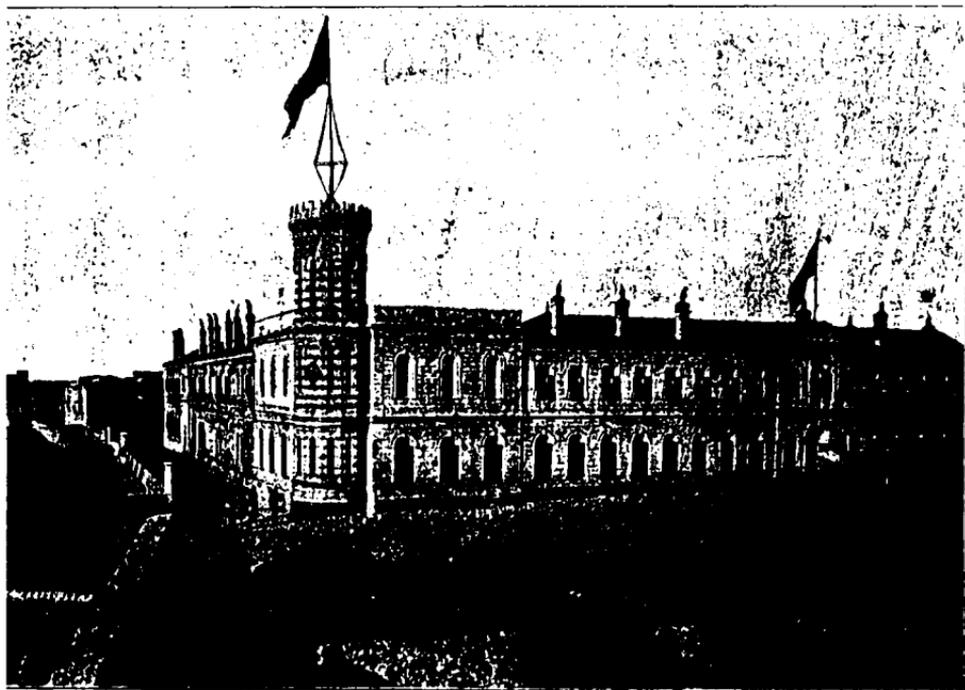
илл. Владимира Барсукова

Троицкий Миссийский собор.

Елизаветинское подворье — справа, за колючей проволокой.

и описать не только Иерусалим и его окрестности, но и Галилею. Собственно говоря, его "Хождением" и сейчас можно пользоваться как путеводителем, оно устарело гораздо меньше, чем многочисленные путеводители конца XIX — начала XX веков с их указаниями русских приютов и подворий, а также цен в рублях. На русское серебро сейчас с былым воодушевлением не смотрят, приютов тоже нет, а святыни, описанные игуменом Даниилом, все так же радуют сердце христианина. Только вот мечеть Омара, воздвигнутая мусульманами на месте Соломонова храма и бывшая во времена хождения Даниила храмом христианским, снова принадлежит мусульманам.

"И ныне нечестивый турок, владычествуя всеми святынями Святой земли, лежит и курит табак свой у самого входа в Гроб Господень, осквернив все святое в Иерусалиме, создав богомерзкую мечеть на останках древнего храма Иеговы", — впечатление паломника конца XIX века.³

Дом Императорского Православного Палестинского Общества

За "Хождением" Даниила последовали многие другие "хождения", "паломники" и "поклонения", а калики переходные распространяли устные апокрифы, ярким примером служат былины о Василии Буслаевиче, что голову сложил во Святой Земле, споткнувшись о "камень преткновения", потому что голым в Иордане купался.

В Иерусалиме русские паломники останавливались в греческих монастырях. Автор переводного "Поклонения святого града Иерусалима" середины XVI века в перечислении иерусалимских монастырей монастырь архистратига Михаила называет русским. Действительно, там останавливался и

³ П. Смирнов. Судьбы Иерусалима и русские паломники. Чтения о Святой Земле. Издание ИППО, вып. XXXI.

Даниил-мних в XII веке, и Василий Григорович-Барский в восемнадцатом; там можно было исповедаться на родном языке. А так вообще-то русского ничего не было, отчего паломники испытывали неудобства, ибо языков большей частью не знали.

О пожертвованиях России Святому Гробу

103

После падения Константинополя в 1453 году Россия стала самой сильной и самой богатой православной державой. К Москве обратили взоры Восточные патриархи и Святогробское братство. На Русь с Востока ездили за милостыней на содержание святынь. Когда в 1558 году в Москву приехали старцы от Александрийского патриарха Иоакима, Иван Грозный повелел отвезти милостыню архидьякону Геннадию, и не просто отвезти, но и "обычеи во тех странах писати ему", а также проверить, правда ли то, что "греческая вера православная испроказилася Махметовою прелестью от безбожных турок". Геннадий до Иерусалима не доехал, скончался в Константинополе, и его полномочия перешли к Василию Позднякову, автору замечательного описания Святых мест, известного под именем "Хождение Трифона Коробейникова", хотя тот ходил с таким же поручением уже при Федоре Иоанновиче в 1593 году. Россия добивалась патриаршества и щедро платила. Но отношение к грекам менялось, и хотя, надо заметить, не беспричинно, но все же в полном соответствии со словами Господа о бревне и соломинке.

Об отношении к грекам

Никакого самого наипоганейшего сарацина не ругают русские так, как своих православных братьев и учителей греков. Вообще, иногда складывается впечатление, что нет для православных ничего противнее, чем... православные. Чем ближе, тем противнее. И как логическое сего завершение — отношения Русской православной церкви и Русской православной церкви (зарубежной). Красных и белых. Но об этом ниже, пока о греках. Вот несколько вполне типичных отзывов из воспоминаний паломников:

"Захваченные турками с внешней стороны, Святые места палестинские с первой половины XVI столетия находятся в духовном управлении греков, якобы под верховной властью Православного Иерусалимского патриарха, на самом же деле

под властью духовного совета так называемых святогробских старцев, и исконная черта греков — корыстолюбие делали и делают для Иерусалима позорною эту власть греческую.

И похитиши еретикумъ и раба ерѣ
 и плетъ и и хощеши плыти и къ дѣлу
 доишу . Къ шудъ ии на приша ии ерѣтѣ
 вмакъю . и на ста ии го ии ерѣтѣ
 ентъ . и на ста ии го ии ерѣтѣ
 поучишу .

104

Икодечудотворца

Корабль с паломниками. "Житие Николая Чудотворца", XVI в.

Святогробцы-греки преследовали и преследуют одну мысль — приобретение богатств всеми путями и средствами, а потому простодушные путешественники и верующие всех стран, а по преимуществу русские, делались жертвою их обмана, лжи и ненасытного корыстолюбия".⁴

У защитников русского народа русские всегда — самые наипервейшие дураки.

А вот что пишет другой благочестивый паломник:

"Что касается монахов-греков, то мое мнение о них далеко не лестное. Приняв монашеский сан, они принимают палом-

⁴Там же.

ника, жертву свою, с ехидством, лукавством и обманом".⁵

Ярким примером вышесказанного является и интерпретация этого же автора известного предания о Благодатном Огне.

О Благодатном Огне

Благодатный Огонь чудесным образом сходит ко Гробу Господню в Великую Субботу, канун Пасхи. Находят упоминание о нем у святых отцов церкви. Игумен Даниил пишет о "свете небесном, како сходит ко Гробу Господню". Даниил же испросил дозволения короля Болдуина, тогдашнего правителя Иерусалима, поставить на Гроб кандило за землю русскую, дабы возжглось оно чудесным образом.

Обычно чудо это происходит так:

"Вот Великая Суббота, Патриарха впустили в пещеру Живоносного Гроба, и дверь за ним закрыта... В самой пещере темно, и Патриарх один там в тишине молится Спасителю... иногда минут десять, а иногда и долее... И вдруг в темноте на ложе Живоносного Гроба, — рассыпаются как бисеринки голубо-яркие, умножаясь, превращаясь в синий огонь, от которого загорается приготовленная вата, лента и лампада: все превращается в пламя "Благодатного Огня"... Патриарх немедленно зажигает свои два пучка свечей и, выйдя в Придел Ангела, дает армянскому Патриарху зажечь свои свечи, после чего оба Патриарха подают в овальные окошечки "Благодатный Огонь" богомольцам".⁶

А вот знаменитое предание, одинаково излагаемое очень многими:

"Несколько веков тому назад армянам удалось однажды оспорить у православных право получить "Священный Огонь" в пещере Гроба. Тогда православным совсем не было доступа в Храм Воскресения Христова, и они вынуждены были стоять во дворе. По прошествии некоторого времени, когда Патриарх и народ молились во дворе храма, Огонь изошел из колонны, которая возле входной двери. Армяне же ничего не дождались".⁷ Наш паломник, увлеченный обличением греков, рассказывает эту историю иначе, наоборот:

"... У этих же святых ворот нам показали колонну, из которой, как гласит предание, произошел святой огонь. Случилось это потому, что однажды греки воспротивились и не захотели дать православным (? — Е.В.) армянам священного

⁵ Путешествие в Палестину. Из дневника Петра А-истова. СПб. 1894.

⁶ Серафим Слободский. Закон Божий. Джорданвиль. 1987.

⁷ Там же.

огня. Во время этого раздора над Иерусалимом разразилась сильнейшая гроза, раздались сильные раскаты грома, и ярко заблистала молния. Один из сильнейших ударов грозы расщепил каменную колонну, и из расселины ее вырвался огонь,

106

Часовня Гроба Господня

яркое пламя которого и приняли на свои свечи лишенные доступа в храм армяне...»⁸

Вот так. А можно и вовсе пожертвовать Благодатным Ог-

⁸ Путешествие в Палестину. Из дневника Петра А-истова. СПб. 1894.

нем.

"Посреди храма Воскресения над предполагаемой могилой Христа устроена часовня, из которой и выдают на страстной неделе "Святой огонь". Прodelки с этим "святым огнем" тоже изрядное пятно на совести иерусалимского духовенства".⁹

Тут, конечно, сказывается не только неприязнь к грекам, но и веяния просвещенного прошлого века.

О другом отношении к грекам

Лишь изредка были слышны другие голоса. Иеромонах Виктор в докладе о положении Иерусалимской Миссии, прочитанном в 1908 году, осуждает гордыню мыслящих, что "нам нечего учиться у греков, мы сами должны их учить, у них нет ничего, прошли те времена".¹⁰

107

Вообще, мнение, что в формуле "русский православный христианин" элементы восходят не от меньшего к большему, не от земного к небесному, а наоборот, как и сейчас принято думать, — это мнение часто играло недобрую роль в былые времена. Вот еще фрагмент из доклада отца Виктора:

"Русская церковная дипломатия в связи с отстаиванием каких-то своих личных русских интересов, вместо общих интересов православия, а в отношении к греческой церкви крайним небрежением, необращением на нее внимания вместо братских отношений любви и взаимопомощи — все это и поставило нашу Иерусалимскую Духовную Миссию на тот ложный путь, который привел ее к полному омертвлению".

Это было сказано позже, а до середины прошлого века, любили или не любили греков, но по прибытии в Иерусалим русские паломники отправлялись в Греческую Патриархию, а оттуда расходились по греческим монастырям, где находили себе приют. Нельзя сказать, что греки с восторгом принимали безденежных пилигримов, однако совсем не гнали, давали возможность отработать постой, кормили и поили, лишая водки только в случаях крайней неумеренности.

О предложениях по обустройству Русской Миссии в Палестине

Положение начало меняться, когда чисто христианские, паломнические интересы совпали с интересами державными,

⁹Протопопов С.Д. В Иерусалим и обратно. СПб. 1906.

¹⁰Иеромонах Виктор. Иерусалимская миссия. (доклад). Харьков. 1909.

политическими. Восточный вопрос, будораживший Европу на протяжении всего девятнадцатого столетия, заставил русское правительство искать самые разные пути укрепления своего влияния на Ближнем Востоке.

108

В 1838 году в Палестину был направлен известный поэт, православный писатель и государственный деятель, секретарь за обер-прокурорским столом в Синоде и камергер Андрей Николаевич Муравьев. Трудно было найти более подходящую кандидатуру. После первого своего путешествия в Палестину в 1829-30 годах он написал книгу "Путешествия ко Святым Местам", произведшую сильнейшее впечатление на светскую публику, до того с определенным высокомерием относившуюся к темам духовным. "С умилением и невольной завистью прочли мы книгу господина Муравьева", — писал Пушкин.

Вернувшись домой, Муравьев представил в Министерство иностранных дел обстоятельный доклад с многочисленными предложениями по обустройству Русской Миссии в Палестине. Муравьев полагал необходимым получить во владение Дом Тайной Вечери на горе Сион для размещения Миссии и монастырь Креста в окрестностях Иерусалима для паломников. Понятно желание Муравьева-святого (характеристика Пушкина) убедить власти приложить усилия для устройства Миссии там, где Самим Господом была совершена первая евхаристия, но практическое выполнение сего было весьма затруднительным. В Доме Тайной Вечери находилась мечеть.

Вообще, Министерство иностранных дел к идее открытия Миссии в Иерусалиме отнеслось скорее отрицательно, во всяком случае неоднозначно. Опасались недовольства Порты, недовольства европейских держав, недовольства греческого духовенства, которое в свою очередь опасалось слишком сильной опеки со стороны России.

О "тайной миссии" архимандрита Порфирия

Осторожность, разумеется, победила. Чтобы не обидеть турок, Европу, греков официальный представитель Синода был послан неофициально, как простой паломник. То был архимандрит Порфирий (Успенский), настоятель посольской церкви в Вене. Миссия его оказалась чрезвычайно сложной. Во-первых, тайна ее тайной ни для кого не была, зато задачу посланника усложняла чрезвычайно. А во-вторых, само состояние Св.Синода как института и правительственного, и церковного обязывало Порфирия разрываться между интересами

церкви и государства, зачастую противоречащими друг другу. Во всяком случае, указания от Обер-прокурора и из МИДа он получал диаметрально противоположные. Впрочем, руководствовался отец Порфирий собственной совестью и здравым смыслом. Он пробыл в Палестине более двух лет, с 1843 по 1846 год. В своем докладе правительству о положении православия на Святой Земле он обосновывал необходимость учреждения Русской Духовной Миссии

"а) для видимого единения Церквей Иерусалимской, Антиохийской и Российской и для взаимных известий;

б) для наблюдения за расходами денег, высылаемых из России;

в) для наблюдения за русскими паломниками;

г) для снабжения всех сельских церквей Сирии и Палестины иконами. При Миссии должны быть иконописцы и школа иконописания;

д) для принятия и отсылки подаяний из России в назначенные места, ибо теперь этого не делают;

е) для наблюдения, где в каких деревнях арабы обращены в магометанство из христиан и где они помнят прежнее христианство, где имеют почитание к святым нашим и пр., дабы при будущем торжестве Православия начать с этих деревень миссионерство и обращение в христианскую веру;

ж) для подания полезных советов при устройстве школ народных и семинарий, и академий в самой Патриархии".¹¹

Доклад был одобрен, и Святейший Синод постановил 31 июля 1847 года учредить Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, отца же Порфирия назначить начальником оной.

О первом недолгом пребывании Миссии в Иерусалиме

Во временное распоряжение Русской Духовной Миссии были предоставлены два монастыря: Архангельский, тот самый, что уже в XVI веке называли русским, для паломников и Федоровский, более удобный — для паломниц. Оба монастыря вмещали 376 человек, чего было достаточно, так как до Крымской войны ежегодное число русских паломников не превышало четырехсот человек. Но все это было "не свое". Единственное, чем могла поддержать русских поклонников Миссия — это ежедневными службами на родном языке. Отец

¹¹ см. Архимандрит Никодим Русская Духовная Миссия в Иерусалиме Богословские труды Сборник 20 М., 1979

Порфирий с переменным успехом вел переговоры с греками о приобретении в собственность какого-либо монастыря и вот, казалось, достиг желаемого. Но тут началась Крымская война.¹² Миссия вынуждена была покинуть Иерусалим.

О том, что русские, хотя запрягают медленно, но скачут быстро

110

Проиграв войну и таким образом сами попав в "обиженные", русские перестали бояться огорчить других. К тому времени в Иерусалиме существовали и активно действовали весьма представительные миссии всех инославных исповеданий. Католики, коих на Востоке всегда опекала Франция, получили в честь победы в крымской кампании щедрый подарок от султана — все здания на Via Dolorosa, скорбном пути Господа, на которые указывали предания. Инославные активно занимались прозелитизмом среди арабского православного населения Палестины. Процент православных, кои составляли среди местных жителей-христиан в 1840 году девять десятых, неуклонно сокращался. Да и то сказать, "у католиков все чисто, подновлено, на все радуется и веселится душа, прославляешь святое место. Почему же у греков мы видим совершенно иное? Почему же у них повсюду непролазная грязь, об уничтожении которой они нисколько не заботятся?"¹³

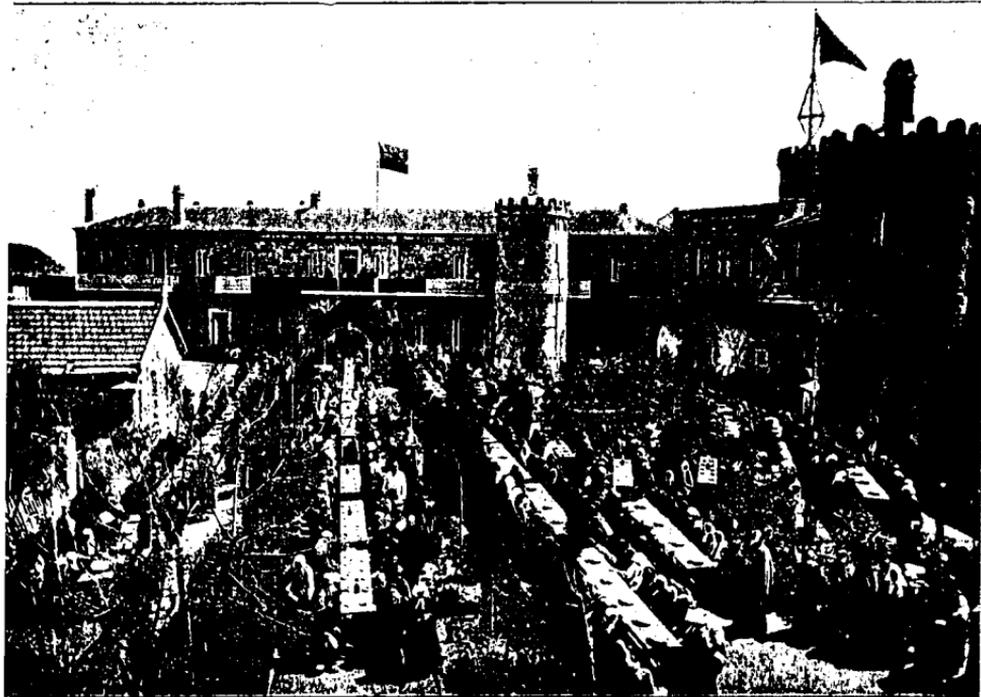
Одним словом, в Петербурге зашевелились все разом.

Прежде всего была возобновлена деятельность Миссии. В результате всяческих интриг в высших эшелонах власти начальником Миссии был назначен не отец Порфирий, хорошо знавший Палестину, а архимандрит Кирилл, но зато с возведением в сан епископа, что повышало статус посланничества.

¹² Крымская война и началась из-за "святых мест", "ключей от Гроба Господня". Наполеон Третий потребовал от султана передачи всех святых мест в руки католиков. Султан удовлетворил требования, и греческие иерархи обратились за помощью к российскому митрополиту Филарету, а тот убедил Николая начать войну с Турцией, переросшую в конфликт со всей Европой.

¹³ Все тот же Петр А-истов (Аристов). Святогорский храм в прошлом веке действительно был не в лучшем состоянии. У семи нянек дитя без глаза. Храмом Воскресения владели и греки, и католики, и армяне, и копты. А русским было с чем сравнивать. "По пути в Петербург я намеренно заезжал в наш новый русский Иерусалим и нашел здесь храм Воскресения расположенным совершенно так, как таковой расположен в Иерусалиме, но устроенным несравненно богаче того и содержимым и подобающей святине чистоте и благолепии". (Путешествие протоиерея Николая Соболева во град Иерусалим в августе и сентябре 1893 года. Кострома. 1894.) Храм Воскресения в Новом Иерусалиме под Москвой был построен в 1685 году по образцу иерусалимского и должен был служить для русского народа местом совершения страданий, смерти и воскресения Спасителя. В последнюю войну был взорван немцами. Так и стоит, что-то там чинят.

Если раньше Синод придавал слишком большое значение церемонным отношениям со Святогорским братством и Патриархией, то теперь, казалось, вовсе перестал обращать на них внимание. Иерусалимский Патриарх даже не был извещен о возобновлении Миссии, что в корне противоречило каноническим правилам взаимоотношения православных церквей. Миссия прибыла в Иерусалим 31 декабря 1858 года, а еще

Праздничный стол для паломников во дворе дома Императорского Православного Палестинского Общества.

раньше, в марте, при департаменте морского министерства в Петербурге был открыт прием пожертвований на улучшение быта русских православных поклонников на Святой Земле. В этом же году в Иерусалиме было открыто русское консульство, юрисдикции которого подлежали все русско-подданные жители Иерусалима, а их насчитывался не один десяток тысяч, из постоянных жителей, преимущественно евреев. Было создано также агентство "Русского Общества Пароходства и Торговли", одной из сторон деятельности которого должна бы-

ла стать забота о русских паломниках. Наконец в 1859 году в Петербурге учреждается особый Палестинский Комитет под председательством великого князя Константина Николаевича для устройства в Святой Земле странноприимных заведений. Первым делом Комитет предполагал купить в Иерусалиме или в непосредственной близости от него обширные земли для возведения необходимых построек и составить планы и проекты сооружений. До возведения построек предполагалось немедленно заняться наймом и обустройством в Иерусалиме, Рамле, Яффе, Назарете и Хайфе временных странноприимных заведений. В апреле сам великий князь прибыл в Иерусалим. В густозастроенном городе невозможно было приобрести достаточно обширные владения, и решено было ограничиться покупкой в стенах города небольшого участка у Святого Гроба Господня, остальную же землю купить за стенами. В результате приобрели большой участок, примыкающий к Яффской дороге, в десяти минутах ходьбы от Яффских ворот Иерусалима и в пятнадцати от Гроба Господня. Турецкое правительство не осталось в стороне и преподнесло в дар участок казенной земли, непосредственно примыкающий к купленной Мейдамской площади. Со времени открытия парходной линии Одесса-Яффа число поклонников из России неуклонно росло и достигло восьмисот человек в год. (это до освобождения крестьян). Сообразно этому числу были наняты временные помещения для приюта паломников и соорудались свои здания на Мейдаме.

Об одной книге

В 1912 году в Казани была напечатана книга В.И.Протопопова "Прежде и теперь (из быта русских паломников в Палестине)". В своем труде автор сравнивает положение российских поклонников Святых мест до начала деятельности в Палестине Русской Духовной Миссии и Палестинского Комитета и в 1912 году. Вот цитата из книги:

"Истовое, благолепное русское богослужение, непопулярное назидание церковной проповедью, религиозно-нравственные чтения во внебогослужебные часы, русский духовник и душенаставник, обширные русские подворья, с русским радушием и приютом раскинувшиеся по всему лицу Земли Святой, — вот то, что может предьявить наша Иерусалимская Духовная Миссия в ответ тем, кто бы вздумал спросить ее о том, что она делала и делает во Св.Земле".

То что тогда было "теперь", стало "прежде", и можно вновь заняться сравнением состояния русских мест в Палестине к

началу Первой мировой войны и сейчас. Приступим с болью в сердце.

О Русских постройках

На плане современного Иерусалима Старый город занимает весьма скромное место: достопримечательность, окруженная реальным живым современным городом, столицей Израиля. В Старом городе находится главная святыня христианского мира — Гроб Господень.¹⁴ Здесь же — третья после Мекки и Медины святыня мусульман — Купол скалы или мечеть Омар. А в основании Храмовой горы — главная святыня иудеев, — Западная стена разрушенного римлянами Соломонова храма, Стена Плача. В 1860 году, когда были начаты работы по строительству зданий для Русской Миссии и паломников, весь город Иерусалим ограничивался своими высокими и толстыми стенами. Ворота на ночь запирали. И сооружение русскими своих построек с одновременным возведением стены вокруг оных казалось основанием нового города на пустом месте в непосредственной близости от старого. Это вызывало ревнивый интерес как иноверцев, так и инославных. "Россия строит целый маленький город на высотах Иерусалима, вблизи (хотя и вне) града Давидова и Соломонова; мусульмане пускаются в тысячи разных догадок о будущей цели этих построек".¹⁵ Это из католической газеты 1860-го года. Интересно, была ли среди тысяч мусульманских догадок хоть одна верная — в конечном итоге строилась и тюрьма для мусульман.

Первый русский храм на Святой Земле был освящен 28 июня 1864 года. То была домовая церковь Русской Миссии во имя св. мученицы Александры. Несколькими позже был освящен и Миссийский Троицкий собор, открыты два подворья для паломников, Елизаветинское и Марииинское, а также больница и хозяйственные службы. В 1886 году Палестинское Общество¹⁶ приобретает участок в 10 000 кв. сажень, примы-

113

¹⁴ Это место не признают за подлинное протестанты. У них есть своя, "альтернативная Голгофа", разысканная в прошлом веке неким любознательным офицером, пораженным неразумием поклонников Святого Гроба. Ведь Голгофа-то должна находиться за стенами города, а находится внутри. Джентльмен пустился на поиски, обошел стены Иерусалима и нашел "настоящую" Голгофу. Только не учел, что нынешние стены Старого Иерусалима возведены турками в нынешнем тысячелетии. Впрочем, для протестантов это не суть важно. Сакрального значения для них Голгофа не имеет, просто достопримечательность.

¹⁵ Отзыв католика о протестантской и русской миссиях в Иерусалиме. Труды Киевской Духовной академии. 1860. №3.

¹⁶ Русское Православное Палестинское Общество было основано в 1882 году. В 1889 году Православному Палестинскому Обществу были переданы все земли, постройки и капиталы, принадлежавшие Палестинской Комиссии (так с 1864 года стал называться Палестинский Комитет). Одновременно Обществу было даровано право называться

кающий к северной стене Русских построек, и возводит там каменное двухэтажное подворье. Сергиевское. В 1906 году на Постройках было сооружено Николаевское подворье. Больше здесь до Первой мировой войны русские ничего построить не успели. А после и подавно.

О превосходстве немцев во всех отношениях

114

И корабли-то у них для паломников не чета нашим — чистенькие, аккуратненькие. Все блестит, все сверкает, гордо реют флаги ихних палестинских обществ. Организовано все так, что не придерешься, по минутам расписано. Любо-дорого посмотреть, как они, полные сознания важности совершаемого акта, все вместе запевают торжественную песнь. И миссии их — ни пылинки, ни соринки. Сознательный народ, дисциплинированный. А у нас! Ну скажите, разве цивилизованный немец купится на склянку с "тьмой египетской", "Богородицыными слезками", "звоном Соломонова храма"? А корабли наши! Народ сидит на палубе, нечистота какая, чайники эти вечные, самовары, тыфу! Неужели нельзя как у людей? И почему мы не немцы?

О том, как ехали и как жили в Палестине

Хорошо ли, плохо ли, но ехали и жили. "Он — крестьянин Олонецкой губернии. Дошел пешком до Одессы. Пять лет он копил деньги на путешествие в Святую Землю. За два года он перестал есть скоромное. В течение всей Страстной недели он не ест ничего. Он исповедывался, приобщался, и вот сбывается то, о чем он едва смел мечтать у себя на родине — он приближается ко Гробу Господню".¹⁷

Такие крестьяне, а еще чаще крестьянки составляли подавляющее большинство русских паломников. Вот для примера сведения об отправлявшихся для поклонения в Палестину из Орловской губернии в 1871-72 годах (паломнический сезон длился от Пасхи до Пасхи). Всего совершили путешествие 249 человек, 86 мужчин и 163 женщины. Из них по сословиям:

Императорским Православным Палестинским Обществом (ИППО).

¹⁷ В. Дорошевич. В Земле Обетованной. М. 1900.

духовного звания — трое
монахов — пятеро
купцов — шестеро
солдат — двадцать один
мещан — двадцать восемь
крестьян — сто восемьдесят шесть.

Что же касается дворян, то либо их вовсе не было, либо они, не воспользовавшись льготами для паломников, ехали своими, дворянскими путями и не попали в статистику.

115

Такое соотношение сословий и полов сохранялось и в последующие годы, и по всей России.¹⁸ Только число паломников год от года росло. В паломнический сезон 1912/13 годов на Иерусалимских подворьях было принято 6338 человек. В первый день Святой Пасхи на Постройках было устроено разговение для 4878 паломников.

Из Батума и Одессы с заходом в Константинополь и на Афон ходили пароходы в Яффу. Палестинское Общество установило для паломников специальные проездные книжки. Выправив у губернатора льготный паспорт (50 копеек за полгода вместо обычных 15-ти рублей), паломник получал особую книжку, которая обеспечивала проезд от губернского города до Иерусалима и обратно. Из Санкт-Петербурга такая книжка третьего класса стоила 57 рублей. Кроме того, для тех, кто ехал без книжки, существовали специальные паломнические билеты на пароход. Билет Одесса-Яффа-Одесса третьего класса стоил 24 рубля. Это было в 1909 году. А в 1891 году было дороже. Полный проезд из Петербурга — 62 руб. 50 коп., билет из Одессы — четвертной.¹⁹

В Яффе пароход встречал русский консул. Паломники отправлялись на железнодорожную станцию и к вечеру прибывали в Иерусалим. На Русские постройки.

"Русская миссия — система густозеленых куп, среди которых разбросаны здания консульства, здания Иерусалимского подворья для богомольцев, среди которых есть настоящий, великолепный отель с хорошими, дешевыми комнатами и очень вкусным столом; там стиль — пансионный; заведующий держался любезным хозяином; из своего дорогого и неприветливого английского отеля мы тотчас же перекочевали сюда".²⁰

¹⁸Что до возраста, то подавляющее большинство паломников были люди старше пятидесяти. (ок. 70% в сезон 1909/10 гг.).

¹⁹Билет первого класса с прекрасным столом стоил 201 руб. 50 коп.

²⁰Андрей Белый. Указ. соч.

А простые паломники размещались в общих палатах, где первые две недели проживали бесплатно, а за дальнейшее пребывание должны были платить по три копейки в день.²¹ Отсюда снаряжались огромные караваны в Хеврон к Мамврийскому дубу, на Иордан, в Назарет. На Назаретском подворье можно было жить бесплатно неделю, совершая оттуда походы к галилейским святыням. В других местах как правило не задерживались более, чем на одну ночь.

О том, как все пошло прахом

116

Паломнический сезон 1913/14 годов оказался последним в истории Русской Миссии в Иерусалиме. То есть Миссия существует, более того, их теперь даже две, но вот к паломникам обе отношения не имеют.

После начала Первой мировой войны дипломатические отношения между Россией и Турцией были разорваны. В августе 1914 года Палестинское Общество заявило, что оно снимает с себя заботу о русских паломниках, и предложило им покинуть Палестину. В декабре все русское мужское население Палестины было интернировано в Александрию. Несколько лет Миссия пребывала там, дожидаясь окончания войны. В России Палестинское Общество вынашивало планы послевоенного обустройства дел. Тогда рассматривалось два возможных исхода войны. Наиболее вероятным было полное поражение Турции. "Судьба Царьграда еще не решена, но решается настоящей великой войной, и будет ли он международным, эллинским или славянским городом, пока одному Богу известно, но едва ли он останется турецкой столицей, управляемой германцами".²² В таком случае Палестинское Общество рассчитывало окончательно закрепить юридически все свои владения, так как турецкие законы не признавали юридических лиц, и все покупки недвижимости делались только на имя отдельных людей. Однако и в том случае, если бы Турция смогла в результате войны сохранить свое влияние в Палестине, предполагалось добиться значительно больших привилегий для Православия. Все эти вопросы представлялись правительству и должны были учитываться на переговорах.²³ Так или иначе, но не было сомнений в рассвете русского па-

²¹ Это за жилье, плюс 8 копеек за обед из двух блюд и 2 копейки за два чайника кипятку утром и вечером. (Действительная стоимость — 38 коп.).

²² Вопросы, связанные с восстановлением деятельности ИППО в Святой Земле по окончании войны с Турцией. П.-г. 1915.

²³ В 1915 году между Англией, Францией и Россией было заключено тайное соглашение о Константинополе и Проливах. Константинополь, Федор Михальч, должен был быть наш. И даже некоторые острова Мраморного моря.

ломничества на Святую Землю в новом, лучшем качестве. И никто не предполагал третьего исхода. Раскола, запустения, разрушения.

О том, что увидел автор — новый русский паломник

Гуляя сегодня по Иерусалиму, непросто очертить для себя точные границы Русских построек. "Наш городок" со всех сторон окружен новыми зданиями, и даже купола высокого собора за сто метров уже не видны. Впрочем, если знать, где искать, то отличить подворья можно. Во-первых, как уже было сказано, они отмечены эмблемами Палестинского Общества. А кроме того, "русские живут в скучных казенных корпусах Православного Общества за Западными воротами", — слова эстета Ивана Алексеича Бунина, жившего, разумеется, в аглицком отеле. Корпуса эти никуда не делись. Скучные, казенные и нерусские. Когда после Первой мировой войны Англия получила мандат на Палестину, в зданиях подворий разместились британские оккупационные службы. Даже бóльшая часть здания Миссии была занята ими до самого окончания мандата в 1948 году. Миссией руководили священники Зарубежной Православной церкви, хотя руководить особенно было нечем. Но оставались два женских монастыря с тремястами монахинями. За мизерную плату британская жандармерия арендовала русские владения в Иерусалиме, Назарете, Иерихоне, Акре, Хайфе. Арендовала по сути дела у себя самой, но какие-то деньги на содержание Миссии и монастырей выплачивала.

Что до священников Московской Патриархии, то они в период между двумя войнами в основном планомерно уничтожались, и руководить Миссией в Иерусалиме не могли. Конечно, большевики попытались наложить лапу на русское имущество в Палестине. Начиная с 1923 года различные наркомы и полпреды доказывали, что все имущество Миссии, Православного Общества и т.д. унаследовано страной Советов. Но британцы отдавать безбожной власти святые места не пожелали. И не отдали, четверть века затягивая решение вопроса различными юридическими ухищрениями.

С образованием государства Израиль Палестина разделалась. Эти странные англичане отрезали мусульманам Восточный Иерусалим со Старым городом и Вифлеем. Две основные святыни христианского мира. Туда же пошла и Храмовая гора со Стеной Плача, и гробница Авраама, Исаака и Иакова

в Хевроне, и прочие иудейские древности. Одним словом, распорядились Святой Землей по-хозяйски, рачительно, еще долго придется этот порридж расхлебывать.

Но Русские постройки оказались на территории Израиля. И Миссия стала "московской". С 1948 по 1967 год пребывание Миссии в Иерусалиме было в какой-то мере просто абсурдным, впрочем, это с точки зрения церковной.²⁴ Находясь в пятнадцать минутах неспешной ходьбы от Гроба Господня, слыша звон колоколов храма Воскресения, служители Миссии в Иерусалиме имели возможность приложиться к Гробу немногим большую, чем оставаясь на родине. Между Миссией и Гробом была граница. Вот как в Русской Миссии в те года происходила Великая Суббота.

"К часу дня духовенство Миссии направляется к пограничной заставе на израильско-иорданской границе. [...] Вот раздался радостный трезвон колоколов Святогробского храма.²⁵ Это означает, что Святитель Иерусалимской церкви вышел из пещеры Гроба Господня со Святым огнем. [...] Вот вдалеке показалась немногочисленная процессия. Это святогробское духовенство несет Святой огонь нам, находящимся по другую сторону границы. Сопровождаемые израильским пограничником, мы направляемся на середину нейтральной территории, куда в сопровождении иорданского пограничника приходит греческое духовенство. После взаимных приветствий мы зажигаем наши светильники и направляемся в наш собор".²⁶

Стало московским и все имущество, что оказалось на территории Израиля.²⁷ А все, что попало в Иорданию, осталось у Зарубежной церкви, карловчан. Англичане хоть и пользовались русским имуществом как своим, но все же назначили опекуна, контролировавшего доходы и следившего за

²⁴ На здании Миссии выросли длинные антенны. Начальником Миссии был архимандрит, а начальником архимандрита — шофер архимандрита, офицер в чинах. Так говорят.

²⁵ Колокола эти тоже русские. У храма Гроба Господня, с левой стороны у самых ворот возвышается старое здание квадратной формы в два этажа. С Крымской войны служит колокольной. Колокола русские. Колокольный звон в Палестине турками вообще не дозволяется и здесь разрешен, как исключение, по настоятельному желанию русского правительства". (Путеводитель по Святым Местам Града Иерусалима и православно-христианского Востока. Одесса. 1908).

²⁶ Палестинские воспоминания Никодима, архиепископа Ярославского и Ростовского. ЖМП N10, 1961.

²⁷ А именно: Русское подворье в Иерусалиме с Троицизм собором и домом Миссии, два дома близ Русского Подворья на улице Пророков, Горненский монастырь в Айн-Кареме, "Место Сидения" близ Горнего, храм и сад в Яффе, земли с домами и храм в Хайфе, сады в Назарете и Кане Галилейской (Кфар-кана), пустырь Лубие, дом "со сводами" в Тивериаде и Магдальский сад близ Тивериады. (см. Архимандрит Никодим. указ.соч.). Это имущество Русский Миссии в Иерусалиме. Кроме этого, оставалось имущество ИППО и великого князя Сергея Александровича, председателя ИППО.

сохранностью домов и земель. Опекун Рабинович передал имущество новому московскому начальнику, и его почли делить. У церкви, понятное дело, слово было маленькое. Все владения ИППО стали государственными.²⁸ Имущество Императорского Православного Палестинского Общества на Русских постройках было окончательно продано Израилю в 1965 году за пять миллионов долларов апельсинами.²⁹ Имущество Духовной Миссии осталось за ней, но тоже как-то съезжилось. А имущество великого князя до сих пор непонятно чье юридически.

Снявши голову, по волосам не плачут. Каким-нибудь чудом попав на Святую Землю, новый русский паломник устремляется в родную Миссию. И оказывается перед закрытыми дверьми советского учреждения, для которого любой посетитель — назойливый и ненужный проситель и первый враг. "Не велено пущать. Заняты все, за Россию молятся. В собор приходите, там для всех". Троицкий собор действительно для всех. Двери его широко раскрыты для нового русского паломника. Четыре часа в неделю. Вечерняя служба в субботу и воскресная литургия.³⁰ Я отстоял эти четыре часа. Вместе со мной в огромном храме, строившемся для тысяч прихожан, было человек восемь, включая миссийских монахинь. Приобщались трое: две монахини и я, новый русский паломник.

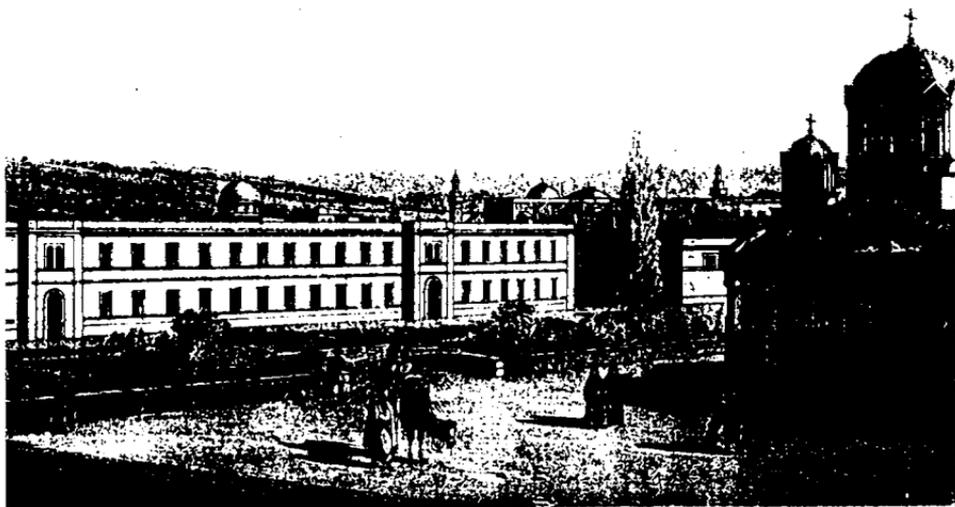
²⁸ Большевики конфисковали все имущество Общества, движимое и недвижимое, оставив только две буквы аббревиатуры. В 1919 году обновленное и ограбленное Российское Палестинское Общество было включено Советским правительством в систему Академии наук. Тем самым была оформлена юридическая правопреемственность, дабы недвижимое имущество в Палестине не только конфисковать, но и получить. В эмиграции возникло ИППО в изгнании, также претендовавшее на земли и постройки. 25 мая 1992 года Российское правительство вернуло Обществу наименование Императорское (?) Православное. ИППО надеется получить остатки палестинских владений, хотя преемственность не очень убедительна. Старому Обществу должно соответствовать не только название, но и устав, и его выполнение. Например, параграф 8 старого устава: "ИППО ставит своей целью оказывать пособие православным паломникам при посещении ими святых мест Востока, устройством для них странноприимных домов, больниц, особых паломнических караванов, удешевлением путевых расходов, изданиями путеводителей и т.п.". Дай-то Бог.

²⁹ "Яфские сады, особенно апельсиновые и лимонные, считаются лучшими в Палестине, как по количеству, так и по качеству фруктов и снабжают апельсинами и лимонами все большие рынки России." (Путеводитель по Святым Местам... Одесса. 1908).

³⁰ Говоря о Русской Православной Церкви на Святой Земле, не следует забывать, что она неотъемлемая от Православной Церкви вообще и подчинена Иерусалимской Патриархии, с которой должны быть согласованы все службы и обряды.

О другой Русской Миссии в Иерусалиме

Одновременно с покупкой Мейдамской пустоши Палестинский Комитет приобрел у коптского священника небольшой участок земли, непосредственно примыкавший к храму Воскресения. Первоначально здесь предполагали построить русское консульство (действительно, где ж его строить, как не

Богоугодные заведения, строящиеся близ Яффских ворот города Иерусалима. Вид на Восток.

в виду Гроба Господня, правительственное все же учреждение). Однако при очистке этого места от мусора сначала были обнаружены остатки древней галереи времен святого равноапостольного императора Константина, ведшей в Святогробский храм, а потом и порог судных врат, через которые Господь был выведен за стену города на Голгофу. Место получило название "Русские раскопки". Над порогом судных ворот был сооружен храм во имя св. Александра Невского. Сюда перебралась Миссия Зарубежной церкви после Второй мировой войны.

В Иерусалиме великое множество христианских церквей. Все они открыты с утра до вечера. Некоторые вообще не закрывают дверей. Исключение составляют храмы Русской Православной церкви, той и другой. На Via Dolorosa все церкви католические, только одна, ближайшая ко Гробу — русская. Я несколько дней пытался проникнуть туда, стучал в двери,

разыскивал задние ходы, непрерывно попадая в различные постройки абиссинцев, кои окружают храм св. Александра. Увы, Миссия Зарубежной церкви явила себя неприступной новому русскому паломнику. Предоставим слово паломнику старому.

"Долго мы любовались дивным и уютным устройством прекрасного нового храма, отличающегося особенной чистотой; здесь нам показывали разные древности, открытые в раскопках. Отсюда прошли мы к месту высокой стены, находящейся у самой Голгофы; идти пришлось нам проходом, похожим на коридор, где еще работали штукатуры, обмазывающие стены известью. Можно надеяться, что при освящении нашего нового храма, место это, наверное, займет одно из первых мест среди святынь, так как только одна стена разделяет его от престола Голгофы".³¹

Надеяться можно и сейчас. А пока, увидев обе наши Русские Миссии, вспомним слова другого старого паломника:

"Иерусалимская наша Миссия давно погибла бы за полную безжизненностью своего существования, если бы не приснопамятный архимандрит Антонин, который в видах сохранения Миссии и возможной для нее в будущем работы, сосредоточивал все свое внимание на приобретении святых мест, и через это он упрочил раз навсегда внешнее самостоятельное положение иерусалимской Миссии независимо от внутренней ее жизнедеятельности".³²

Ну а сейчас отца Антонина нет.

Об архимандрите Антонине

Как-то уж так получилось, что до революции Русскую Духовную Миссию возглавляли по большей части люди достойные, образованные и порядочные. По сию пору не до конца растранижирили все то, что этими отцами было собрано, хотя старались изо всех сил. Выдающийся археолог и первый начальник Миссии отец Порфирий открыл, к примеру, знаменитый Синайский кодекс Библии IV века.³³ Отец Антонин (Капустин), возглавивший Миссию в 1865 году и занимавший этот пост почти тридцать лет до самой своей кончины в 1894 году, оставил после себя не только массу книг, ценных археологических находок, но и обширные земельные владения. Покупка земель на Святой Земле была делом непростым.

³¹ Петр А-истов. Указ.соч.

³² Иеромонах Виктор. Указ.соч.

³³ В 1933 году большевики продали Синайский кодекс правительству Великобритании за 100000 фунтов стерлингов.

Помимо препятствий, кои подчас чинили турки, велика была конкуренция со стороны католиков и протестантов.

"Отец Антонин обыкновенно любит или принужден бывает каждую пядь земли приобретать тайком, осторожно от всех и даже своих. И уж когда он купит и судебным порядком утвердит землю, тогда о приобретенной недвижимости и сообщает лицам русским к сведению и соображению".³⁴ На приобретенных землях сооружались храмы, приюты, гостиницы, больницы, школы и училища для местного православного населения, разбивались сады. Здесь выращивали виноград и оливки, апельсины и финики.

122

Многие образованные паломники середины прошлого века вздыхали, полные разочарования при виде пустыни там, где, судя по Библии, был цветущий сад. Им казалось, что Святая Земля умерла, исчерпала себя. Отец Антонин и другие подвижники, подобно ветхозаветным евреям, оживляли эту землю, требующую постоянного ухода. В результате деятельности отца Антонина, а также продолжившего приобретение земель архимандрита Леонида (Сенцова), куда бы ни попал русский паломник в Палестине, везде он мог слышать родную речь, везде находил радушный прием и кров.

О Дубе Мамврийском

Первым приобретением отца Антонина стал участок земли близ Хеврона с Мамврийским дубом, под сенью которого Аврааму явилась Пресвятая Троица. "Дуб сей замечателен по объему своему и уничтожает сомнение о его древности; он и доселе зелен, как бы молодой, но около десяти лет, не более, замечается его повреждение, некоторые ветви уже сухие. Подозревают в повреждении сего памятника древности католиков, которым хотелось завладеть сим местом, но восхитила у них наша Миссия..."³⁵

Да, приобретение Дуба было нелегким делом. Хеврон населяли весьма воинственные мусульмане, чтящие Авраама и Мамврийский Дуб. Сейчас, наверное, только евреи, покупающие земли на "территориях", могут понять все трудности, возникшие перед отцом Антонином. Потому что трудности все те же. Араб — владелец земли — желает продать ее и жив остаться. В результате — долгие тайные переговоры, подставные лица, на коих оформляется купчая. В конце концов сделка была оформлена на имя драгомана Миссии Якова

³⁴ По Святой Земле. Путевые заметки протоиерея Василия Михайловского. СПб. 1898.

³⁵ Путешествие протоиерея Николая Соболева... Кострома. 1894.

Халеби.

С тех пор самый старый дуб в мире именуется Русским дубом, а когда рухнет он, говорят — наступит конец света. Рядом с Дубом был возведен странноприимный дом, сторожевая башня. Здесь же храм, освященный уже в 1925 году. Сейчас остатки огромных хевронских владений принадлежат Зарубежной церкви. Живут монах с послушником. Раз в год служат у Дуба Божественную Литургию. Каждый паломник — выдающееся событие, ибо "Хеврон — довольно хороший город, но народ в нем дерзкий до наглости и поодиночке паломникам посещать эти места небезопасно".³⁶

123

О русских владениях в Иерихоне

Необходимость покупки земель в Иерихоне объяснялась близостью его к Иордану, к месту крещения Иисуса Христа. Здесь же гора Сорокадневная, гора Испытания. В 1870 году отец Антонин приобрел здесь не какой-то случайный участок, а место со смоковницей, откуда взирал на Господа Захей. Вот что писал авторитетный исследователь Палестины Аким Олесницкий в 1876 году.

"... Но вот мы приблизились к месту ночлега, где уже раскинута наша палатка на земле, купленной Русскою Духовною Иерусалимскою Миссией. Итак, это не обман самообольщения. Русская земля среди иорданской долины. [...] После некоторого ухода это место, при безмерном богатстве своей почвы, будет русским Едемом на востоке. Новые владельцы уже приступили к его возрождению. Вместе с нашим караваном сюда привезены из Яффы для рассадки апельсиновые, лимонные, гранатовые деревья и пальмы, некогда стоявшие здесь целым лесом, а теперь совершенно уничтоженные арабами".³⁷

А вот заметки 1888 года. "Нынешний Иерихон — это небольшое селение, в значительной мере русское: там ведь, кроме Антониновского странноприимного дома, имеется еще дом и земля Православного Палестинского Общества".³⁸

Прошло еще несколько лет:

"Мы вошли в садик Миссии. Растительность меня поразила: несколько громадных финиковых пальм в два обхвата толщиной гордо поднимали свои перистые вершины. Кисти

³⁶ Там же.

³⁷ Святая Земля Акима Олесницкого. Труды Киевской Духовной академии. 1876. Том 1.

³⁸ По Святой Земле. Путевые заметки протоиерея Василия Михайловского. СПб. 1898.

фиников висели, как гроздья винограда. Бананы уже поспедали, кусты черного перца издавали свой характерный острый запах. Ягодник зеленел своею громадной кроной. Рожковое дерево выделялось темным цветом из группы оливок и смоковниц. [...] Я прошел в соседний сад, принадлежащий Палестинскому Обществу... Палестинский сад еще лучше... здесь много винограда, бананов, гранат, апельсинов и разных сортов лимонов".³⁹

Теперь это место — греческое. Здесь православный храм. Слава Богу, но никогда уже не встретят самоваром, не обратятся по-русски. Милости просим и прочая. А на горе Искушения так и стоит недостроенный русский храм.

О жемчужине Русской Миссии

Так называли Русский сад в Яффе, одно из первых приобретений отца Антонина, место, именуемое арабами "Дарбатеин Табита", так как здесь погребена праведная Тавифа, воскрешенная апостолом Петром. Это место отстоит довольно далеко от гавани, куда прибывали корабли с паломниками, поэтому богомольцы, спешившие в Иерусалим, нечасто добирались сюда, обычно на обратном пути.

"Вдвоем мы наняли парный фаэтон до русских монастырских построек и обратно, версты за две-три. Дорога шла сначала по окраинам города, а потом все садами, где много финиковых пальм, банановых, апельсиновых, рожковых, гранатовых и миндальных деревьев и множество больших кустов, густо покрытых сверху донизу яркими цветами африканской флоры.

Монастырское подворье имеет несколько двухэтажных домов для бесплатной остановки паломников, большой сад с тропическими растениями, новую небольшую церковь и бассейн с чистой водой, где плавают золотые рыбки".⁴⁰

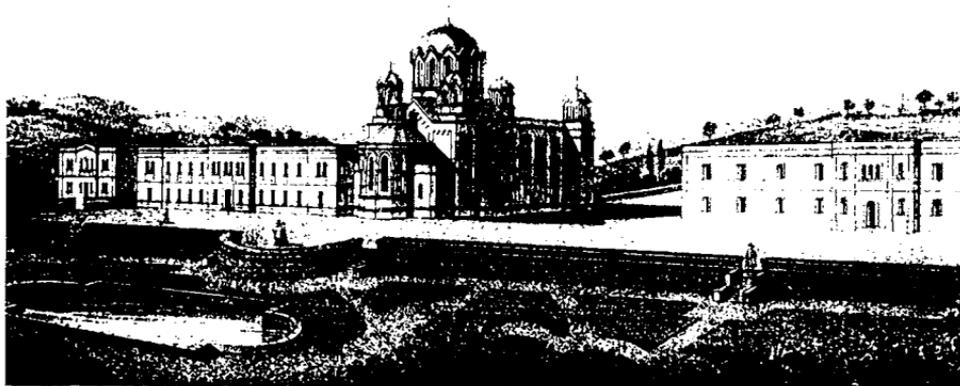
Кажется, никто из побывавших здесь не забыл отметить этих рыбок.

Нового русского паломника, прочитавшего эти строки, и здесь ждет разочарование. Осмотрев Яффу, лишь прибрежная часть которой пока отреставрирована, я направился к Русскому саду. Дорога шла сначала по окраинам одного из самых древних городов мира, а потом окружающий пейзаж стал походить на новостройки наших южных городов вроде Евпатории. Блочные дома, гаражи, мастерские какие-то

³⁹ М.П.Соловьев. Святая Земля. СПб. 1891.

⁴⁰ Поездка в Иерусалим, Вифлеем и к реке Иордану. Рассказ путешественника очевидца полковника Н.Аршукова. Курск. 1905.

вдоль пыльного шоссе, немногочисленные чахлые деревья. Колокольня русской церкви видна издали — это высшая точка в Яффе. Русский участок окружен высокой каменной стеной, полуобвалившейся; проломы кое-как заделаны досками, землей, камнями, колючей проволокой. Возможно,

Богуогодные заведения, строящиеся близ Яффских ворот города Иерусалима. Вид на запад.

территория, принадлежавшая Миссии, гораздо больше, чем ограниченная стеной, ибо вокруг ничего не строят: с одной стороны большая свалка, с другой аккуратное футбольное поле, с третьей что-то вроде никем не посещаемого садика, а с четвертой какие-то металлические конструкции, напоминающие стойла для лошадей. Со стороны садика у монастырской стены навалены бочки; вот по ним-то я и забрался на стену. И спрыгнул в сад.

Передо мной на ветке висел гранат. Я дотронулся до плода, и он рассыпался в прах. Слава Яффы — апельсиновые деревья — были усыпаны яркими плодами. Я сорвал апельсин; он оказался несъедобным, горьким. Сад одичал. Но не погиб, лежит каким-то невероятным тихим оазисом посреди шумного пыльного многоэтажного города. С ветки на ветку перелетали попугаи. Позади меня послышался шорох, я обернулся. По дорожке сада шествовал павлин. Из всех построек в мало-мальски надлежащем виде пребывают лишь храм с колокольней и пещера праведной Тавифы. Остальное — руины, разваливающиеся скелеты зданий гостиницы, келий, служб.

Я поднялся в дом на дворотах, вышел на широкий балкон. Здесь пили чай, отсюда махали, провожая именитых гостей. Не обвалиться бы вместе с балконом. Я снова спустился в сад. Со стороны футбольного поля земля в саду усыпана мячами. Они время от времени перелетают через стену, но за ними никто не приходит.

"Городские жители толпами приходят сюда в праздничные дни для прогулок" (Библейская энциклопедия. Москва. 1891).

Время от времени сюда приезжают служители Миссии и монахини Горней обители.⁴¹

126

И бассейна, бассейна нет. С золотыми рыбками.

Красные и белые. О двух русских монастырях в Иерусалиме.

В 1870 году отец Антонин приобрел в разных местах два участка земли, положив тем начало двум женским обителям, существующим и поныне. Первый расположен на самой вершине Елеонской горы, в непосредственной близости от места Вознесения. Вначале здесь разбили сад маслин и смоковниц, потом на месте древнего храма была построена церковь и наконец возведена "Русская свеча" — самая высокая колокольня в Палестине. Позже здесь был устроен женский монастырь, ныне принадлежащий Русской Православной Церкви за рубежом.

Второй участок отец Антонин приобрел в Айн-Кареме, Горнем граде Иудове, родине Иоанна Крестителя и месте встречи Марии и Елисаветы. За первым участком последовали прилегающие, и постепенно весь северный склон обширной и высокой горы стал русским. Паломницы из России, решившие остаться на Святой Земле, строили здесь домики, разбивали огороды. Вскоре здесь был построен небольшой храм во имя иконы Казанской Божьей Матери. Был начат постройкой и второй храм, куда более вместительный. Не достроили. Есть и башня, тоже самая высокая:

"На самой вершине горы, по склонам которой раскинулось русское место, красуется каменная, недостроенная еще русская башня, как бы маяк, указывающий путнику место покоя и отдохновения. Вместе с тем она служит как бы памятником русской силы и господства в Палестине. Она господству-

⁴¹Я был в Яффе поздней осенью 91-го года. Туда должны были приехать трое монахов из Москвы.

ет над всеми высотами, и с нее видно даже Средиземное море".⁴²

Сейчас башня эта по-прежнему выглядит недостроенной, а вернее сказать — полуобвалившейся, и расположена она далеко за пределами русского женского монастыря, принадлежащего Московской Патриархии.

Всего этого может и не знать нынешний поклонник, увы, не имеющий специального паломнического путеводителя, кои в прошлом веке выпускались чуть ли не всеми русскими епархиями. А вот если он посмотрит на Елеонскую гору со стороны Старого города, ему сразу бросится в глаза изящная церковь, исполненная в древнерусском стиле, храм во имя святой Марии Магдалины, расположенный на склоне чуть выше Гефсиманского сада. Место это было куплено отцом Антонином в 1880 году и называется Русский Гефсиманский участок. Церковь св.Марии Магдалины была построена в память государыни Марии Александровны на деньги ее сына Александра III. Расписана Верещагиным. На освящении храма присутствовали председатель Палестинского Общества в.к. Сергей Александрович и в.к. Елизавета Федоровна.⁴³ Сейчас здесь подворье Елеонского монастыря Зарубежной церкви. Сюда и направляет свои стопы новый русский паломник. И будет допущен в часы служб или, два раза в неделю, для осмотра церкви. Но только если он мирянин. Монахам и священникам Московской Патриархии вход в зарубежные монастыри запрещен. В храм Марии Магдалины не пустили и Патриарха всея Руси, желавшего поклониться мощам новоприспешенных к лику святых мучениц Елисаветы и Варвары.

Меня же пустили, и я Патриарху посочувствовал. За высокими каменными стенами⁴⁴ скрывается поистине райский уголок. Широкая каменная лестница, ведущая к церкви, утопает в густых зарослях маслин, кипарисов и прочих южных дерев. Прекрасный издали, храм не разочаровывает и вблизи, только поражает своими размерами, — он очень пропорционален и снизу кажется совсем миниатюрным. С площадки перед храмом открывается чудесная панорама Старого города с золотым куполом мечети Омара на первом плане и черным — храма Гроба — чуть дальше.

⁴²По Святой Земле. Путевые заметки протоиерея Василия Михайловского. СПб. 1898.

⁴³Здесь покоятся ее мощи, святой преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны, убиенной большевиками в Алопаевске в 1918 году. Новомученицы Елизавета и Варвара канонизированы Русской Православной Церковью в 1992 году.

⁴⁴Все приобретенные земли турки обязывали обносить стеной. Только тогда участок считался закрепленным за владельцем.

Можно и в том посочувствовать Святейшему, что не удалось ему заглянуть в здешнюю иконную лавку, подивиться богатству ее и разнообразию. Ведь в нашем Троицком соборе выбор прост: алюминиевые крестики да самых разных форматов, от почтовой карточки до уличного плаката, портреты Алексея нашего Второго. И все.

Для большинства здешних монахинь русский язык неродной, и не все на нем говорят достаточно хорошо. Обижаться на это не стоит, ибо в период между мировыми войнами монашество здесь не зачахло во многом благодаря шотландцам, принявшим православие.

Как уже было сказано, сам Елеонский монастырь расположен выше. И хотя колокольня его видна издалека, добраться до монастыря непросто. Плотный окруженный арабской деревней, он все время оказывается на некоем непреодолимом расстоянии. Наконец, изрядно поплутав, вы оказываетесь у железных ворот с английской надписью НЕ ДЛЯ ТУРИСТОВ. Араб-привратник повторит эту информацию на ломаном русском языке. Вы просите позвать кого-либо из инокинь, и случайно проходящая мимо сестра также объяснит, что территория это частная, посещению не подлежит. И между вами может состояться следующий диалог:

- Но я не турист. Я — православный паломник из России.
- Православный?
- Да, православный.
- Православный христианин?
- ???
- Так спуститесь вниз, в Гефсиманию, там у нас иногда можно всем походить.

После чего монахиня удаляется, а вы можете продолжить в одиночестве:

— Так-так-так, очень интересно. Значит, отец Антонин купил эту землю, построил церковь, странноприимный дом для православных, представьте себе, христиан из России. А колокола для этой самой высокой в Палестине колокольни может быть не русские люди на себе из Яффы тащили? А отец Антонин покоится здесь, получается, в заточении? Вот так вы, выходит. Может, вы не русские монахини? Может, вы захватчики? Может, вы оккупанты?

Ну а потом вы устыдитесь сей пламенной, но не вполне справедливой тирады. Что, в конце концов, не понравилось? Акцент? Да и попасть в монастырь можно. Рано утром, на службу. И обозреть всю Палестину от Средиземного до Мертвого морей — тоже можно, с недавно построенной и даже

оборудованной лифтом немецкой протестантской колокольни — туда никому вход не заказан.

Устыдитесь и отправитесь в Горнюю, женскую обитель Московской Патриархии. Здесь ворота запирают только на ночь. Правда, этот монастырь не окружен не всегда мирными арабскими поселениями, да и случайный турист не забредет в этот отдаленный уголок Западного Иерусалима. Наши монахини живут здесь в бедности, благости, труде и молитве. Так же, как и "не наши". Между прочим, "красные" и "белые" монахини друг друга хорошо знают и вовсе врагами не считают, только вот начальство не позволяет общения. А редкие паломники вообще не задумываются, где московская, а где зарубежная церковь. Было бы открыто. Возрождение в былом виде Русского Православия на Святой Земле невозможно без объединения. А объединение отсюда и начать. Священный град Иерусалим — место, где две Русские Православные Церкви живут рядом. Здесь не нужно делить прихожан, их почти нет пока. Здесь нужен общий труд во благо Православия.

Во имя Отца, и Сына,
и Святого Духа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИМУЩЕСТВО РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ (1912 год)⁴⁵

ЯФФА

Обширный сад фруктовых и тропических растений с пещерой Тавифы, странноприимницей для русских паломников и храмом во имя св. ап. Петра и Павла. Куплен о.Антонином в 1870 году. Пл. 17 000 кв.сажен.

130

ИЕРУСАЛИМ

Троицкий Миссийский собор, огромное двухэтажное здание самой Миссии. Здесь же домовая миссийская церковь во имя св. мученицы Александры, миссийская библиотека, музей, канцелярия, трапезная.

Вблизи Иерусалима

а) Женская монашеская обитель на Елеонской горе с колокольней и храмом во имя Спасителя, небольшим музеем, мастерскими и каменными корпусами для монашествующих и богомольцев. Куплен о.Антонином в 1870 году. Пл. 27 000 кв.сажен.

б) Русский Гефсиманский участок на западном склоне Елеонской горы с церковью во имя св. Марии Магдалины. Куплен о.Антонином в 1880 году. Пл. 6 000 кв.сажен.

в) Пещеры пророков там же. Куплены о.Антонином в 1880 году. Пл. 800 кв.сажен. "Эти пещеры имеют низкий вход, нужно ползком туда пробираться, но внутри просторно. Пещеры эти приобретены отцом Антонином, но вследствие усиливающегося ныне влияния прибывающих в Иерусалим евреев, они, как и для них дорогая святыня, оспариваются..." (По Святой Земле. Путевые заметки протоиерея Василия Михайловского. СПб. 1898).

г) Так называемое "Каллистратово место" там же. Куплено о.Антонином в 1880 г. Пл. 1400 кв.сажен.

д) Участок земли и пещеры при селении Силоам. Куплен о.Антонином в 1880 г. Пл. 500 кв.сажен.

е) Участок земли и небольшой приют для богомольцев при селении Аната (древний Анафов). Куплен о.Антонином в 1880 г. Пл. 300 кв.сажен.

"Заслуживает также внимания в археологическом смысле небольшое обнесенное стеною владение в деревне Аната, древнем Анафове, родине пророка Иеремии, на полпути из Иерусалима в Хорейтун, ввиду наличности здесь развалин

⁴⁵См. В.И.Протопопов. Прежде и теперь. Казань. 1912.

храма, фрагментов колонн и мозаики. Но уголок этот является настолько глухим и заброшенным, что о раскопках здесь пока не может быть и речи" (И.Я.Стеллецкий. "Русские уголки в Палестине с археологической точки зрения". Древности восточные. Труды восточной комиссии. Том IV. М., 1913).

ж) Женская монашеская обитель "Горняя" с церковью во имя Казанской иконы Божьей Матери и с пятьюдесятью отдельными домиками для монахинь, помещениями для богомольцев, трапезной, иконописной, златошвейной. Куплено о.Антонином в 1870 г.⁴⁶ Отец Леонид начал постройкой второй храм Горненской обители (стоит недостроенный). Пл. 111 000 кв.сажен.

131

К востоку от ИЕРУСАЛИМА, по направлению к Иордану.

а) В Вифании: участок земли и двухэтажный приют для паломников. Куплен в 1909 году о.Леонидом. Пл. 4 200 кв.сажен.

б) Вблизи Источника двенадцати апостолов. В 1912 году участок находился в процессе покупки о.Леонидом. Пл. 6 000 кв.сажен.

в) Пещера Руманние по пути к лавре св.Саввы. Куплена о.Антонином в 1880 г. Пл. 1 200 кв.сажен.

г) В Иерихоне: участок земли с тропическим садом и двухэтажным каменным домом для паломников и отдельным домом для Начальника Миссии, выстроенном над древней мозаикой. Куплен о.Антонином в 1870г. Пл. 7 000 кв.сажен.

(Там же сад ИППО с постройками, находящийся в заведывании Миссией. Пл. 6.000 кв.сажен.)

К югу от ИЕРУСАЛИМА, по направлению к Хеврону.

а) В Катамоне: участок земли. Куплен о.Леонидом в 1910 году. Пл. 2 000 кв.сажен.

б) В Бет-Джале: участок земли. Здесь находилась русская женская учительская семинария. Куплен о.Антонином в 1880 г. Пл. 2 000 кв.саж.

в) Вблизи "поля пастушков" и "поля Вооза", к востоку от Вифлеема: участок земли. В 1912 году находился в процессе покупки о.Леонидом. Пл. 3 000 кв.сажен.

г) В Бет-Захаре: участок земли с прекраснейшим фруктовым садом и двухэтажным каменным домом для паломников, с надворной постройкой, прикрывающей древнюю мозаику, и с целым рядом пещер, выкопанных трудами послушника Миссии Лаврентия. Первая покупка о.Леонида в 1903 году.

⁴⁶Часть земли здесь была куплена еще раньше, в 1859 году, одновременно с Мейдамской пустошью.

Пл. 80 000 кв.сажен.⁴⁷

д) В Хевроне: участок земли вокруг знаменитого Дуба Мамврийского с большим двухэтажным каменным домом для паломников и храмом во имя Пресвятой Троицы. Храм этот является первым христианским храмом в данной местности. Куплен о.Антонином в 1860 г. Пл. 33 000 кв.сажен.

К этому участку непосредственно примыкает другой — Хирбет-Насыра, куплен о.Леонидом. Пл. 92 000 кв.сажен.

К северу от ИЕРУСАЛИМА, по направлению к Тивериаде.

132

а) В Хайфе: участок земли с большим подворьем для паломников. Куплен о.Леонидом в 1909 г. Пл. 1 300 кв.сажен.

б) На горе Кармил: участок земли с хвойным лесом, храмом и небольшим домом. Куплен в 1908-1911 гг. о.Леонидом. Пл. 13 000 кв.сажен.

в) В Дженнине: участок земли. Куплен о.Леонидом в 1911 г. Пл. 7 000 кв.сажен.

г) У подножья Фавора: участок земли. Куплен о.Леонидом в 1911 г. Пл. 3 000 кв.сажен.

д) В Назарете: участок земли с фруктовым садом. Куплен о.Леонидом в 1910 г. Пл. 30 000 кв.сажен.

е) В Тивериаде: участок земли с подворьем для паломников. Куплен о.Антонином. Пл. 30 000 кв.сажен.

ж) Близ селения Магдала, на берегу Тивериадского озера: участок земли с фруктовым садом и прекрасными минеральными источниками. Куплен в 1908-11 годах о.Леонидом. Пл. 45 000 кв.сажен.

Владения ИППО уступали по площади миссийским, но тоже были весьма обширны. Общая площадь Русских построек в Иерусалиме составляла около восьми десятин. Палестинскому Обществу отошли и купленные одновременно с Мейдамской площадью участки земли в Иерусалиме: два у Дамасских ворот Старого города и именуемый Мамилла, у Патриаршего пруда.

Не все поклонники добирались из Яффы в Иерусалим железной дорогой. Иные нанимали экипаж, кто-то считал своим долгом пройти эту дорогу пешком. Такие путники останавливались на ночлег в местечке Рамле, где Палестинское Общество устроило странноприимницу.

В 1904 году Палестинским Обществом было построено огромное двухэтажное подворье в Назарете с помещениями

⁴⁷ В начале нашего века, благодаря новым археологическим открытиям, некоторыми исследователями было высказано мнение, что не Айн-Карем, Горный град Иудин, а Бет-Захар (дом Захарии) является подлинной родиной Иоанна Предтечи. Русские купили на всякий случай и это место.

для служащих, паломников и школ. Здесь же находилась мужская учительская семинария. В этом же году был приобретен участок в Хайфе с тропическим садом на берегу моря.

Кроме больницы на Постройках Обществом были открыты амбулатории в Назарете (1888), Бет-Джале (1892), Вифлееме (1896). К 1907 году Обществу принадлежала 101 школа. А еще участки, записанные на разных лиц, налоги на которые платило Общество: вифлеемский, рамалльский, бейрутский, кфейрский, иерихонский, назаретские, хайфские, кафр-капский, рамесский, аффульский и прочая. Часть их продана, потеряна безвозвратно, другая часть может быть возвращена.

133

Были на Святой Земле владения, принадлежащие Афонскому Пантелеймоновскому монастырю: "развалины Хорейтуна, т.е. древней Лавры св.Харитона, лежащей в ущельи Уади Фара, часах в двух пути от Иерусалима к северу. [...] Судя по многочисленным развалинам древних акведуков, остаткам мостов, древних зданий и наличности множества пещер в отвесных скалах ущелья — обиталище древних анахоретов можно заключить о большом богатстве памятниками древности данного русского владения в Иудее" (И.Я. Стеллецкий. Указ. соч.)

А для последнего успокоения на горе Сион было русское кладбище.

Елена Салимова

Елена Салимова. Родилась в 1961 году в Ленинграде. После десятилетия училась в Высшем художественно-промышленном училище им. В.И.Мухомовой (ныне барона фон Штиглица). Ушла с последнего курса. Работала в котельной, занималась живописью. В 1984 г. приняла святое крещение в Спасо-Преображенском соборе. Потом — частые поездки в монастыри, переезд в Печоры. С 1989 г. — в Израиле. Постоянная прихожанка русского женского монастыря в Горнем.

ПТИЦЕЛОВ

(Палестинский сборник)

134

Вяземскому

Порой мне кажется, что каждому из нас
Дал песенный язык Творец земного мира.
Но век кончается, как будто день погас,
Блеснув волнением эфира.

Обидно мне, друзья.
Душа моя полна
Восторгов сладостных
И удивленной силы -

Откуда, Ангел мой,
Небесного огня
Потоки радости
И Вяземского лира?

Проходят дни, года,
Прошли десятки лет.
Казалось, мы ушли
В неведомые дали.

Но Вашего перста
Не растворился след.
Не больше мы нашли,
Чем все потеряли.

Наш певческий разбег
Короче и больней.
А судорожный смех
Не радует, а ранит.

На горестной земле
В наш обольщенный век
Забывшей жизни свет
Легко глаза туманит.

июль 91
Иерусалим

Эмигрант

Российской глубины сокрытый пламень
В глазах твоих навек неисцелим.
И память сердце стынувшее ранит,
Хотя не слышим и не говорим
О той поре.
О крови, о пределе
Людского жития.
О том, что навсегда
Чужие мы,
Как пес в пингвиньем теле.
И воздух пуст.
И странная судьба
Нам выпала.
Материальным светом
Дорога выжжена,
А впереди, а там?..
Коловращенье тел по площадям,
Беседы без вопросов и ответов.
Дай, Господи, не потерять Тебя.
Дай выстоять в застывшем мире этом.

135

июнь 91
Иерусалим

* * *

Вся жизнь проходит в суете,
В рассеянии, в воспоминаньях.
В одних бесплодных начинаньях
И беспредельной пустоте.
Но обрати на покаянье
Мой скорбный дух.
И на Суде
Не дай бесам на растерзанье.

май 91
Иерусалим

Горный

Как я люблю ажурный твой рассвет
Сквозь щебет птиц и чей-то говор дальний,
Весенний ветер розово-миндальный
Все тот же через сотни дней и лет.
Здесь горочки и тропочки твои
Исхожены Пречистыя стопами.

Мы умерли и еле различаем
В листве простой и утонченный лик.
И осени молитвенный язык
Весь позабыли и не понимаем.

Но жатва близ.
Душа от сна восстанет.
И синь небес располосует Крест.
Кого возрадует,
Кого смертельно ранит
Вселенское — "Воистину воскрес
Господь и Бог наш!"

136

Радуйтесь люди!
Стенай и плачь бесовская родня.
Войной без стен и каменных орудий
Довольно вы измучили меня.

Пока же тишь.
Земля во чреве носит
Того, Кто твердь небесную отверз.
И Дева-Мать за нас прощенья просит
У Сына-Бога. И благая весть
Уже летит по выжженным дорогам.

Так было прежде,
Так поныне есть:
Лучи рассветные
Вынашивают вечер,
Окно заветное
Распахивает ветер,
Ночные грезы
Освежают лес.

А в Горнем
Олеандровые розы
Цветут на чистой синеве небес.

май 91
Горний

Елена Петровна и Евгений Евгеньевич Поздеевы в настоящее время живут в Мюнхене. Предлагаемая вниманию читателей беседа была записана Александром Степановым в Бюсси (Франция) в 1991 году.

Воспоминания

I. Детство и начало войны

138

Е.Е.: До начала первой мировой войны мои предки жили в Привисненском крае. На этой территории было шесть русских губерний. В одной из них, Петраковской, стояли войска, и мой дед был там командиром полка. В те времена полковник, если не получал повышения, оставался, так сказать, "отцом солдатам". Дед больше 20 лет был командиром этого полка без какого-либо перевода в другое место. Потом началась первая Мировая война, полки стали перемещаться, и наша семья уехала из Петракова в Россию. А потом уже была русская революция, и эта территория стала польской.

Наша семья была по традиции военной. Поздеевы, вообще, были московские дворяне. Мы несколько раз подвергались опале, в разные времена. Мой какой-то пра-прадед был сослан в казачьи районы на постоянное жительство без права возвращения в Москву. Наша семья стала атаманской. Мой отец был в этой семье единственным мальчиком (у деда было восемь детей), который не захотел стать офицером и вообще военным. Это был страшный скандал в семье, позор: мальчишка — и не хочет быть офицером. Отец поступил в университет, на юридический факультет, и стал потом работать, правда, не по чисто юридической профессии: судья, адвокат или что — нибудь в этом роде, — а по финансовой, стал директором губернского отделения государственного банка, в Петракове же. Потом его пригласили в ведомство по проведению столыпинской земельной реформы. Ко времени мировой войны, русской революции отец мой работал там и, таким образом, на войну не попал, а все другие наши мужчины были на войне. Как я говорил, семья наша переехала в это время в Россию.

Я родился в Туле в 16-м году, но это чистая случайность, наша семья была как раз в это время в Туле. Когда же война закончилась и началась революция, отец мой пошел в Белую Армию добровольцем, вольноопределяющимся, т.е. не офицером, а рядовым, как не имеющий военной подготовки, по идейным, разумеется, соображениям.

Когда отец ушел в Белую Армию, мама с детьми (а нас

было пять детей) скиталась, спасаясь: конечно, она стремилась оставаться на территории, на которой жизнь контролировали или устраивали белые, но бывали резкие изменения: то красные, то белые, то зеленые... Главным образом, мы жили в Полтаве, и приходилось все время бегать с места на место. Когда кончилось Белое движение, по крайней мере там, где был мой отец, он вернулся к нам, взял всех и стал пробираться в Польшу. Ведь там он вырос, там, я говорил, дед наш был... И действительно, ему удалось вернуться в Польшу под видом поляка. Мы ехали в теплушках, шли пешком, спали где попало. Когда достигли польской территории, то всем беженцам, которых были сотни тысяч, надо было проходить карантин, потому что были эпидемии. Потом мы выехали, опять в теплушке, туда, где была папина сестра, и по дороге все заболели тифом. В течение одного месяца умер и мой отец, и мать, и из пятерых детей трое. Остались два маленьких ребенка: я и мой старший брат. Меня взяла на воспитание тетя.

Жизнь была чрезвычайно трудная, я очень хорошо знал, и до сих пор помню, что такое голод. К тому же, мы жили в чужой стране, в которой к русским относились недоброжелательно. Правда, мы жили в том городе, где дед мой когда-то был командиром полка, а мама была дочерью судьи, и судья этот, т.е. другой мой дед, по материнской линии, был, как будто, очень хороший человек. Вскоре это отразилось и на моей судьбе.

Когда мне было четырнадцать лет и я учился в 5 классе гимназии, умерла тетя и у меня не осталось никаких родственников, я стал полным сиротой. Я не мог больше ходить в гимназию, потому что мне негде было жить и нечего больше есть. Я слонялся по городу, в то время как мои товарищи учились, и наш директор однажды увидел меня в окне. Он послал за мной сторожа, но я не послушался и убежал. Тогда он в следующий раз вышел сам. Говорит мне, мальчишке, на "вы": "Г-н Поздеев, зайдите ко мне, пожалуйста. Я хорошо знал Вашего деда, Ваш дед был очень порядочным человеком, и нам здесь, полякам, сделал много хорошего. Разрешите, я Вам помогу." И хоть меня и задевало сознание того, что я здесь перед ним стою нищим, но все-таки я был в настолько трагическом положении, что согласился прийти к нему на обед. Меня накормили, помыли, я там переночевал, потом у нас с ним был серьезный разговор. Он предложил мне попробовать давать уроки малышу — первокласснику. И это все вышло. Долгое время я шесть часов в день давал уроки и шесть часов в день был школьником. В пятом, шестом,

седьмом, восьмом классе. Ко мне в школе было особое отношение, потому что все знали, что я очень много работаю. Меня учителя спрашивали: "Господин Поздеев, Вы хотите сегодня отвечать?"

140

Когда я кончил гимназию и захотел поступать в Университет (а мой старший брат уже учился в Университете в Варшаве), то я почему-то решил, что мне нужно для этого обязательно получить польское гражданство. И я пошел, куда там полагается. Мне сказали: "Да-да, пожалуйста, заполните анкеты". Недели через две меня вызывают прямо к старосте, и он, глядя на меня, начинает орать, причем на "ты": "Что ты себе думаешь, жил в Польше двенадцать лет, польский хлеб жрал, и что ты здесь пишешь: православный, русский?! Как тебе не стыдно?!" Я, конечно, взбесился, на него наорал тоже, хлопнул дверью и ушел. Потом оказалось, что для поступления в Университет никакого гражданства не нужно, но нужно какое-то удостоверение личности, которое соответствует моему статусу. Оказалось, что это так называемый нансеновский паспорт. Это был международный документ, признанный всеми государствами в мире, установленный после первой мировой войны Лигой Наций. Лига Наций приняла проект шведского генерала Нансена, который очень заботился о том, чтобы как-нибудь сделать законным положение беженцев, людей, которых война и революция выбросили из своей страны. По его проекту и был создан нансеновский паспорт. Я получил такой документ и по нему имел право проживать в Польше совершенно законно без того, чтобы поляки могли меня выселить, вернуть в Россию. И сейчас есть паспорта, гарантирующие личную неприкосновенность и права беженцев.

Никаких политических прав я не имел, я имел только право проживать и работать. Я не должен был и даже не имел права служить в вооруженных силах, не имел права участвовать, ни пассивно, ни активно, в выборах, ни муниципальных, ни общегосударственных. Но я не был вычеркнут из жизни. Так, например, в обществе интеллигентном, в семьях, которые я посещал, было скорее положительное отношение к русским или, скажем так, ко мне как к русскому. Я не чувствовал никакой вражды, лично против меня направленной, не только со стороны товарищей-студентов, но и их родителей. Только со стороны власть имущих было такое же отношение, как у нашего старосты, который стал на меня топтать ногами, потому что я русский и православный. Поэтому, когда и немцы напали на Польшу, я оказался полностью на стороне поляков. Хотя, как я уже говорил, у

меня были определенные психологические барьеры, тут не могло быть даже никакого сомнения.

Я нашел свое место в общественной жизни, заинтересовавшись и увлекшись скаутизмом. Я был в гимназии начальником местного польского отряда скаутов. Скаутизм — не пионерское движение, он не был никогда обязательным. У нас в гимназии было, скажем, 500 ребят. Гимназия была мужская. А скаутский отряд человек 40—45. Это был результат удачного — или неудачного — отбора, по принципу принятия или непринятия скаутских законов.

В начале войны я был в деловой скаутовской поездке. В скаутизме никто никому денег не платил, не было профессиональных скаут-мастеров. В частности, когда проводились большие лагеря, главная квартира мобилизовывала всех, кто был свободен, для того, чтобы проверять, есть лагерь или нет и как он проводится, правильно или неправильно. Я в это время как раз закончил университет и был квалифицированным скаутским руководителем. И меня пригласили быть таким инспектором и оплачивали проезд, потому что надо было ездить по всей стране. Мне надо было проверить 31 лагерь. Я был в форме скаутов защитного цвета, с короткими штанишками, чего в армии не было.

Когда началась война, я приехал проверить какой-то очередной лагерь, уже последний или предпоследний. Это было между Варшавой и Краковом, в деревне на реке, в лесу. Оказалось, что этого лагеря нет. Крестьяне мне сказали, что все уехали, потому что война. До этого я не интересовался политикой, к тому же я не был поляком, так что не особенно переживал то, что поляки переругивались с Риббентропом и с Гитлером. Оказывается, война.

Я сперва не поверил, подумал, что если бы война, я бы, конечно, об этом знал. Я образованный господин, из Варшавы, а они простые мужики, живут в деревне, в самой глуши. А оказалось, что я был совершенно не прав. Я ничего не знал, а они уже все знали, потому что беженцы, раненые уже в этой деревне останавливались. Шел еще третий или четвертый день войны, а немецкие войска уже были где-то рядом. Я в это совершенно не верил и считал этих крестьян просто варварами. Но я ошибался. Армия пришла, какой-то отряд прошел через деревню, в которой я находился, и стало ясно, что война действительно идет.

Мне ничего другого не оставалось, как прекратить мою служебную поездку и вернуться в Варшаву. Но поезда уже не ходили, и я решил пойти пешком до того места, где я сам когда-то жил, до Петракова. Большой город, губерн-

ский прежде. Я там вырос, ходил в школу, и у меня было такое впечатление, что я там всех знаю. В общем, я пошел туда. Это было несколько десятков километров. Пустынный край. Деревни заколоченные, пустые жилища, ни человека.

Жарища была градусов 40—50, хотя это было начало сентября. Я проходил одну деревню, где я бывал еще живя в Петракове. Большая деревня, в одну улицу, километра полтора. Все заколочено, ставни закрыты, никого нет. Вдруг выходит старик, такой седой, в крестьянской одежде, вроде древних славян. Встал посреди дороги и руками машет: "Зайдите сюда, у меня здесь женщина умирает!" Он меня принял скорее всего за военного врача из—за моей скаутской формы, на рукаве у меня был красный крест, потому что я был санитарным инструктором для ребят.

Я столько времени занимался тренировкой по первой помощи и никогда никому не имел случая помочь. Ну, разве что кто—нибудь синяк посадил или порезал палец, а тут вдруг такое серьезное дело. Я, конечно, моментально туда пошел. Но то, что я увидел, меня совершенно обескуражило, потому что я сразу понял, что здесь я ничем помочь не могу. В этой хате, которая была со стороны улицы наглухо забита (и ставни были забиты, и все было занавешено), с другой стороны окна были открыты, они выходили во двор, а это, собственно говоря, был не двор, а мусорная яма. Тогда крестьяне пользовались естественными удобрениями, и, чтобы далеко не ходить за ними, эти удобрения тут же и скапливались. Одним словом, те окна были открыты, и в комнате миллион мух, черные стены совершенно. И вот сидит за столом обнаженная до пояса полная молодая женщина со стеклянными воспаленными глазами и что—то бормочет. Тяжелая грудь оттягивала три открытые, непорезанные раны, в которых пузырилась кровь. Она ехала на поезде, который разбомбила немецкая авиация. Ее подобрала польские воинские части. Вынули осколки, зашили рану, потом сам госпиталь был разбит, и они, поляки, оставили безнадежно раненных у населения, вот ее принесли к этому старику—крестьянину и оставили, потому что больше они ничего не могли сделать.

Эта женщина была еще в сознании, она рассказала, как она пострадала, она видела перед собой человека в форме, который хоть что—то мог сделать, и она просила, чтобы ее похоронили на освященной земле. Она, как и все поляки, была католичка, верующая женщина, мать семейства.

Я обещал, что сделаю все, что от меня зависит. Я понимал, что она должна умереть и, вероятно, очень скоро, потому что

из легкого через рану выходил воздух, легкое было пробито, смерть верная. Она это знала, чувствовала, и я это понимал. И я ей обещал, что она не будет зарыта где — то здесь в поле, а будет похоронена на кладбище, на освященной земле, по христианскому обычаю.

Я ее оставил и побежал, просто уже побежал дальше, мне надо было идти еще километров 16 до города, который я знал, и где была больница, врачи и прочее. По этой дороге я много раз ходил в походы с ребятами, со скаутами. Я, конечно, знал, что идет война, где — то там немцы, которых я никогда в жизни не видел. Я понимал, что надо идти не по дороге, а по тропинкам, но я и тропинки знал. Я выбрал самый короткий путь и пошел. Я был один, в форме, с рюкзаком и маленькой аптечкой через плечо.

Прохожу одну деревню, и вдруг вылетают на мою тропинку несколько человек с оружием, и кричат: "Руки вверх!" Это были немцы. Они меня заставили поднять руки, вывели во двор и спрашивают: какой части, какой дивизии, какой чин. Я по — немецки говорю, я им сказал, что я не военный. Они меня р — раз в морду, так что я свалился.

Стали они меня допрашивать и бить, довольно сильно — но побили. Но неважно, в таких случаях это не больно, это только до ненависти оскорбительно. Старший из них, не офицерский, по — моему, чин, решил — расстрелять. Я все понимал по — немецки, но что я мог сделать? Они меня признали за военного, за польского солдата, хотя я был в коротких штанишках, с короткими рукавами, со скаутскими знаками различия, самым большим из которых был красный крест.

Я даже не успел сообразить, я понимал, конечно, что вот меня ведут три человека к сараю, сейчас расстреляют на — верное, но что я мог сделать, я даже не успел настроиться на молитву. Но вдруг старшина кричит: "Давай его докумен — ты неси!" И вдруг зовут обратно. Начинает этот старшина говорить: "Так что ж ты не сказал, дурак! Мы же друзья с тобой, заключили союз, Риббентроп с Молотовым. Мы же союзники, что же ты не сказал, что ты русский? — У меня в паспорте написано, что я русский. — Хочешь водки? Хочешь сигарет?"

Я ничего, конечно, не хотел, я был в страшном унижении и даже не догадался попросить какую — нибудь бумажку, чтобы меня следующие не расстреляли. Я ничего этого не догадался сказать и побрел по полям. А там уже прошли бои, по — видимому. Там были брошенные повозки, убитые лошади со вздернутыми ногами. Почему — то лошади, когда дохнут, на спину ложатся, и у них исковерканные совсем

черные ноги торчат. Уже и трупный запах.

Пришел я в город и пошел прямо в больницу, чтобы эту женщину забрали из деревни.

II. Госпиталь в Петракове. Возвращение в Варшаву.

В Петракове было две больницы: одна польская, католическая, другая еврейская, — и они сходились своими парками, между ними был только железный забор. Я там бывал раньше, не так давно, всего четыре года прошло с тех пор, как я получил аттестат зрелости. Ничего там не переменялось за эти четыре года.

144

Обычно, когдаходишь в польскую больницу, попадаешь в коридор, в окошке сидит сестра в такой громадной белой штучке. Католическая сестра. И она сразу спрашивает, куда вы и что вам надо. Она все знает, эта сестра.

Окошко пустое, никого нет. Я вышел во двор, там громадные деревья и много тени, и лежат люди, множество людей в военной форме. Некоторые стонут, некоторые разговаривают или даже шутят. Я спросил, где здесь дежурная сестра. Нет, говорят, здесь сестер, они все убежали. "Ну, дежурный врач". — "Нет здесь, говорят, ни одного врача". "А кто же здесь есть?" "Вот есть ксендз, священник, он приходил здесь недавно, он пошел туда". Я нашел человека в сутане, который стоял в помойной яме по грудь и выгребал старые бинты. Он мне объяснил, что нет перевязочного материала, но есть еще материал для дезинфекции. И вот он дезинфицирует эти бинты, потом сматывает их обратно и снова использует для перевязок. Врача у них нет. Я ему сказал, что я в деревне такой — то видел умирающую женщину и ей надо помочь. Он мне говорит: "Голубчик мой, у меня четыреста человек, я один, и я ничего не могу сделать. Я выезжаю на несколько часов, чтобы найти продовольствие для этих людей, потому что у нас кончились все продукты и нет ни магазинов, ничего. Война, разруха полная. Враг. Все время войска проходят немецкие. Танки, танки, танки, все железное, пушки и танки. Если вы хотите мне помочь, останьтесь, будем вместе". Я остался, ничего другого я и сделать не мог.

Я остался, и он сказал, что попробует, когда поедет за продуктами, помочь этой женщине. Он ездил в деревни и просил, как милостыни просят, какой — нибудь еды. Оказалось, что он из крестьянской семьи, ему было 24 года, а мне было 23. В Петраков он был назначен совсем недавно, еще не успел обжиться. Ксендз Роман Киселкевич. Его потом расстреляли, после того, как я уехал.

В тот же день, когда было не так жарко, мы пошли в

еврейскую больницу, вынесли оттуда 14 покойников. Один лежал на операционном столе с инструментами внутри.

Мы с ксендзом разделились. Я занялся этой еврейской больницей. Я в Петракове вырос, всех знаю. Наша учительница немецкого языка, пани Косаржевская, нам рассказы — вала, что была сестрой милосердия в Первую Мировую войну. Я прямо к ней и пошел, и она тут же согласилась нам помочь. Положение, тем не менее, было отчаянным. Врача нет, лекарств нет. Даже когда есть какое-то лекарство, никто не умеет им пользоваться. Скажем, у человека невыносимые боли, кричит невозможно. И есть морфий. Что тут сделаешь? Ведь надо знать, сколько дать, слишком большой дозой можно убить человека. Был у нас один еврей в больнице, которому танк раздавил обе ноги от ступни и выше колена, в лепешку. Что делать? Убить его не можем, а страдает он неимоверно. Вообще, случаев, которые выходят за пределы человеческого воображения, было очень много. Оторвано пол-лица. И вот один глаз двигается, живой, а второго нет, рана. Жара была страшная. Раненые прямо с поля боя. И никто их никогда не перевязывал. Привезли на телегах — и к нам. В ранах оказывались длинные белые черви. Они сами образовывались каким-то образом. В общем, было ужасно. Надо было промывать раны, сделать так, чтобы хотя бы мухи не садились. Миллионы мух! Довоенная Польша совсем была страна неразвитая, нищая сельскохозяйственная страна. Гигиена, санитария вообще были в ужасном состоянии, и в случае такой катастрофы это был просто какой-то ужас.

145

Людей все прибывает, уже и на лестничных площадках, и во дворе. Помогать приходили главным образом женщины. Многие не выдерживали и падали в обморок, они не могли этого видеть. Однажды привезли очередную партию раненых солдат. Их привозили не ко мне, в еврейский госпиталь, а с главного входа, в польский. Привезли, никого ни о чем не спросили, просто выгрузили. Немцы. От них мы узнали, что это только часть пленных, остальные в тюрьме. И у них есть врач. И мы с ксендзом пошли просить у немецкого начальства, чтобы нам дали врача. Ни один немец никогда не заходил в польский госпиталь, им не было до этого дела. Начальник города и района, майор в черной форме с черепами, говорил с нами с каким-то отвращением. В конце концов он сказал: "Пускай он идет туда, но если он умрет, вы будете расстреляны. Распишитесь здесь". Ну, что делать, неважно, что распишешься, тебя все равно могут расстрелять в любой момент, просто так, без упрека и предлога. Такое время было.

И нам дали немца — врача. Господин лет сорока, но не военный, а врач — гинеколог, призванный по мобилизации. Но все — таки доктор есть доктор. А больных уже больше тысячи. Он быстро сообразил, что он может сделать, и ввел свой временный порядок. Объяснил нам, что он будет только ампутировать, потому что в этих условиях самое страшное — гангрена. В день он делал 14—20 операций, с ног валялись. Мы сами ходили и смотрели, кому нужно срочно делать операцию, а кому можно подождать. Он дал несколько очень важных указаний, например, что в случае открытого ранения есть только одно средство: мазь на рыбьем жире. Тогда черви дохнут и рана начинает заживать. Ксендз где — то достал бочку этой мази, и мы ей пользовались каждый день, в городе собирали тряпки для перевязок. Многие выживали. Это были главным образом крестьяне, крепкие и очень верующие. Но много и умирало, не в процентном отношении, а по количеству. Ксендз хоронил каждый день на кладбище в братских могилах, не только из нашей больницы, но всех, кого привозили из окрестностей.

Одно из моих самых сильных переживаний: я был на ночном дежурстве, т.е. просто обходил все эти бесконечные коридоры и комнаты. И меня позвала какая — то старушка, сказала, что она умирает, но должна исповедоваться, просила позвать священника. Его не было в эту ночь. Она говорит: "Тогда ты принимай исповедь, а завтра скажешь священнику, и он за меня помолится". Я не мог уклониться, сказать, что я не католик. Это не имеет смысла в таких ситуациях, какая разница, католик ты или нет. И она мне исповедалась. Долго довольно, за всю свою жизнь. Я это принял как святыню. И на следующий день передал священнику. Он мне сказал: "Молодец, так и надо. Я за нее помолюсь". Тогда я в первый раз встретил такую форму исповеди. Таинство состоялись несмотря на то, что женщина умерла прежде, чем пришел священник. Я много раз возвращался к этому, когда думал о таинствах.

У нас появился еще один доктор. Военврач, хирург в чине полковника. До плена он был директором военных госпиталей всей польской авиации. Средних лет, очень веселый. Делал операции или перевязки и так шутил с этими несчастными, что они от хохота чуть не падали с операционного стола. Он был замечательный врач. Был большой — две — три перевязки — и здоровый человек. Такое было впечатление. В общей сложности я пробыл там три — пять недель, пока не вернулись сестры, а вскоре после них врачи. Ксендз мне говорил: "К сожалению". В госпитале уста —

новился совсем другой порядок, строгий режим, никому не нужный, кстати. Тогда я уехал в Варшаву. Мои были там, они не знали ничего обо мне.

III. Русское население в Польше накануне войны

Теперь хотелось бы вернуться немного назад и рассказать о положении русского населения Польши накануне войны и о тех идеях, которые волновали тогдашнее интеллигентное общество в связи с происходившими мировыми событиями. Это необходимо знать, чтобы понять тот образ действий, который мы избрали после нападения Германии на Советский Союз.

147

Когда я окончил гимназию в провинциальном городишке и переехал в Варшаву, мой старший брат, который был на 4 года старше меня, ввел меня в круг молодой столичной интеллигенции. Это был 1935 год, мне было 18 лет. Они обсуждали, какие силы действуют в современном мире. Коммунизм уже ощущался как мертвое движение. Кроме того, в Польше коммунизм ощущался как еврейское движение. Потому что когда было 1 мая или еще какой-нибудь революционный праздник, поляков там не было, а были сплошь евреи в лапсердаках и черных шапочках. Это и была коммунистическая партия. Поляки, польская интеллигенция, национально мыслящая, не принимала во внимание коммунизм вообще. Гитлеровский национал-социализм рассматривался поляками как преступный, сама идея господствующей нации ощущалась как преступная. Достойным подражания считался португальский корпоративизм. Салазар был тогда в Португалии одним из самых молодых или самым молодым профессором университета. Ему было 33—35 лет. Он был первым в Португалии социологом. Он развивал доктрину, что идея борьбы классов и ненависти между классами неконструктивна. Вместо этого, если между классами существуют противоречия, то их надо разрешать при помощи поиска общих интересов, например, профессиональных. Он отрицал современные формы демократии, в частности, всеобщие выборы. Вместо парламента, состоящего из представителей партий, формируется народное представительство от трудовых групп населения, от деловых корпораций, учителей, торговцев, журналистов и т.п. Антагонизм между такими социальными группами невозможен, т.к. ни одна из них не может существовать без других. Когда в Португалии наступили тяжелые времена, непреодолимые противоречия, гражданская война, то попросили Салазара, который не был политиком, стать диктатором. Он наотрез отказывался, его

просили два года подряд. В конце концов он согласился временно взять на себя всю государственную власть.

Я об этом упоминаю потому, что это был один из вариантов общественного развития. Дальнейшая политическая неразбериха искажила все эти движения. Когда сегодня говорят о немецком фашизме, то это ерунда. В Германии никогда не было фашизма. Фашизм был в Италии, у Муссолини, а в Германии был национал-социализм, который мы знаем по целому ряду преступных идеологических программных положений. Ничего подобного не было у итальянских фашистов, и, конечно, это никак не могло относиться к корпоративизму. В СССР это было запутано специально, чтобы сбить с толку людей, которые вместо социализма чего-то ищут. Национал-социализм был только немецким, программно-националистическим движением, в то время когда корпоративизм, фашизм были идеями общественного устройства, никак не связанными с проблемой национальной гегемонии. Это были общечеловеческие попытки разрешить трагедию разрыва между классами, пролетариатом и капиталом.

Е.П.: Все то, о чем рассказывает Евгений Евгеньевич, относится к его судьбе, к его жизни среди польской интеллигенции в Варшаве. Я жила в Кресах, в восточной Польше, т.е. в местности, где большинство населения было русскими или белорусами, поляков было меньше, и интеллигенции такого высокого уровня почти не было. Чувствовалось большое тяготение к России и непонимание того, что происходит в Советском Союзе. Я помню, что 1 мая 38-го года на большинстве церквей появились красные флаги. Это было доказательством того, что мы вместе с Советской Россией, с православной Россией. Положение много раз менялось. Первый раз оно изменилось после получения Польшей независимости в 18-м году в результате Версальского мира. Тогда в Белоруссии был проведен плебисцит. Население должно было решить, хочет ли оно быть в Польше или в России. Большинство населения, в том числе и мои родственники, хотя они и были русскими дворянами, высказались за Польшу, потому что не хотели входить в состав Советского Союза. В результате в Польше образовалось много национальных меньшинств. Русских было около миллиона, около 2,5 млн. украинцев, белорусы, немцы. Из 35 млн. населения Польши треть была не поляки. Пилсудский был хорошим или плохим человеком, трудно сказать, но он был действительно государственный муж. Он пришел к власти в 1926 году в результате небольшого переворота, он понимал положение и не преследовал национальные меньшинства, они пользо-

вались довольно большой автономией. Но когда Пилсудский умер в 35-м году, в мае месяце, начались преследования меньшинств. И одно из главных преследований заключалось в религиозной нетерпимости к православию. Можно было быть православным поляком, но этого ни русские, ни белорусы, ни украинцы не хотели. Что значит стать православным поляком? Стать униатом, но если не стать униатом, то полонизироваться, т.е. все богослужение перевести на польский язык. Но мы считали, что богослужение должно быть на церковно-славянском языке, ведь это наш общий язык. И зачем нам менять это? Второе — это было преподавание Закона Божьего в школе, которое было окончательно переведено на польский язык. Третье — началось преследование богослужителей и закрытие целого ряда приходов. В 37–38-м году было закрыто более 200 храмов, а многие из них были просто разрушены. При этом были и официальные запрещения и закрытия, были и погромы, которым власти покровительствовали. Прихожане защищали свои храмы. Их сажали в тюрьмы, там избивали и мучили: заставляли выдавать своих сообщников. Большинство вели себя мужественно. Однако некоторые из духовенства пошли на сотрудничество с властью. В частности, два епископа, которые заявили, что они поляки. Не хотели даже по-русски говорить и служить по-славянски. Довольно плохо вел себя глава афтокефальной польской церкви митрополит Дионисий. Но большинство духовенства было стойким и боролось за сохранение статус-кво.

Преследования касались не только церкви, они касались паспортной системы. Дело в том, что в Польше в паспортах было три рубрики: гражданство, национальность и вероисповедание. Гражданство у нас всех было польское, мы не были ни беженцами, ни переселенцами, граница передвинулась, так что мы автоматически получили гражданство и считали себя вправе им пользоваться. В графе национальность мы писали: русские, украинцы, белорусы, это уже всем не нравилось. И православные, что тоже не нравилось. Начиная с 36–37-го года православные крестьяне уже не могли больше купить земли. Если вы хотели открыть новое предприятие, очень трудно было добиться разрешения на это, если в вашем паспорте стояло, что вы православный. Требовали перехода в католичество, хотя бы фиктивно. Это возмущало, конечно, население. И тогда население этих районов, будучи традиционно православным, решило, что СССР лучше, чем Польша.

Многие белорусы, крестьяне, полунинтеллигенция, а бе-

лорусской интеллигенции почти не было в это время, после 35-го года стали членами подпольной советской коммунистической партии и поддерживали ее во всех начинаниях в первые месяцы захвата власти советскими войсками. Это был чисто национальный подход: вот, мы русские, все православные. В каждой деревне примерно третья часть были членами подпольных ячеек КПСС. И когда к нам пришли советские войска в 39-м году, их действительно встречали хлебом — солью и цветами, думая, что приходят свои, и не подозревая, что в России религиозные преследования еще больше и национальный подход не играет никакой роли. Так, например, когда я хотела устроиться учительницей (в городе искали учителя, который знает русский язык), мне отказали из-за непролетарского происхождения и воспитания, и я могла работать только в колхозе. Сразу началась классовая борьба, арестовывалась интеллигенция независимо от национального происхождения и от веры. Потом начались религиозные преследования в соответствии с политикой, проводимой в Советском Союзе. Началась коллективизация. Крестьяне были ошеломлены. Белорусы очень любят свою землю, они экономили на всем, чтобы докупить кусочек, и все надеялись, наоборот, на поддержку частной собственности. Я думаю, что в результате этого к 41-му году идейных коммунистов почти не осталось.

Через несколько месяцев наша семья была вынуждена бежать в Западную Польшу, где уже была немецкая оккупация, чтобы не быть репрессированной советскими властями как дворяне.

Надо сказать, что в Польше немцы иначе относились к русским, чем в других местах, русские пользовались некоторыми привилегиями, потому что для немцев они были в Польше потенциальными союзниками. Был организован русский комитет во главе с Сергеем Львовичем Войцеховским, который вел пронемецкую линию. Все русские получали удостоверения, получали пайки, политическую помощь. Не все, конечно, этим пользовались.

Отношение к немцам было разное. Вначале, в 37—38 гг., для нас немцы не были врагами, потому что поляки преследовали православную церковь, а немцы воздвигали храмы, было много пропаганды, что Германия помогает православным. Когда началась война с Россией, то шел разговор о том, что это не война с Россией, а война с коммунизмом. Разочарование наступило немного позже. В целом, из сотрудничества с немцами мало что получилось. Они хотели к себе привлечь такие организации, как "Союз белых воинов",

"Русский общевойсковой Союз", но большинство их членов не хотело сотрудничать с немцами. Были и такие люди, как мой отец, который воевал в Белой Армии моряком, но немцев просто органически не переносил. Семидесятилетним стариком он участвовал в Варшавском восстании в конце войны, попал в концлагерь и только чудом остался в живых.

Почти все эмигрантские организации перестали тогда существовать. Но некоторые продолжали существовать официально. Одна из них — русская национал-социалистическая организация, в основном молодежь. Они хотели вместе с немцами освободить Россию. Это были военизированные люди с горящими глазами, мало разбиравшиеся в политике и во многом другом. То, что было известно о них точно, это то, что они не возражали против преследования евреев. Участвовали если не в уничтожении, то в работе в концлагерях.

151

Когда мы увидели в прошлом году фильм о "Памяти", то все, абсолютно все, вплоть до одежды, напомнило нам русских национал-социалистов, и мы пришли в ужас. Я была тогда на одном их собрании, и мне было достаточно, чтобы убедиться, что мне с ними не по пути. У нас в Восточной Польше все привыкли жить бок о бок. Православные — русские и белорусы, поляки — католики с другой стороны и евреи с третьей стороны. И у православных было скорее положительное отношение к евреям, хотя мы друг над другом немножко издевались, шутки рассказывали, кто-то кого-то мог за бороду тянуть, но вообще было солидарное отношение. Православные покупали только у евреев, подерживали евреев, а евреи православных, в школах, например, делились чем-то. На еврейскую Пасху евреи разносили мацу, на православную Пасху они нам доставляли барашков и т.д., в таком духе. Преследования евреев немцами возмутили население.

Члены национал-социалистической организации пользовались определенными привилегиями. В Варшаве, например, ходили трамваи из двух вагонов, первый из которых был отведен для немцев. Так вот русские национал-социалисты имели право им пользоваться. Это было стыдно. Я помню, в нашу семью приехал молодой человек, которого я знала почти с рождения, и он был в их форме. Я его с детства знала, но мне было стыдно с ним идти по улице. Таким образом, разделение Польши между Германией и Советским Союзом заставляло определять свое отношение к обеим системам. Для нас, людей, которые знали все, или, во всяком случае, больше остальных, что собой представляет как советская, так и

национал — социалистическая власть, почти сразу стало ясно, что мы не можем стоять ни на той, ни на другой стороне. И вот тогда возникла идея третьей силы. Мы должны бороться за Россию, но бороться не сотрудничая ни с немцами, ни с советской властью. Вот это была та идея, которая увлекала нас, наших друзей.

Е.Е.: Незадолго до войны в эмиграции была создана организация, которая называлась "Национальный Союз нового поколения". По замыслу это была организация студенческая, но она была шире, она была интеллигентской. Она возникла в связи с тем, что у молодежи пропал интерес к старым русским политическим течениям: эсерам, кадетам и т.д. Для молодого поколения эти понятия имели только историческое содержание в силу того, что эти партии, сохранившиеся в эмиграции, не пересмотрели своих дореволюционных задач. Организация возникла в 31 — м году в Белграде и была разветвленной, однако я о ней ничего не знал.

И вот, в 41 — м году, после нападения Гитлера на Россию, перед молодыми русскими людьми за границей открылись совершенно новые возможности: во — первых, просто проникнуть на оккупированную, пусть вражескими войсками, территорию и посмотреть, что же там, на родине, получилась (ведь люди моего возраста и не видели никогда России), а во — вторых, попытаться как — то приложить свои усилия к устройству жизни населения на этих землях: восстановить и открыть церкви, школы и т.д.

Я стал искать среди русских людей в Варшаве таких, кого воодушевляли бы эти идеи и вскоре встретился с группой молодых людей, уже состоявших в "Союзе". Большинство из них были простые ребята, хорошо говорившие по — русски. Я не только познакомился с ними, но и оказался очень нужным, как образованный человек, потому что я мог, например, выступить с докладом. Я попал в список людей, которые должны быть в руководстве. Я стал руководителем в местной организации "Союза", но не только: я стал специалистом по переходу границы. Наступило всеобщее оживление русской студенческой молодежи: во Франции, Югославии, Германии.

И вот именно в Польше образовался прорыв в Россию, на родину. Из разных стран через Германию или Румынию в Польшу стали пробираться люди. Т.к. я был скаут — мастер, то считалось, что я справлюсь. Я мог читать карту, кроме того, я знал места, я там бывал, проводил лагеря, знал ручьи и тропинки.

Появились новые границы, потому что немцы объявили часть Польши территорией немецкого рейха. Польская го —

сударственная граница передвинулась по сравнению с тем, где она проходила до 39-го года, на восток, часть Польши стала территорией немецкой империи, дальше была оккупированная Польша, потом новая советская граница, а там еще старая советская граница. Я был специалистом по переходу через старую германскую границу. Она охранялась не очень серьезно. Ловили, главным образом, контрабандистов. Люди очень сильно торговали спиртом. Знакомился я и с контрабандистами. Когда ночью вместе мерзнешь, слушаешься разных штук, например: против собак берут мешок с кошками, потому что если в последний момент выпустишь кошку, то собака бежит за кошкой, а не за тобой.

В конце концов я попался. Дело было зимой, я был один, возвращался. Приняли за подозрительную личность. Был патруль, маленький домик на границе леса, деревни там не было. Меня засунули в глубокий подвал и забыли. Было здорово холодно, я там заболел. Мне не давали ни пить, ни есть. У меня началось воспаление легких, страшно высокая температура. Я пробыл там дней десять. Когда я достучался, я уже плохо соображал, жар был сильный. Они меня просто выгнали: "Пошел вон". И я пошел вон. Меня подобрали польские крестьяне, я у них отлежался, позвали доктора. Через несколько недель я появился дома совершенно больной. После этого я еще долго болел.

IV. В оккупированной России

Идея третьей силы как бы возникла сама собой, висела в воздухе, потому что две существующие, действующие, местами доминирующие силы были совершенно неприемлемы. Эта третья сила должна была иметь какой-то положительный смысл, и на севере России этот третий смысл был просто русский, русский национальный. Скорее всего, русский православный. Вот в чем был пафос той работы, за которую мы взялись как сотрудники русской православной миссии во Пскове. Как оказалось, на севере России, в Прибалтике, эта идея пользовалась поддержкой абсолютного большинства населения.

Это было очень интересное время. Сейчас оно кажется просто фантастическим, потому что на территории, оккупированной немцами, самая живая религиозная жизнь происходила там, где уже не было Советской власти, но еще не было немецкой оккупации, где были партизаны.

В первые годы войны 4 млн. советских солдат сдались в плен. Сдавались они в плен сразу, добровольно, думая, что национал-социализм поможет освободить Россию от ком-

мунистов. Разочарования начались почти сразу. Отношение к пленным было просто бесчеловечным. И те, кто узнавали об этом, уже не сдавались в плен. Очень многие уходили в леса. Появилось много — много тысяч так называемых окруженцев. Они не ставили себе задачи бороться с немцами, они ставили себе задачу выжить. Это были чаще всего маленькие отряды от трех или семи человек до нескольких десятков. Немцы их даже не трогали, пока Советская власть не продумала доктрину партизанского движения, которая заключалась в том, чтобы насильно заставлять людей бороться против врага и становиться партизанами в духе Советской власти. Это длинная история, я не смогу сейчас о ней подробно говорить, но разработана эта доктрина была как раз у вас в Ленинграде. Центральный Штаб партизанского движения начал ее разрабатывать в феврале 42 года. До этого времени партизаны практически не воевали, они отсиживались, и немцы это принимали как статус-кво. И в этих партизанских отрядах стали думать о том, что делать дальше. Было большое тяготение к русскости и к вопросам веры. Нельзя забывать того, что вера еще была сильна в народе. Советская власть существовала только 20 лет, еще живы были люди, воспитанные в духе православия, еще живы были бабушки, родители этих партизан, многие сами были партизанами. И поэтому нам пришлось столкнуться с отрядами, где были священники, где нужно было помогать крестиками, Библиями.

Мы с этим встретились, познакомившись с православной миссией во Пскове. Эта миссия была основана при участии интеллигентных русских священников с высшим духовным образованием, главным образом, окончивших Парижский институт, тогда это называлось философско-религиозной Академией.

Когда положение на оккупированной части России стабилизировалось, образовались области, в которых были армейские управления по гражданским делам, и фронт — где — то там впереди, дальше, под Ленинградом, Смоленском, Москвой. Весна 42 года. Тогда среди русской эмиграции в Прибалтике, и не только в Прибалтике, возникли настроения, что вот этой территории, на которой уже нет Советской власти, а есть русские священники из Прибалтики, надо помочь. Для этого была основана русская православная миссия во Пскове, которая считала своей территорией весь север. Туда поехала русская интеллигенция из Прибалтики и из Европы. Надо было и церкви основывать, и школы. Мы были в Варшаве, но даже люди, которые были даль-

ше нас, во Франции, Югославии, тоже туда стремились. Мы туда поехали, приняли в этом движении участие. Мы были просто молодые люди, добровольцы. В особенности мы старались помочь в организации церковных школ.

Е.П.: Благодаря нашим взглядам, идее третьей силы, у нас были единомышленники как с одной стороны, так и с другой. Были единомышленники, которые сотрудничали с немцами, и были те, кто сотрудничал с коммунистами. Например, я тесно общалась с женщиной, которая была секретарем псковского обкома партии. Подпольного обкома партии. Она была русской из Белоруссии. Она была большевичкой. Когда я бывала в Пскове, я ночевала всегда у нее, и мы откровенно разговаривали. Мы спорили иногда очень ожесточенно, но друг друга не выдавали, потому что идея была такая общая. Также были у нас сообщники и среди людей, сотрудничавших с будущими власовцами. Потому что среди них тоже было много идейных людей. Были какие-то общие точки соприкосновения.

Е.Е.: У нас из всех тогдашних людей было самое легкое положение. Потому что мы приехали из-за границы и этого не скрывали, все это знали. Мы могли и считали своим долгом приглашать к себе, открыто высказывать свои взгляды. От крайней наивности мы вели себя так, как будто мы находимся где-нибудь в Варшаве или в Берлине. Но это оказывалось, по-видимому, очень интересным для наших новых знакомых, которые к нам приходили ночью. У нас оказались очень живые отношения. Мы сами были русские и национально настроенные. И православные. Некое особое положение.

Е.П.: В Гдове была организована педагогическая семинария, и в этой семинарии был Анатолий Михайлович, я не помню его фамилию, завзятый коммунист. Как потом оказалось, он был заслан.

И вот он предложил мне взять преподавание Закона Божьего. Пришло только два парня, потому что парни были все на войне, и очень много молодых девушек. Я им начала рассказывать житие русских святых, от князя Владимира и княгини Ольги. Провели два собрания, и поднялся скандал. Анатолий Михайлович побежал в немецкую комендатуру, сказал, что я занимаюсь пропагандой русскости. Конечно, я была неопытным докладчиком, сейчас я бы сделала все иначе, но эти два занятия прошли с большим успехом, это было новое, неизвестное. Это было то, что людям нравилось слышать, они хотели об этом знать. Но потом были неприятности. Чтобы иметь право жить в Гдове, мы должны были

зарегистрироваться в немецкой военной комендатуре. Нам нужны были продовольственные карточки, некоторые продукты продавались только по карточкам, а на базаре, когда мы приехали, продавали только клюквенный морс без сахара, этим не проживешь. Мы искали возможность где-то служить. Но ведь не для этого мы приехали в Гдов, мы приехали, чтобы работать в церковной миссии. Но о ней мы не хотели никому говорить, кроме местного священника, который тоже был членом миссии. Наша работа заключалась в том, что мы старались помочь священнику материалами. Я начала ездить из Гдова в Варшаву, помогать в устройстве храма, но главным образом, мы хотели познакомиться с местными людьми, ввести их в лоно церкви и познакомить их с нашей идеей третьей силы. Конечно, мы были молодыми и сделали много ошибок, за нами следила как немецкая агентура, так и советская, мы не всегда могли разобраться в том, кто есть кто, но все-таки нашли и хорошие люди, с которыми мы познакомились и подружились. Такими первыми хорошими людьми были местный врач, доктор Станислав, и его подруга, сестра местной больницы. Она была по национальности вепс и очень этим гордилась. Через них мы познакомились с целым рядом других людей как живущих в Гдове, так и вне Гдова, потому что больница была районная, и у доктора Станислава были связи с другими городами, городками, деревнями этого района. Одним из таких мест был поселок фабричного типа Черненки, где Евгений Евгеньевич познакомился с другим врачом, настоящим врачом, потому что доктор Станислав еще не кончил университета, когда начался война, но так как он был единственным человеком, разбирающимся в медицине, то его сделали главным и единственным врачом в этой больнице. А тот врач был настоящий врач, но инвалид, без ноги.

Е.Е.: Черненки был рабочий поселок. Когда настала оккупация, он был весь обнесен колючей проволокой, это был последний оплот немецкой вооруженной силы, а дальше была топь. Длинная — длинная, почти до Луги. Это был последний очаг жизни среди болот. Дальше дичь и топь, партизаны, бандитизм. И я отправился в Черненки, пошел пешком 26 км. Доктора было очень трудно застать, и потом оказалось, что за ним приходят из болот партизаны и увозят его туда, потому что там раненые, умирающие, люди, нуждающиеся в медицинской помощи. И доктор туда ездит. Ездит, конечно, ночью, немцы бы его повесили за то, что он помогает партизанам. Его привозили до рассвета на лошади, копыта которой были обмотаны тряпками. Когда они дохо-

дили туда, доктору завязывали глаза на тот случай, если он попадется, чтобы он просто не мог ничего сказать. И сам бы не подвергался опасности и соблазну.

Однажды его туда повезли и привели к какой-то землянке, там был умирающий человек. Доктор пытался по-мочь этому раненому, но ничего не мог сделать, раненый скончался, а доктор оставался там еще несколько часов, стал смотреть то, что было там под рукой, какие-то бумаги, и очень заинтересовался дневником покойного, который оказался политруком второй ленинградской партизанской бригады. Дневник он вел с того момента, как был призван в комсомольский штаб в Ленинграде, ему было тогда 22—23 года, и было заявлено, что ему доверят ответственное задание: вместе с несколькими другими комсомольцами быть переброшенным на территорию немцев. Их перебросили, шесть человек, и им было сказано, где они должны основать свой штаб, — на болотах, в маленькой деревне, недалеко от Кингисеппа. Они должны были созвать местное партизанское движение, воодушевить людей, у них были списки членов партии и комсомольцев. Но оказалось, что ничего сделать невозможно, потому что эти члены партии и комсомольцы ничего не хотели делать. Сперва у них были запасы, консервы. Но через несколько месяцев запасы кончились, им нужно было жить как-то по-другому, ловить рыбу. Они пробовали обращаться в деревни поблизости, но никакой помощи они оттуда не получили. Причем, то, что им было указано в инструкции, например лозунги "За Родину, за Сталина", ничего не действовало. Еще и побить могли за такие лозунги. И он все это описывал. Сначала он и его друзья были энтузиастами. Через несколько месяцев настали холода, они уже не могли продержаться и прожить, видно было, что они никакой помощи не получат. Через некоторое время они пришли к выводу, что они ничего не могут сделать. В конце концов они дошли до такого состояния, что жрать было совершенно нечего. Нужно было как-то спасти свою жизнь. Они наблюдали, что по большаку какому-то ходят немецкие машины. Они стали нападать на эти машины и захватывать продукты. Боевых действий они не вели. Их осталось четверо, двое умерло. С остатком своего отряда они напали на немецкую машину, расстреляли ее, оказалось, что там есть всякие съестные продукты, они все это захватили и ушли на болота. После этого немцы не нашли ничего лучшего, как окружить и сжечь ближайший населенный пункт со всеми жителями. Это было началом партизанского движения, потому что оказалось достаточно людей, которые были

возмущены, он это точно описывает. Таким образом, они, сами того не зная и не желая, преодолели первый кризис. Но второй кризис у них наступил через некоторое время, когда оказалось, что партизаны не смеют выступить против церкви. Во всех местах, где были немцы, были церкви. Партизаны, выступающие против церкви, были врагами для местного населения. Из этого кризиса они нашли выход в том, что учредили у себя в отряде отрядного партизанского священника.

Вся судьба комиссара была описана в этом дневнике. Мы получили этот дневник от доктора. Потом он, к сожалению, пропал. На этой территории через несколько месяцев после того, как мы получили дневник, образовалась так называемая партизанская Плюсская республика. Она была провозглашена 2 партизанской ленинградской бригадой. Там было несколько священников. Мы оказались в критическом положении из-за связи с этой Плюсской республикой. Немецкие власти как-то об этом узнали, стали нас допрашивать. И мы бежали.

У нас был друг, единомышленник, Борис Врангель. Племянник генерала Врангеля, из Бельгии. Он приехал в Россию как переводчик организации ТОТ. ТОТ — рабочая немецкая организация, которая занималась разного рода техническими, строительными работами на территории оккупированной России в пользу немцев. Он хотел обязательно попасть на территорию оккупированной России.

Мы встретились случайно во Пскове, среди наших общих друзей, и сразу стало ясно, что мы единомышленники. Врангель предложил нам переехать в Остров, где у него были большие связи. У нас выбора особенно не было. А Врангель был хороший и надежный человек. Он сразу нас повел к начальнику района. Немцы способствовали созданию русского самоуправления по вопросам, которыми сами не собирались заниматься, например дрова, отопление, санитария, школы, приюты.

В Острове не было своей интеллигенции, но оказались беженцы из Ленинграда. Начальником района был ленинградский адвокат, умница, образованный человек. Его звали Владимир Петрович Аксенов. Он нас угостил, спросил у нас: "Как вы хотите, чтобы я вас устроил? Может быть, учителями?" Предложил быть зав.роно. Нам пришлось согласиться. Это было разумно. Мы были единственными, кто мог привезти книги с Запада, мы могли внести в методику образования религиозную мысль.

Мне была выделена комната, секретарша, рысак и дву-

колка. И я должен был ездить. Там еще был один русский, Лев Львович Зальцберг, из Прибалтики, друг Врангеля, мы стали работать вчетвером. Однажды Зальцберг привел молодую девушку, лет двадцати. Ее звали Нина Алексеевна, учительница из деревни Гривы. Она рассказала, что у них там партизаны, но работать надо, а родители не хотят пускать детей в школу, потому что немцы заставляют детей учить про Гитлера и вообще это против совести — посылать ребенка в немецкую школу. Я возмутился, сказал, что мы русские, и в русских школах должны преподавать то, что считаем нужным: русский язык, счет, историю, Закон Божий. Немцы к этому не имеют отношения, потому что у нас русская школа, а не немецкая. Она просила поехать с ней и объяснить это людям. Она приехала на подводе, и мы на этой подводе уехали.

Е.П.: Уехали на три дня, три дня прошло, потом еще больше трех дней. Я заболела, лежу одна, ко мне приходит начальник районного управления, говорит, что Евгений Евгеньевич, видно, погиб, будем думать, как вас переправить в Варшаву. Больше недели прошло, все решили, что он убит. Я в совершенном отчаянии. И вдруг открывается дверь, и является Евгений Евгеньевич в чудном виде и в хорошем настроении.

Е.Е.: Мы долго шли, несколько раз были проверки. Пришли к деревне. Это были Гривы, большая деревня, вроде городка. Мы начали работать. Было много родителей, которые говорили: "Мы не хотим, чтобы наши дети ходили в немецкую школу". Нине было трудно их переубедить. Она просила меня выступить перед ними и повела на собрание родителей. Километрах в трех-четыре, по краю леса, были выставлены партизанские посты, партизаны с винтовками на веревочках, без формы, она их просто приветствовала. Пришли на собрание, я выступал и говорил, что нам нужно детей учить грамоте, счету, истории. Кроме того, нужно учить Закону Божьему. Люди были верующие еще, крестьяне, противостояния не было. Я от себя прибавлял, что я категорически против того, чтобы проходить биографию Адольфа Гитлера, тему о новой Европе, популярные лозунги. Немцы тоже этого не заставляют, они тут и не появляются. Я добился того, что они согласились, что надо посылать детей в школу, снабжать дровами, нужно, чтобы дети получали молоко, нужны тетради, карандаши, учебники. Нина или кто-нибудь из сельсовета будет ездить в Остров и у меня будет все это получать. У меня было два таких выступления в тот день. К вечеру Нина мне говорит: "Пошли, сейчас будет танцулька".

Это партизанский район. В Гривах был партизанский штаб или что — то такое...

Пришли мы туда. Там собралось много народу, много мужчин с оружием, они ставили оружие к стенке и танцевали, выпивали и т.д. Нина меня представляла: "Это вот наш зав.роно из Острова". Ее похлопывали по плечу какие — то вооруженные ребята, меня никто не трогал. Это продолжалось всю ночь. Я там еще несколько дней пробыл и вернулся благополучно в Остров. Разговоры шли о необходимости религиозного воспитания, преподавания Закона Божьего. У них были свои священники, и они хотели, чтобы к ним приезжали священники. Мы обязались им доставлять все, что надо.

160

Мы это рассказываем потому, что хотим показать, что партизаны тогда не были такими "красными" партизанами, которые хотели только восстановления советской власти. А что это были русские люди, в основном еще верующие, но часто мало знающие о вере. Во всяком случае, они почти все не хотели возвращения советской власти в той форме, в которой она была, так же как и интеллигенция ленинградская, которая была в Острове.

В декабре сорок третьего года, когда началось наступление советских войск, вся интеллигенция исчезла, все они ушли в партизаны, за исключением начальника района. Это был их единственный шанс спастись. Мы решили оставаться, но хотели попрощаться с нашими родственниками в Варшаве, уехали, оставив вещи, но не смогли вернуться. Врангель остался, потом нам рассказывали, что видели его закованным в кандалы. Он получил 20 лет.

У нас в Острове, где мы жили, была открытая церковь, она была именно на острове, там, где висячий мост через реку Великая, который держится на одном столбе. Часовня и церковь, очень старинная. Очень красивая, маленькая. Там жил отец Николай из Польши. Он очень смело ходил к партизанам, его там знали, принимали в разных партизанских отрядах, он возвращался не всегда вовремя, когда надо было служить. Он вообще выпивал, очень сильно выпивал. И считалось, что наш батюшка грешный. Но его все равно уважали, потому что он батюшка. Когда все это кончилось и пришла Красная Армия, то его распяли, этого отца Николая Мироновича, на вокзале, на товарном вагоне прибили. За то, что он был хороший священник. А народ...

Видите ли, когда власть изменилась, то начали люди пугаться. Советская власть и немецкая власть одинаково преследовала людей за разные вещи, и не было свободы ника —

кой...

Он заслуживает памяти, этот священник.

V. Конец войны

После нашей работы в России мы с Еленой Петровной уехали в Варшаву. Красная Армия подошла к Варшаве, к Ви-сле, и остановилась. Поляки были уверены, что вот сейчас придет Красная Армия и освободит их, немцы были очень жестокими оккупантами. Поляки подняли восстание, наде-ясь, что им придут на помощь. Но Красная Армия не дви-нулась, и немцы подавили восстание очень кровавыми спо-собами.

161

Мы с Еленой Петровной и пятимесячным ребенком до этого сумели выскочить из Варшавы. Нам надо было ребенка спасти, а отец Елены Петровны остался, он был в подпо-лье, потом был арестован немцами и вывезен в Германию в концлагерь. Мы успели выскочить. Я подделал докумен-ты, немецкую официальную путевку. Билетов не было, ехать можно было только военным или по путевке, выдаваемой немецким управлением по гражданским делам.

Надо было сесть в поезд. В Варшаве я узнал, что еще есть один — единственный поезд. На месте нам пришлось в голову нанять грузчиков. Сняли с себя все золото и договорились, что они нас посадят в этот поезд, и они нас посадили. Они выбили стекла и нас туда запихали. Поезд был еще пустой, и мы прошли в другой вагон, где были неразбитые стекла. Доехали до Германии. Там была еще более или менее нор-мальная обстановка, железнодорожные чиновники, которые свистят, в красных шапках. А в Польше обстановка была уже военной, там просто иногда дежурный офицер давал сиг-нал, открывал дорогу. Так мы попали в Германию. Незакон-но абсолютно. Мы надеялись доехать до Берлина, где были друзья по скаутской линии, по линии "Союза", мы их, прав-да, никто не видели, но у нас были их адреса и телефоны. Нас никто не проверял, вышли в Берлине. Там оказалось, что наши друзья арестованы.

Нам деваться было некуда: ни прописки, ни карточек, ни документов. Благодаря дяде Елены Петровны, который был инженер, директор завода "Филипс", мы проскочили через Германию. Потом мы попали в Вену. Знакомые говорили, что там сильное русское представительство. Но оно оказалось не такое уж влиятельное. Тем не менее мы сумели легализо-вать наше положение, мы стали рабочими в строительном предприятии, которое принадлежало русскому эмигранту и где оказалось полторы тысячи русских. Там мы проработали

девять месяцев до конца войны.

Е.П.: Когда мы выехали в Германию, нашей дочери Ксе — нии было всего 5,5 месяцев. Я ее кормила грудью. Приехали в Берлин, мы первое время очень сильно голодали. У нас не было продовольственных карточек, было только 2 кг сала, которое мы дружески делили между всеми нашими спутниками. У меня пропало молоко. Не было пеленок. Я пробовала обращаться в Дом матери и ребенка, который был на каждом вокзале. Меня оттуда всякий раз выгоняли, где бы мы ни были, в Берлине, в Дрездене, потому что я не была немкой. Ребенок уже умирал с голоду. В Дрездене я осталась на вокзале, и Евгений Евгеньевич пошел искать что — нибудь поесть. Девочка уже даже не плакала. В это время ко мне подошла дама, старушка, которую я совершенно не знала, и спросила: "Что с вами такое?" Я в то время не говорила по — немецки, кто — то начал переводить, потом подошел Евгений Евгеньевич и объяснил положение. Эта дама сказала: "Подождите, не уходите, я скоро вернусь". Мы остались сидеть. Через полчаса она пришла, принесла бутылочку молока с водой и сказала, что устроила для нас всех, для девяти человек, ночлег и питание на неделю. Мы пробыли в Дрездене около недели, потом поехали в Вену. Ехали очень трудно.

Е.Е.: Наше предприятие стало работать на новом месте. Нас привезли на пустырь, надо было строить жилье для себя, бараки. Мы с семьями все. Мы успели выстроить только бараки для себя, и то только часть барачков. Все 9 человек жили в одной барачной комнате. Мы все были друзья, у нас не было конфликтов.

Среди нас было много интеллигенции: врачи, священники, инженеры. Значительное количество рабочих. Мне не пришлось физически работать, потому что я знал немецкий язык. Но другие интеллигенты: профессора, священники, — работали как рабочие.

Мимо наших барачков каждый день проходили колонны заключенных. С ними нельзя было разговаривать, но мы понимали, что там много русских, их угоняли в горы. Но сами мы не были заключенными. И вот однажды одного из наших рабочих (он был врачом, профессором Вильнюсского университета, русским), доктора Лясковского, вызвали в немецкое учреждение и сказали, что его посылают санитаром на пункт в горах, где было два немецких эсэсовских врача и маленькая палатка, где делали перевязки и помогали тем, кто пострадал при работах. А работа была такая. На подземном заводе, потом выяснилось, что этот завод был длиной 18 км, взрывали скалу и на вагонетках вывозили землю.

При взрывах бывало много пострадавших. Немецкие врачи быстро сообразили, что им прислали не санитаря, а врача, профессора, и через один—два дня объявили, что им очень стыдно за отношение властей к заключенным, что это вид варварства, они объясняли, что они сами этого не одобряют. Отношения немецких и русского врачей стали дружескими. Однажды немцы сказали, что случилась большая беда: неподалеку разместили 660 русских крестьянских семей из Псковской области, они жили и работали, но вспыхнула эпидемия сыпного тифа, и власти окружили весь лагерь колючей проволокой, намереваясь все это сжечь, включая людей, чтобы не допустить распространения эпидемии. Доктор к вечеру вернулся в лагерь, рассказал, собралась небольшая аудитория, человек 20—40, интеллигенция, которая считала себя ответственной за судьбу всех этих людей. Мы постановили, что нужно обязательно что—то сделать. У нас было несколько человек, которые превосходно знали немецкий язык и с которыми власти считались. Это был директор фирмы, Костя Болдырев, дядя Елены Петровны, были еще люди, которые могли успешно представлять. Они отправились в хождения по эсэсовским властям. Добрались очень высоко, до какого—то генерала, который сказал: "Что же вы предлагаете?" Они сказали: "У нас много врачей в лагере, у нас в России эпидемии такие бывали, врачи знают, что делать в таких случаях. У нас есть добровольцы, опытные сестры". И генерал распорядился не сжигать лагерь, допустить одного добровольца, который будет начальником лагеря, у него будет один помощник, один врач и один священник — всего четыре человека. Лагерь будут продолжать снабжать элементарным питанием. Никто из немцев не будет выходить, питание будут привозить и оставлять перед колючей проволокой (там было три ряда колючей проволоки и три ряда ворот). Нам был выделен грузовичок как камера для дезинфекции. Другой автомобиль был оборудован как баня. Люди проходили баню, одежда дезинфицировалась. Нужно было отделять больных от здоровых, умерших от живых. Многие умирали и оставались на нарах. Я оказался начальником этого лагеря. Так как у меня в детстве были все виды сыпного тифа, а болезнь эта не повторяется, иммунитет на всю жизнь, я без риска мог работать. Мой помощник был в другом положении, он никогда не болел тифом, врач и священник тоже тифом не болели. Они рисковали гораздо больше меня. Доктор определял, кто болен, кто здоров, а я должен был отделять больных от здоровых. Но никакая мать не соглашалась отдавать ребенка. Мы организовали

элементарную жизненную гигиену, кормежку.

164 Один раз утром, когда я был один (не было ни доктора, ни священника, ни помощника), к воротам подъехал громадный танк, остановился и загудел. Я подумал, что он хочет сломать колючую проволоку, поэтому выскочил, стал махать руками, кричал, что сюда нельзя. Тут открывается люк, и вылезает совершенно черный негр. Я растерялся, хотя и знал по-английски. Но танкист понял, что здесь эпидемия, развернулся и уехал, а через несколько часов подошел вездеход с офицерами и американскими военными врачами. Один из младших офицеров был поляком, мы сразу объяснились. Он объявил, что мне дан приказ ликвидировать немецкий госпиталь, выбросить больных на улицу.

Все это я обязан был сделать и нес ответственность по правилам военного времени. Они уехали, а я отправился в наш лагерь. Опять было экстренное собрание, где мы решили, что ликвидировать госпиталь и выбрасывать больных не будем. Обратились к местному бургомистру и спросили, что он может сделать для наших больных. Немец сказал, что рядом есть эсэсовский барак, каменный, с водопроводом, где был эсэсовский медпункт, не то для отдыха, не то для операций. Там операционный зал, инструменты, и все это оставлено, ключи у него. На 40 человек больничных коек с одеялами, есть аптека, и население соберет все, чего окажется недостаточным: белье, кровати, — все будет собрано, только чтобы мы не выбрасывали немецких больных на улицу. Властей в это время не было. Военные ушли, а американцы не пришли, т.е. не вступили в управление гражданскими делами, войска просто проходили мимо. Еще были артиллерийские бои, взрывы, бомбежки. Немцы видели, что они побеждены, что вот-вот придут американские войска, поэтому нам во всех отношениях шли навстречу. И действительно, оказалось, что эти бараки очень хорошие: порядок, чистота. На третий-четвертый день пришли три армейские санитарные машины, каждая на 4 койки в два этажа. Наши подопечные были уже отобраны, кого в больницу, кого не надо в больницу. Американцы перевезли всех и тут же, к нашему колоссальному удивлению, сожгли эти санитарные машины, чтобы не разносить эпидемию, а вокруг наших барачных поставили часовых, сделав на английском надпись, что вход воспрещен. Нас стали снабжать пайком, не только своим, а нашли где-то эсэсовский склад. Там было мясо, сало, соленое масло: люди у нас были изголодавшиеся. Они поставляли все это в наш лагерь и в особенности в больницу — больница была обеспечена всем. У нас было достаточное количе-

ство врачей, хотя наш главный доктор, тот самый, который все это создал, заболел тифом и еле-еле выкарабкался. Ни я, ни мой помощник Олег не заболели. Вообще было очень мало смертельных случаев, люди оказались сильными, вероятно потому, что это были в большинстве русские крестьяне, из Латвии и Эстонии, из — под Пскова.

Потом нам пришлось открыть другое отделение: туберкулезное. Дело в том, что неподалеку от нас находился колоссальный концлагерь, тот самый, из которого строили подземную дорогу в горы. Там было около 100 тысяч заключенных, преимущественно русские и поляки. И американцы все это нашли в ужасном состоянии: множество покойников, еще не погребенных...

Е.П.: Я хочу добавить, что это были знаменитые Дора — 1 и Дора — 2.

Е.Е.: Американцы основали комендатуру для управления гражданскими делами, и местный командир, высший военный чин, издал приказ, что все жители города Нордхаузе — на, который был неподалеку, и окрестных деревень должны пройти через лагерь и получить об этом отметку в паспорте. Без этой отметки они не получали никаких продовольственных карточек. Все население с 16 лет должно было пройти через этот лагерь.

Начальник нашего лагеря Болдырев и я как директор больницы были введены в состав какого — то комитета по гражданским делам. Так что я был в лагере еще до того, как туда должно было приходиться население, и это было совершенно ужасно. Громадное количество примитивных бараков, построенных во много улиц, вход, как в железнодорожный туннель, черные такие входы в горы, где были вагонетки. То, что я там видел, было картинкой остановившейся лагерной жизни, совершенно потрясающей. В лагере еще было довольно много живых, но это были скелеты с очень выразительными глазами, потому что, когда люди становятся совершенно истощенными, остаются только глаза. Многие из них жили уже не в бараках, а в корпусах огромных снарядов. Снаряды — круглые и длинные, диаметр такой, что можно войти внутрь, только чуть — чуть нагибая голову. Длина — 5 — 6 человеческих ростов. Там они жили. Они уходили из бараков, где, наверное, было много вшей. Недалеко от входа в подземелье стоял каменный барак, дальше — громадная печь, крематорий. Прямо из крематория — дверь в жилой домик человека, который заведовал этим крематорием. Мы вошли туда, увидели фотографию полного человека, унтер — офицера, лет 35 — ти. Вся комната была в пла —

катах: голые женщины, какие — то сексуальные штучки. Он там жил, в этой комнате спал.

Вне крематория во дворе слоями, как дрова складыва — ются, штабелями, были сложены тела покойников. И наши врачи говорили, что эти люди были вставлены в печь и сразу вынуты, не было времени, вероятно, ждать, пока они сго — рят. То ли они были заживо вставлены в печь, то ли для того, чтобы они не портились, потому что жара была, страшная жара. Они были с немецкой педантичностью сложены, как дрова, как шпалы, вдоль и поперек. Мне стало плохо, когда я представил себе этого жирного унтер — офицера, фотогра — фию которого видел, с его голыми бабами на стенах, и как он наводит порядок. С людьми разговаривать было невозможно, я не знал о чем и как. Мы с Болдыревым были вроде свиде — телей от общественности. В больнице нам потом пришлось принимать больных из этого лагеря, к нам их направляли, если думали, что мы можем помочь.

Е.П.: Потом началась вторая эпопея: насильственная вы — дача русских Советской власти. Она началась сразу после того, как советские представители, специальная комиссия, приехала на эту территорию.

Е.Е.: Мы от американцев получили немецкие трофеи: ав — томобиль, автобусы и один санитарный автобус без окон, оборудованный специально для перевозки тифозных. На нем было написано громадными буквами, что это тифозный гос — питаль, и никто не мог проверять его внутри. Был шофер, сестра в форме, с документом, выданным каким — то высо — ким начальством. С этим автобусом ездила, главным обра — зом, очень умная, толковая сестра, ее звали Ксения Вергун. Ее отец был профессором русской истории Пражского уни — верситета, брат погиб в концлагере. Она была сестрой ми — лосердия в американском госпитале в Париже. До II мировой войны она ухаживала за президентом Рузвельтом, когда он в этом госпитале лечился. И у нее были от него письма, ее фотография с президентом Рузвельтом. Таким образом, для американских постов она была исключительной персоной. И мы собирали в первую очередь тех, кто был настроен ан — тисоветски (американцы сами стали их выдавать), и везли к нам в больницу. А в это время советские комиссии по спис — кам стали требовать людей.

И здесь очень многое зависело от позиции властей. Ан — гличане были настроены достаточно формально. Они счи — тали, что раз правительство короля подписало соглашение, то очень жаль, но они должны его выполнять. Французы сто — яли на советской стороне, среди них было много комму —

нистов, которые верили в советскую систему и считали, что люди, которых советские представители разыскивают, враги народа, и их надо выдавать. Американцы вообще ничего не понимали. Они считали, что люди, которые не хотят возвращаться на родину, либо глупы, либо враги: вообще непонятно, что с ними происходит, поэтому лучше не вмешиваться. А если американский офицер с этим вопросом сталкивался непосредственно, он думал: "Да пускай себе идет", — и просто людей отпускал.

Е.П.: Они были более свободны в своей деятельности. Мы жили в английской зоне, мы спасали людей в английской зоне, но к нам пробирались люди из американской и французской зон, которым надо было бежать.

Е.Е.: Впоследствии я сам работал в международном учреждении по делам беженцев. И тогда я узнал, что в Германии оказалось 11 млн. советских граждан. Они попали на эту территорию самыми разнообразными способами: очень многие по собственному желанию, выбираясь из Советского Союза, затем из оккупированных Красной Армией областей, потому что, если бы они не ушли, их судили бы за то, что они не убили немца. Если ничего не сделал, то тогда суд, следствие, тюрьма. Особенно много было народу в американской зоне, считали, что там легче будет спастись.

Е.П.: В это время в английской зоне оккупации находился архимандрит Нафанаил. Он был довольно известен в Западной Европе. Сын последнего обер-прокурора святейшего Синода Львова, молодым человеком с семьей он переехал в Сибирь во время гражданской войны. В Сибири был пострижен, через Сибирь попал в Индию, где многие годы был насредином. После этого он оказался в Югославии, в Чехословакии, где работал в братстве.

Е.Е.: Архимандрит Нафанаил не собирался в Европу, он был в Сибири, Китае, Индии, заболел и отправился на лечение в Югославию, вылез, но наступила война, и он не смог вернуться в Индию. Он был в напачевском братстве, состоящем из монахов, посвящающих свою жизнь книгопечатанию. Они все приобретают какую-то связанную с книгопечатанием профессию. Он оказался во главе русской церкви в английской зоне оккупации. Он прекрасно знал английский язык, хорошо французский, чуть-чуть говорил по-немецки, кроме того, чешский, сербский. Английский язык он знал, потому что в Индии он общался с миссионерами на английском языке.

Наше сотрудничество началось в августе 45 года. В английской зоне оккупации был русский комитет. Мы ставили

перед собой задачи как можно больше помогать людям, попавшим в Германию и не желающим возвращаться в Россию.

Володя Дерюгин, который приехал из г.Ленго в английской зоне, привез информацию, приглашение и просьбу, чтобы от нашей большой группы русских людей направить ему заместителя. Я был направлен как человек, хорошо знающий немецкий язык, и как юрист, который мог попытаться хотя бы разобраться, как же должна быть устроена судьба беженцев согласно существующему международному праву.

Ленго — маленький городок, знаменитый тем, что это было отдельное княжество и князь был мужем голландской королевы.

Е.П.: Там собралась целая группа профессоров университета, представителей русской интеллигенции, которые бежали туда из Берлина. Александр Александрович Боголепов, последний проректор петербургского университета, высланный в начале 20-х годов, профессор Лаксан и много других. В этой группе выдающуюся роль стал играть Николай Степанович Орлов, который называл себя графом Орловым.

Он не был профессором, но стал влиятельным лицом благодаря браку с очень богатой немецкой женщиной, дочерью владельца заводов стали. Орлов стал значительной фигурой, он помогал старым профессорам. Он создал комитет, который претендовал на то, чтобы представлять перед властями всех русских, то есть быть не просто местным, а национальным комитетом.

Е.Е.: Орлов встретил меня очень приветливо, позаботился, чтобы у нас была квартира. Но за несколько дней я пришел в полное изумление. Я познакомился с профессорами: это была почтеннейшая публика. С другой стороны, я побывал в канцелярии у Николая Степановича Орлова. Там весь день толпились люди: русские люди, беженцы, советские граждане, которые хотели получить совет, как устроить свою жизнь без возврата в Советский Союз, потому что у них было достаточно сведений о том, что такое возврат в Советский Союз. Можно вовсе заплатить жизнью, можно попасть в лагерь, под следствие... Но было много стимулов и для возвращения: семьи разлучены и т.д. Люди обращались в русский Комитет. И Николай Степанович рассказывал им благочестивые сказки: езжайте, мол, спокойно в Советский Союз, Господь вас защитит, и волк не так страшен. В те же самые дни я узнал, что Николай Степанович — член какой-то советской комиссии по устройству памятников советским людям, погибшим в плену. Он разыскивал могилы и устанавливал на них кол с красной звездой. Это мне очень не нравилось.

Нужно было бы ставить кресты и делать то, что положено, чтобы церковь могла делать то, что она обязана делать по отношению к верующим покойникам. Я увидел, что не могу с Орловым сотрудничать.

Однажды он пригласил меня на обед, там был советский полковник, представитель советских репатриационных комиссий, которые сгоняли людей и заставляли их уезжать. Одним словом, сотрудничество с таким председателем такого Комитета мне никак не подходило.

В то время на территории всей английской зоны пользовался влиянием архимандрит Нафанаил, который обосновался в Гамбурге. В Гамбурге и до этого была маленькая русская церковь. Во время войны она была повреждена и закрыта. Архимандрит Нафанаил и его помощник иеромонах Виталий были назначены туда Синодом русской зарубежной православной церкви, который находился в Мюнхене и должен был опекать всех православных, живущих на этой территории.

Как только мы узнали о существовании архимандрита Нафанаила, я с помощником поехал в Гамбург, чтобы ему представиться. Оказалось, что мы не только можем, но и должны стать сотрудниками, потому что у архимандрита Нафанаила было по горло всяких дел, и все эти дела были благочестивые, заключающиеся в том, чтобы спасать людей от преследований и насильственной выдачи, или в открытии храмов. Я стал близким сотрудником архимандрита Нафанаила, вошел в епархиальный Совет, и, когда была возможность, мы обсуждали все дела на территории православной зоны английской оккупации.

Главная задача в спасении людей от насильственной репатриации. Это спасение заключалось в организации беженских лагерей, где люди могли бы поселиться, получить документы и легализовать свое положение. Надо было устраивать лагеря для беженцев.

Сами беженцы, в основном из Советского Союза, не имели права и возможности устраивать свою судьбу по своему желанию. По всей английской зоне вдоль и поперек шныряли советские военные репатриационные комиссии, которые любого могли поманить пальцем, остановить, проверить документы и отправить в репатриационный лагерь, из которого выхода уже не было, это как концентрационный лагерь. Значит, сами беженцы не могли устраивать свою жизнь. Англичане, американцы и французы ничего не понимали в этом вопросе. Почему есть русские, которые не хотят возвращаться в Россию? Французы едут к себе

во Францию, итальянцы к себе в Италию, все, кто оказался на территории побежденной Германии, едут к себе домой, а русские, поляки и еще сербы (в Сербии велась внутренняя война) не хотят. Американцы, англичане и французы удивлялись и не знали, как им быть, очень часто уступая советским репатриационным комиссиям. Трудно было предполагать, что мы, маленькая группа людей, знавших языки, сможем убедить государственные власти, что есть коммунизм, что он плохой, сможем сделать так, чтобы власти поняли эту обстановку. Нам надо было двигаться, находить места, руководителей, военачальников, людей, которые могут эти вопросы решать, не станут применять военную силу, чтобы отдавать беженцев советским военным миссиям, НКВД.

Е.П.: Архимандрит Нафанаил взял на себя переговоры с властями, так как он знал язык, характер англичан и был официальным представителем церкви на этой территории. Такие помощники, как Евгений Евгеньевич, в основном, ездили, находили людей, старались убедить их, что им можно помочь, организовывали лагерь. Про все случаи, когда архимандрит Нафанаил спасал людей, рассказать трудно, таких людей было более 10 тысяч. Я могу рассказать один эпизод. Владыка жил в Гамбурге, к нему приходили люди из разных мест. Однажды к нему пришли два ходока из г.Брема, находившегося примерно в 100 км от Гамбурга. Они рассказали, что живут в лагере, где несколько тысяч человек подлежат выдаче советской репатриационной комиссии. Люди не хотят этого, но англичане заставляют их ехать в Советский Союз. Владыка немедленно собрался и, взяв своего секретаря и шофера, поехал в Брем. Когда они приехали, оказалось, что лагерь обнесен проволокой, а у ворот английский часовой. Владыка просил пропустить его, часовой сказал, что не может этого сделать. Тогда владыка сел в машину и приказал шоферу дать газ. Часовой растерялся, и владыка смог проехать. Они подъехали к большому зданию, в котором собрались большое количество людей, которые испуганно молились; они просто не знали, что им еще делать. А рядом стоял молодой английский офицер и приказывал выходить и грузиться в автобусы советской репатриационной комиссии. Но никто этого не делал. Тогда офицер стал стрелять в воздух, в стены, чтобы испугать людей. В это время в помещение ворвался архимандрит Нафанаил. Нам рассказал об этом не он сам, а его секретарь, который очень образно показывал, как все происходило. Владыка подошел к офицеру, схватил его за форму и потребовал, чтобы его немедленно прове-

ли к коменданту лагеря. Офицер растерялся; он не знал, что ему делать с пожилым бородатым архимандритом в рясе, но с другой стороны, не мог позволить, чтобы его держали за рукава мундира. Он вынужден был обещать, что доложит коменданту. Комендант тоже растерялся, не зная, что делать с православным архимандритом, который был официальным представителем церкви в английской зоне и так хорошо говорил по — английски. Произошел длинный разговор, во время которого архимандрит Нафанаил смог объяснить истинное положение вещей и заставил офицеров призадуматься, что же им делать с этими людьми. В то время английские офицеры были очень лояльны, а английское правительство подписало в Ялте договор со Сталиным о выдаче этих людей. Положение было очень серьезным. Или слушаться своего правительства, или проявить человеколюбие. И комендант решил эту проблему следующим образом. Он объявил, что снимает все посты и на 4 дня уходит из лагеря, оставляя автобусы, а через 4 дня все обитатели лагеря будут выданы советской репатриационной комиссии. Это было сделано под предлогом того, что людям надо еще навестить родственников, сделать еще какие — то дела...

Архимандрит Нафанаил приказал всем уходить и идти в Гамбург пешком, а сам быстро вернулся туда на машине и стал организовывать новый лагерь, километрах в 15 от Гамбурга. Чтобы организовать такой лагерь, надо было найти бывший лагерь, в котором когда — то жили люди. Такой лагерь был около Гамбурга, но к тому моменту он находился в страшном состоянии. Надо было получить разрешение от властей. Владыка отправился в комендатуру и сказал, что этот лагерь нужен ему для православных людей из Югославии, Прибалтики и т.д. Второе, что нужно было сделать — почистить лагерь, — нашлись какие — то добровольцы. Нужно было найти руководство лагеря из людей, не подлежащих репатриации и имеющих документы.

Через четыре дня в лагере было уже около полутора тысяч человек. Со временем лагерь стал еще больше: от трех до четырех тысяч человек. Самой серьезной проблемой была документация. Нужно было доказывать, что все жители лагеря или старые эмигранты, или граждане западноевропейских стран. Это делалось таким образом: почти в каждом бараке (баракы, правда, были большими) жил кто — то из западной Европы. Если приходила комиссия, этот человек должен был выйти из барака и сказать, что все мы тут эмигранты, я, например, такой — то, вот мои бумаги, и заставить репатриационную комиссию уехать. Я бывала в лагере не —

сколько раз. Там жил капитан II ранга русского Черноморского флота Павский, который был близким другом великой княгини Веры Константиновны, дочери известного русского поэта Константина Константиновича. Он рассказывал, как много раз спасал людей, лагерников, показывая свои документы и письма Веры Константиновны.

Лагерь был исключительно хорошо прибран, украшен березовыми ветками, как делается на Троицу. Я сама видела, как однажды подъехала машина с владыкой Нафанаилом и все люди встали на колени. Это было очень трогательное зрелище. Они выказали ему свою благодарность. Был отслужен молебен, многие — многие бросались к нему, благодаря за помощь.

Сам владыка был очень скромным, никогда много не говорил о своей деятельности. Но в 45 — 46 гг., если учесть, как он разговаривал с английскими властями, ссорился с ними, даже готов был с ними драться, ему грозило по крайней мере тюремное заключение, может быть, даже больше.

Владыке Нафанаилу и нашим друзьям мешала деятельность Николая Степановича Орлова. Он установил слежку за нами, ничего невозможно было делать без того, чтобы он не знал.

Мое знакомство с владыкой Нафанаилом состоялось в 45 году. Он все время разъезжал по английской зоне оккупации. Вопрос организации храмов и приходов был на втором месте, потому что сначала надо было спасти людей, поселить их где — то, а потом уже привлечь к участию в организации прихода. Священников было мало. Владыка, разъезжая по разным местам, одновременно совершал службы. Я помню, как через шесть дней после рождения моей второй дочери Ольги (26 сентября 45 г.) архимандрит Нафанаил был в Ленго и сказал: "Я буду крестить вашу дочь, потому что я не знаю, когда я еще буду здесь".

Е.Е.: По существу, вся власть принадлежала оккупационным силам, на нашей территории — английской армии: в каждом районе были свои коменданты, к нашему был очень трудный доступ. Может быть, еще потому, что он восседал в королевском замке, на горе. У него была секретарша, русская, родившаяся в Берлине, окончившая университет, по образованию филолог; она превосходно знала английский, немецкий, русский, французский. Аленушка. Там, в этом замке, решалась судьба беженцев. .

Без разрешения английского военного коменданта советские репатриационные комиссии не имели права забирать человека. Правда, военный комендант не должен был

заботиться об этих людях. Он был назначен для надзора над немцами, а если возникали какие-то беженские проблемы, он мог их просто игнорировать и предоставить советской репатриационной комиссии хватать, кого они хотят, и вывозить людей, куда они хотят. Но этот английский офицер был педант, он хотел, чтобы все происходило по закону. Такое впечатление я вынес из разговора с переводчицей. Когда оказалось, что Николай Степанович выдает людей, я решил самым нахальным образом пойти к этому коменданту, хотя у меня не было ни полномочий, ни прав. В городе главным по делам беженцев был Николай Степанович. Мы расспросили Аленушку, что это за офицер, как его зовут, как к нему подойти. И она устроила так, что он меня принял. Аленушка была переводчицей. Обстановка была настолько трагической: каждый день выдавали людей на страдания, — что я, наверное, говорил очень убедительно. Он меня не перебивал. Аленушка переводила все. Комендант был майором королевской гвардии. Он выслушал все, поблагодарил, сказал, что ему было интересно и важно это знать, но сделать он ничего не может, потому что должен руководствоваться правилами, которые приняты в резолюции договора между правительством короля и правительством СССР. Но тем не менее он очень благодарен. Он встал, дав понять, что аудиенция закончена. Я думал, что моя миссия окончилась неудачей. Но на следующий день этот майор передал печатание списков людей, предназначенных для насильственной репатриации, Аленушке. Этим он, видимо, хотел дать нам возможность проявить самостоятельность.

Е.П.: Он задержал у себя эти списки еще на неделю. Аленушка печатала их, делала лишнюю копию и передавала ее Евгению Евгеньевичу. Евгений Евгеньевич со своими помощниками объезжал этих людей и предупреждал, не называя источника. Затем тех, кто хотел, отправляли в лагеря для беженцев.

Е.Е.: Нам потребовались места, куда мы могли направлять людей, уклоняющихся от насильственной репатриации. Речь идет о сотнях, тысячах. Встал вопрос организации таких лагерей. Существовала целая сеть лагерей. Были лагеря по национальному признаку: польские, сербские, итальянские. От этих лагерей принципиально отличались лагеря для репатриантов в Советский Союз. Они были окружены колючей проволокой. Из других лагерей был свободный выход; ты мог выйти на базар, куда угодно. Ты здесь зарегистрирован, и здесь тебя кормят. Здесь тебе будут помогать, пока ты не уедешь. Можно было записаться в Америку, в Австра —

лию, куда угодно, и подождать, пока придет твоя очередь. Но если ты попал в советский репатриационный лагерь, ты уже не мог никуда выйти. Здесь людей допрашивали и держали, пока не вывозили. А потом все происходило по советским правилам.

174

Мы должны были создать лагерь гражданского порядка. Нельзя было декларировать, что там советские граждане. Все происходило под покровительством церкви. Говорилось, что это русские из Германии, Чехословакии, Польши. Был боль — шой риск. Стоило кому — то сказать, что это обман, и владыку могли привлечь к ответственности. В такие лагерь советские репатриационные комиссии доступа не имели. Но эти ко — миссии через организацию Николая Степановича знали, в чем дело. И все время посылали своих людей для провер — ки. Нам же нужно было доказывать, что они не имеют права проверять.

Без архимандрита Нафанаила, без церкви, мы не могли бы обойтись: нам нужны были юридические лица для создания лагерей. Но и этот вопрос мы пытались обойти. Открыва — ли, например, отдельные бараки на 100 человек в сербском лагере. И сербы шли нам навстречу, но просили, чтобы ста — ростой барака был кто — нибудь из старой эмиграции, же — лательно говорящий по — сербски.

Е.П.: Здесь положительную роль сыграла старая эмигра — ция из всех этих стран, люди добровольно шли в эти лагерь и работали там бесплатно.

Е.Е.: Была в Советском Союзе такая доктрина: совет — ские граждане, которые оказываются в конце войны на вра — жеской территории, предатели. Попал ли он в плен, ранен, полумертвый. Ты должен нести ответственность. Ты дол — жен был застрелиться, но не сдаться. Такой героический тип солдата, а если ты к этому типу не подходишь?

Е.П.: В один прекрасный день пришла Аленушка и сказала мне (Евгения Евгеньевича не было и его помощника тоже), что советская репатриационная комиссия добилась разре — шения проверить наши документы без присутствия англий — ского коменданта и они могут прийти завтра — послезавтра. Я была одна, с двумя маленькими детьми, старшей было 1 год 8 мес., младшей около 3 месяцев. Если бы я попала в советский репатриационный лагерь, то ничего бы меня не спасло, так как мы были одни, без английских представителей; доку — менты могли уничтожить тут же на моих глазах или просто забрать меня насильно.

Я закрыла все двери на замок и решила не открывать, пока не будет скандала. В этом доме жили только я и две

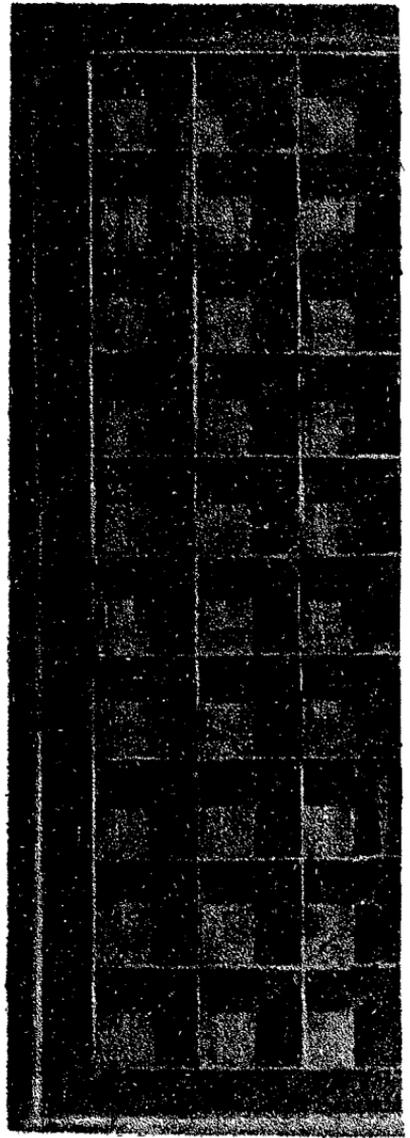
старушки. На следующий день Евгений Евгеньевич наконец приехал. А вечером приехали наши друзья, собиравшиеся в американскую зону. Мы все уехали, а советские представители пришли через 2 дня, когда нас уже не было. После этого мы уже не могли вернуться в английскую зону. Мы отправились в Баварию.

Е.Е.: В американской зоне оккупации советские репатриационные комиссии не имели такой свободы, как в английской. По крайней мере, американцы, когда выдавали людей и видели, что они бьют стекла и режут себе вены, моментально их спасали. Бывало, какой-нибудь генерал приказывал остановить выдачу и прогнать советских представителей. У американцев не было той дисциплины по отношению к своему правительству, как у англичан.

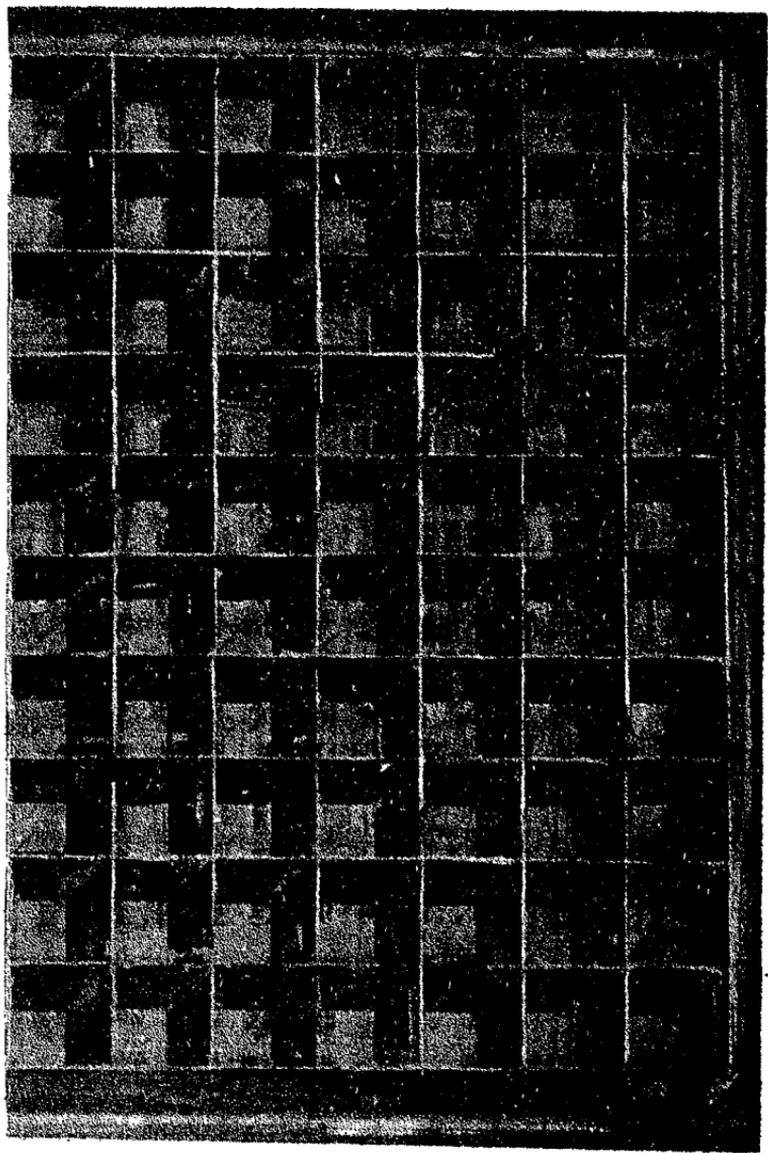
175

Это тысячи, десятки тысяч отдельных судеб. Тогда мы не могли никому дать никакого паспорта, так как мы были частные люди. Но на сборном пункте можно было показать хоть что-то, чтобы доказать, что ты из Чехословакии, Сербии, откуда угодно, только не из Советского Союза. Хоть что-нибудь. Можно было спастись по трамвайному билету. Предположим, у вас месячный билет с фотографией и там написано, что вы из Праги или из Бреста. Это единственное, что у вас осталось. Этого было достаточно. Вам выдают регистрационный билет, что вы болгарин, а значит вы не подлежите репатриации, т.к. репатриации подлежат только советские граждане вследствие преступного закона, по которому в Советском Союзе всякий, кто оказался на вражеской территории — враг.

Е.П.: Американцы устраивали нечто вроде допроса. Человек мог выступить перед комиссией и представить свидетелей. Многие из нас выступали в качестве свидетелей, сознательно идя на ложь для того, чтобы спасти людей...

ЭТАЖЕРКА

на разпорот: МАРКО ТИРЕЛИ. Без назавани

...На Васильевском (Лосином, Хирвисаари) острове проживает один из редакторов "Сумерек" — с женой, двумя детьми и юным собакоподобным существом, человеко-эрделем по имени Гоша; а также едва ли не половина авторов журнала (временных, постоянных, ушедших вместе с первыми машинописными номерами в мифологическое прошлое, потенциальных, гипотетических и т.д.).

На Васильевском 42 года прожил "поэт, художник, архитектор, искусствовед, кандидат наук, доцент, старший лейтенант запаса" (здесь и далее — цитаты из "попытки автобиографии" Г.А., предпринятой в 1976 году — ред.) Геннадий Иванович Алексеев.

Можно сказать, вся его жизнь прошла на о с т р о в е, поскольку он никогда "ни в чем не участвовал, ни к чему не привлекался, никуда не избирался и ни к чему не примыкал — был в сторонке". С ним общались — "посредством наведения мостов" — только такие же о с т р о в н ы е ж и т е л и, как и он сам. Правда, как рассказывала вдова Геннадия Ивановича, иногда в его дом заходили и люди официальные, "облеченные". Например, Михаил Александрович Дудин, написавший предисловие к первой книге Алексеева. Он любил поговорить с Людьюми Культурой, Интеллигентами, а больше — послушать, повпитывать... (Справедливости ради, надо сказать, что М.А. был едва ли не единственным представителем м а т е р и к а, близкий к властям предрежающим, что-то делающим для поэта — вероятно, вполне бескорыстно).

Что же нам, собственно говоря, известно об Алексееве, кроме дат: 1932-1987? - Не много. "Первый раз участвовал в выставке живописи в 1952 году. Первое литературное произведение создал в 1953 году. Первое стихотворение опубликовал в 1962 году". Первый поэтический сборник под названием "На мосту" ("кто-то из критиков ненароком изменил название на одну букву и получилось гораздо убедительнее — "На посту") был издан в 1976 году. А семью годами раньше рукопись этой книги попала в руки Иосифу Бродскому, подрабатывавшему в то время внештатным рецензентом отдела литературы журнала "Аврора" (под началом у старшего рецензента Лидии Гладкой, первой жены Глеба Горбовского). Будущий нобелевский лауреат, будучи ревнителем регулярного стиха, очень чутко отнесся к "неконвенциональным" свободным стихам Алексеева, хотя и считал, что "едва ли в русской поэзии "верлибр" может

рассчитывать на большое будущее". Он писал: "Главный эффект, производимый верлибром, это — чудо обыденной речи. То есть, даже не главный эффект, а главное средство. Мы видим доселе не замечавшуюся нами пластику обыденных оборотов, их своеобразную гармоничность и, тем самым, наше отношение к словам, к собственной ежедневной речи становится глубже, точней, чувство речи и сама эта речь углубляются" (сокращенный текст рецензии см. в "Литературном обозрении" N10, 1991 г.).

Рецензия Бродского имела чисто номинальное значение и, естественно, ни на что повлиять не могла, да и кто бы стал тогда прислушиваться к мнению малоизвестного 29-летнего поэта-переводчика, к тому же, "литературного трутня", недавно вернувшегося из ссылки в Архангельскую деревеньку Норенское?..

179

Стихи Алексеева появились в "Авроре" четыре года спустя — в 1-м и 12-м номерах. 1973 год был для Геннадия Алексеевича вообще "урожайным": помимо "Авроры" — публикации в "Дне поэзии" и сборнике "Новые голоса" (с 1967 по 1979 г. его печатали со стабильной периодичностью — раз в год; в 1979-1985 г. — прогресс: по три раза в среднем).

К 1977 году, когда встал вопрос о его вступлении в Союз писателей, у Алексеева вышел только один сборник стихов. По правилам приема, полагалось иметь не меньше двух. Для него было сделано исключение, — может быть, благодаря тому, что среди "поручителей" был такой человек, как Глеб Сергеевич Семенов — замечательный поэт (до сих пор не оцененный по достоинству) и педагог, учитель с большой буквы, школу которого прошли практически все ныне известные петербургские литераторы. "Молодому поэту" Геннадию Алексееву" в 1977 году было уже 45 лет. Итак:

РЕКОМЕНДАЦИЯ

У Геннадия Алексеева — особое место среди молодых поэтов; точнее будет сказать — особое место среди поэтов вообще, независимо от возраста; свое, особое место как у всякого поэта. Ибо поэт всегда занимает свое — маленькое ли, большое, но в чем-то отличное от соседних — место. Разумеется, Алексей отличается от соседей не тем, что пишет без рифм и любезные нашему уху ямбы-хореи не соблюдает. Он оригинален, ибо мыслит, — эта пушкинская формула до наших дней (а тем более — в

наши дни!) определяют путь поэтической оригинальности, индивидуальности, своеобразия.

Можно не исповедовать и даже не принимать стиховой манеры Алексеева, но невозможно отказать ему в образном истолковании мира, в богатстве эмоционального строя, в точности словоупотребления, т.е. нельзя отказать ему в том, что он *поэт*. Да к тому же поэт достаточно широкого диапазона — от гражданского пафоса до философского раздумья, от лирики до шутки; поэт — перспективный, обещающий. Я уверен, что Геннадия Алексеева надо принимать в Союз писателей, невзирая на то, что у него лишь одна книжка стихов. Это книжка *поэта*. Рекомендую его!

180

13/V.77 г. (Семенов Г.С.)

Конечно, сугубо официальный документ... но писалась эта рекомендация человеком очень честным, любящим и понимающим поэзию, как никто другой. В Союз Алексеева, само собой, приняли (насколько нам известно, он туда вовсе не рвался — друзья уговорили подать документы). Второй поэтический сборник "Высокие деревья" вышел только в 1980 году. За год до смерти — еще два: "Пригородный пейзаж" (Л., "Сов.пис.") и "Обычный час" (М., "Современник"). Две книги вышли посмертно: подготовленный вдовой поэта сборник стихов "Я и город" (Л., 1991) и роман "Зеленые берега" (Л., 1990 г.). В своей "Автобиографии" Геннадий Иванович по скромности своей ни словом о прозе не обмолвился, а между тем, такой тонкой, светлой, романтической и в то же время полной самоиронии и горькой печали лирики-не-в-стихах навряд ли можно найти у кого бы то ни было.

Да, ждет своего часа короткая дневниковая проза Г.А., большой корпус неизданных стихотворений; вероятно, когда-нибудь выйдет альбом его своеобразной живописи; Алексеев давно уже признан "патриархом питерского верлибра", его изучают, о нем пишут... Но, к сожалению, до сих пор даже в родном городе далеко не все поэты (!) подозревают о его существовании (что уж говорить о "простых" читателях).

В 9-м номере нашего журнала был напечатан блок материалов, посвященный теме, которую можно условно обозначить: "город глазами Геннадия Алексеева"; это — отрывки из романа, стихи, алексеевские фотографии петербургских дворов, брандмауэров, решеток, домов в его любимом стиле "модерн". В предлагаемой сегодня подборке из неизданного наследия — стихи несколько "остраненные и

отстраненные”, имеющие как бы метафизическую изнанку. Алексеев изучает этот мир как философ, но воспринимает его как п о э т.

Остров Геннадия Алексеева – своего рода айсберг. Обитаема пока что лишь надводная его часть (то, что могут увидеть все, что уже известно). Настаёт пора – погружаться в неизведанные пучины российской словесности, – океан, в котором затерялся маленький остров поэта – любителя “кошек, живописи кватроченто, венгерского токая и большеротых блондинок”. Путь к нему начинается в с у м е р к а х и лежит сквозь мрачно-безумно-красивые питерские дворы-колодцы и дальше: от сердца к сердцу...

Арсен Мирзаев

181

Геннадий Алексеев

ВАРИАЦИИ НА ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКИЕ ТЕМЫ

1. ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ АБСУРДА

Я извлекаю из абсурда... мою свободу.
Камю.

Я извлек из абсурда
двух маленьких обезьянок
они носятся по комнате
прыгают по стульям
качаются на люстре
и швыряют в меня разные предметы:
тяжелые бронзовые подсвечники
пудовые чугунные гири
и огромные слитки чистейшего золота
где они все это раздобыли?

свободу я из абсурда не извлекаю
ужо извлеку

2. СТЕНА НЕУДАЧИ

...стена, на которую мы наталкиваемся
и у которой мы терпим неудачу.

Ясперс

182

О, да
стена -
высоченная
толстенная
длиннющая стена
вроде Китайской
притащил лестницу
взобрался наверх
поглядел
что за стеной
и обмер
о, нет
не зря
у этой стены
мы терпим полную неудачу!

3. МЕЖДУ

Я остаюсь между началом и концом.

Ясперс

Как ни грустно
я все еще остаюсь
между началом и концом
плохо мне здесь
посередке

хорошо мне было до начала
ах как чудесно мне было до начала!
до начала я просто блаженствовал

но к несчастью
началось

надеюсь что после конца
мне тоже будет неплохо

4. ЗАМОК

Моя печаль — мой замок.
Кьеркегор

184

Добро пожаловать
в мой невеселый замок!

я сам опущу подъемный мост
и подыму на башне
флаг бесконечной печали

при свете коптящих факелов
войдем в угрюмый сводчатый зал
и предадимся мрачной
безмолвной трапезе

кто всех печальнее среди нас? -
спрошу я внезапно
в разгаре пиршества

и хор голосов мне ответит:
я!

23.X.79

Имя: Иммануил
Фамилия: Кант
национальность: немец
профессия: философ
место жительства: Кенигсберг
особые привычки: каждый день
гуляет по одной и той же улице
в один и тот же час

умен как черт
все понимает
и даже больше
чем умен
и даже больше
чем понимает

учен как дьявол
знает почти все
а об остальном догадывается
догадлив

сукин сын
мысленно
каждый день
прогуливаюсь по одной и той же улице
несуществующего Кенигсберга
под ручку с призраком Иммануила Канта
приятно общаться
с неглупым человеком

7.1.82

ОСКОЛОК

Я осколок
маленький
покрытый пылью осколок
чего-то большого
чего-то бывшего
чего-то давно погибшего
осколок античной капители
изувеченной варварами?
осколок готического витража
разбитого мальчишками?
осколок колоссальной статуи
погибшей при землетрясении?
осколок огромного метеорита
взорвавшегося у поверхности земли?

подымите меня
оботрите пыль
рассмотрите меня
повертите в руках
и скажите мне
чей я осколок

20.7.82

МОЙ ПОКЛОН ПИТЕРУ БРЕЙГЕЛЮ

С его мужиками
я плясал на свадьбе
и довольно лихо
с его охотниками
я охотился на зайцев
и весьма удачно

в его аду
 меня терзали черты
 и очень усердно
 а в одном из его слепых
 я узнавал себя
 в том
 четвертом
 с беспомощно открытым ртом

после
 я правда прозрел
 (такое случается)
 прозрел и все увидел
 и выющиеся среди полей дороги
 и траву на обочинах дорог
 и слепых бредущих по дорогам
 увидел и огорчился -
 слепых
 было слишком много

28.5.1981.

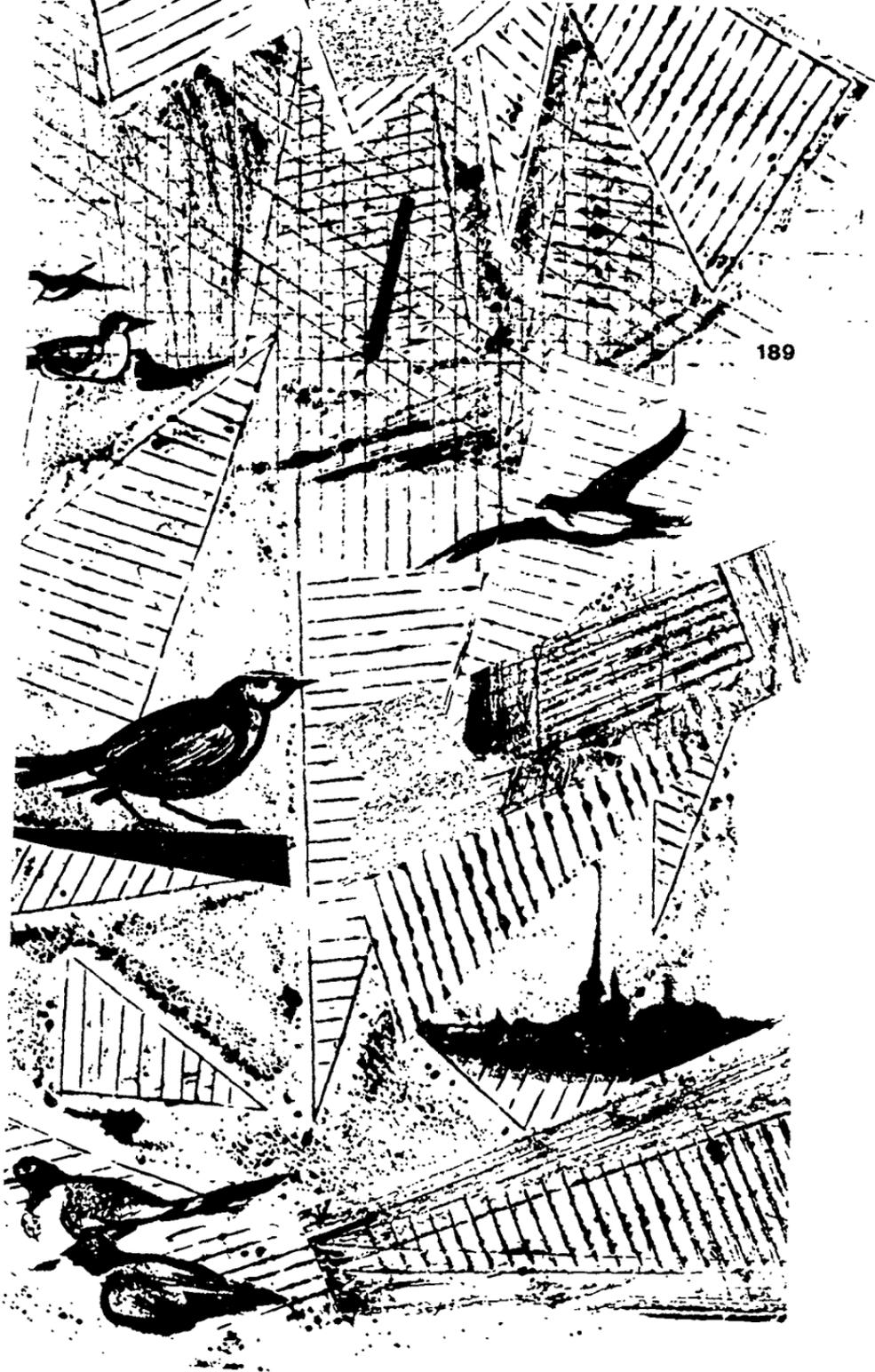
ГАВАНЬ

бьет баклуши у Маркизовой лужи
 (она не лентяйка
 но ей просто нечего делать)
 льнет к чистеньким иностранным пароходам
 (ах, эти иностранцы!)
 и глядит из-под руки на Кронштадт
 (в хорошую погоду он виден)

а сзади
 там сзади у нее за спиной
 царь-верзила
 с бабьим усатым лицом
 царь-балбес
 растолкавший дремавшую Русь

а сзади
 там сзади
 сорокавесельные галеры
 и веселая пушечная пальба

а когда подует ветер с запада
 она все принохивается
 все вертится

все нервничает
 а когда подует ветер с запада
 она сама не своя
 бедняжка
 никому не нужная
 как старая железная кровать
 выброшенная на свалку
 я сплю на этой кровати
 и мне все снится царь-верзила
 мы играем с ним в шахматы
 и я все выигрываю и выигрываю

странно

я сплю на этой ржавой кровати
 и мне все снится царь-балбес
 мы расталкиваем с ним спящую Русь
 а она все не просыпается и не просыпается
 к чему бы это?

СТАТУЭТКА

Я купил в магазине гипсовую статуэтку
 принес ее домой
 и поставил на стол.

- Ну что,
 статуэтка -
 спросил я -
 хорошо тебе у меня?
 Статуэтка молчала.

- Может быть
 я не там тебя поставил?
 Статуэтка молчала.

- Может быть
 я сказал что-нибудь не то?
 Статуэтка молчала.

Мне стало не по себе
 и я подложил под нее толстую книгу,
 но статуэтка не сказала ни слова.
 Мне стало очень тревожно
 и я поставил стул на стол,
 а на стул водрузил статуэтку,
 но она по-прежнему помалкивала.

Когда пришел мой приятель,
я стоял перед ней на коленях
и дрожал всем телом

- Ради бога
не называй ее статуэткой! -
шепнул я приятелю -
она ведь не статуэтка вовсе, она знаешь кто?

- Нет, не знаю -
сказал приятель
и побледнел
как смерть.

СГУЩЕНИЕ МРАКА

Сгущается мрак.
Но в сгущении мрака
есть много подробностей,
взор привлекающих,
есть много подробностей
разнообразных.
Есть много, к примеру,
прорех и отверстий,
прострелов навывлет -
посмотришь и видишь:
там, с той стороны,
как ни в чем не бывало
цветут одуванчики,
бодро желтея,
и лютики рядом
бесстрашно цветут.

Глупые цветы,
а приятно.

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

Погода дрянная
настроение паршивое
самочувствие мерзкое
и с человечеством неприятности
забрело оно сдуру
черт знает куда

лампочка перегорела
стакан разбился

193

ботинки продырявились
и с человечеством дела неважные
заблудилось оно бедное
в трех соснах

погода переменится
настроение подымет
самочувствие улучшится
а с человечеством-то
что будет?

194

лампочку можно заменить
стакан можно купить
ботинки легко починить
а с человечеством-то
что делать?

спасать его
жертвуя жизнью?
или отвернуться от него
равнодушно?
или рассмеяться ему в лицо
и сказать:
так тебе и надо?
(вечные хлопоты с этим человечеством!)
вечная морока!)

придется его видно спасать
но как?

кто знает
как спасти человечество?
эй!

кто знает
как спасти человечество?
э-ге-гей!

кто знает
как спасти наше несчастное человечество?

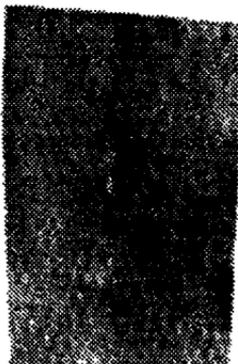
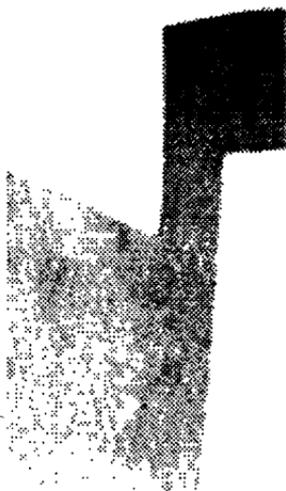
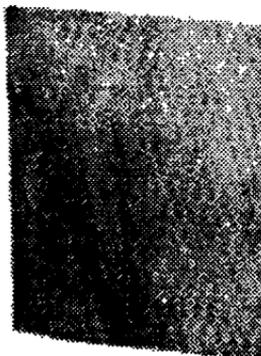
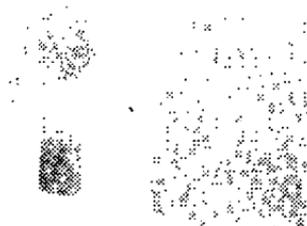
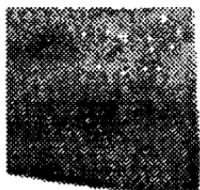
того
кто знает
как спасти наше прекрасное человечество
прошу сообщить мне об этом
по телефону

мой номер: 217-30-47

23.9.1981.

”НЕ ГОРОД РИМ
ЖИВЕТ СРЕДИ
ВЕКОВ...”

Иллюминарий «Визит к Аполлиону»*

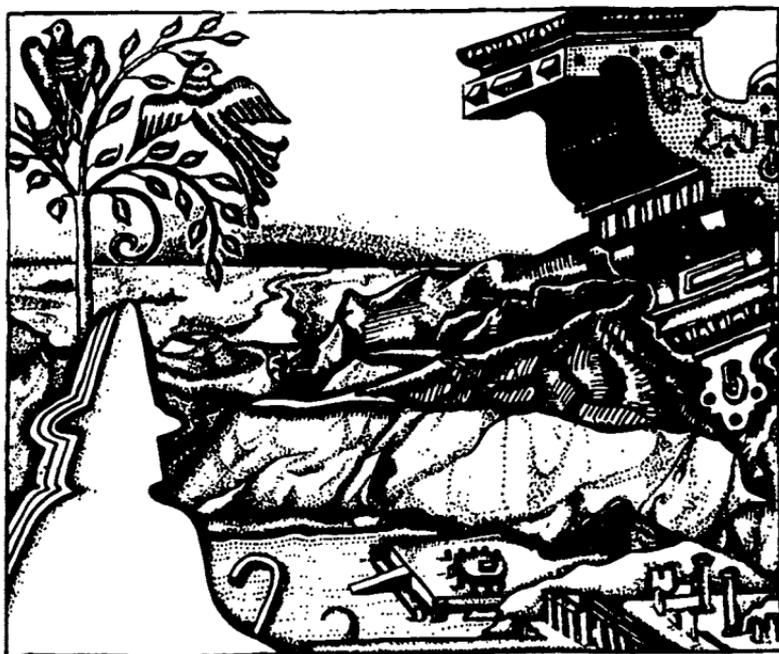
Остриженные белые вороны со скрежетом о ветви трут клювами. Сегодня — с их хвостов видна долина со склонами и шумом водопадов, и с хитрыми куницами степными, из чьих хвостов сиреневые шапки шьет молодежь иголками стальными.

198

я слышу: КОРОСТЕЛЯ КЛИЧ.

я слышу: ЖАВОРОНКА ПЕСНЬ.

Сухой, как вереск, треск стрекоз. И бабочек скользящий шелк.

*от еврейск.: Аваддон, Абаддон — уничтожение, прекращение бытия — имя ангела бездны

Малиновка в ушах звенит... Калипсо — во зное, над долиной возле Града. Я вспоминаю родственное слово с "термитником" и с грохотом въезжаю на площадь круглую с квадратом магистрата. На всех углах флашток. распустились. Пурпурные, атласные штандарты. На кумаче — гирляндами эмблемы. Срывают их, и словно веерами обмахивают зевы ледяные колдуньи с мозаичными зубами. Так в октябре созревшая рябина дорожки сада бисером рябила.

199

Так после буйств ночного карнавала кварталы кровь людская окропила. Случайной ссоры ищут кавалеры. Под шляпами зловещие ухмылки. Кинжалы под плащами смоляными. Попрятались в дома соглядатаи. Захлопнув ставни, бойню предвкушая, облизывают губы и косыми к щелям сквозным глазами приникают. Уж так ли злота их одолевает, что повсист лютый душу холодит? И черный дым термитника пьянит... И град стальной на город выпадет...

Планетный шар во тьме кромешной над саркофагами блуждает.

По сторонам пустой долины — тимпан лиловый — гонг над бездной!

я слышу: МРАК ЧЕКАНИТ ШАГ.

УСТУПАМИ ДОМОВ СТУПАЕТ.

В земной покров маньяк вбивает стальные надолбы моста.

я слышу: ГРОМ.

Гремит обоз, срезая вереска края. Как жила, вздулась
колея. Клокочут куры из корзин, под резаком визжит свинья.
Трава погублена! По жести скрежещет зубьями пила. Телег
и тарантасов тьма! Окрестные простолюдины по колеям пу-
стой долины везут на ярмарку товар — покладь, и снедь, и
мертвечину. Гундосят в нос и чешут спины.

Куда спешат простолюдины? Спешат зарницами утра. Ко-
ней казнят, кнутом стегая. Бранят и обагрят спины. Ярмо
полей! Барыг орда. По колеям между полями — бордовый
сполох. Дым над нивой. Угар спаленного жнивья...

200

я слышу: ВСХЛИП МОЛОДНЯКА.

ЛОЗЫ СТЕНАНИЯ В ЛОЩИНЕ.

Клубится черная заря. Орда на мост стальной
ступает.

Растет железная гора.

Безлико бездушное небо. Тосклива свирепая тишь... Или пришедший, как миф — н и о т к у д а — Вагнеровский мотив:

...Героем оседлав вершину. На панцире гигантской Рыбы в подлунную долину вплыл Тангейзер.

... Рой Валькирий — горящий фосфор, — золото с зеленым.

... Пронесся шквал, и обнажилась пустошь. Гробницы. Склепы.

Гнезда демонниц. Вертепы фурий. Гроты. Мавзолеи. -

...Зеркальные пластины рыбьей сбруи.

я вижу: СТАЛЬНЫЕ МОСТЫ

СОМКНУЛИ ТЕЛА ПРОПАСТЕЙ.

Я слышу, как Вечность колотит в дверь свинчаткой ребра.

Как взвесь металлических игл луны магнетизму подвластна -
- Любовь ореолом красным сомкнулась вокруг чела!

Кто гладит меня этой ночью, в четверг?

- Инкуб Глазофэр!

Принес извиненья за поздний визит и сел на диван у окна, и острым ногтем шпингалет отвинтил, и сто поцелуев послал.

я вижу: НОЧЬ.

201

...В чернильных космах — бериллы звезд и турмалины. Тлеет изумруд в "Глазнице Сна".

...Меж берегов пустой долины плыла мифическая Рыба — гора волшебных самоцветов.

Видений призрачных волна. Сильфиды. Эльфы и кобольды. Ундины. Фальторы и тролли. -

...Тангейзера свели с ума.

я вижу: ЯНТАРНЫЕ ЛУНЫ ДНЕЙ.

я вижу: КАСКАД АСТЕРОИДНЫХ ТЕЛ -

влетает и падает на постель, взрыхляя руины дней.

Но утром — безумный — как коростель стрекочет — так ловит во тьме глазомер стальной переплет моста... О, тяжкий рассвет! — Ты стучишься в дверь свинчаткой ребра.

Ночь канет без следа — и вырвутся из тьмы цветы шиповника. Скажи мне — Ты! Рассвета факелы трехглавы. Пока обагрена вода, на отмелях пустой Долины остальные рыбы мрут в кораллах. Скажи мне — ДА! Дотла сгорят тогда реальности мосты за нами. На голых отмелях Долины трепещет бисером кровавым, переливается трава.

...И все! Как развязка в снах — прах безумий моих разметал Серафим. В перепутье зари короткой, в взмахах крыл... Я услышал пророческий Глас... "Просторное сердце качая в лодке — в твоих вечных фугах, Бах".

Планета — житница невзгод.

По круглому земли пространству ползет **СВИНЦОВЫЙ катафалк.**

...Эй ты! Заблудший в поиске — заблудших... ничтожный в поиске — ничтожных... Свирепый в поиске — свирепых... Над бездной кружит мертвый шар. Нам людям — люди не нужны!

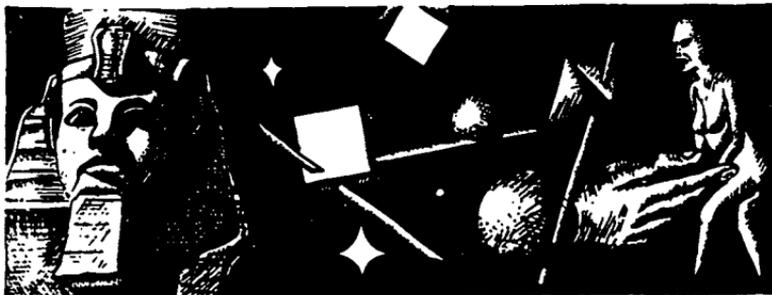
Молитвы тусклые, как пыль. Надежды тщетные и мысли. Над садом, нищим как пустырь, под знаком солнца анемичным народ дотрачивает мир.

203

Царит египетская тьма.

Кубы, шары и пирамиды. **СФИНКС ЧЕРНЫЙ** — ребус восьмигранный. Под гнетом проклятого солнца тирпаны стыннут в саркофагах. Фантомы синие. Фантазмы. Во тьме египетских ночей, под звуки флейт и барабанов, среди гробниц и мавзолеев шары катает скарабей.

Крылом трепещет миф библейский.

Вот-вот угаснет горн Пожара. ЗЛОВЕЩИЙ ФЕНИКС — плод тлетворный. Переливаясь опереньем, самим собою возгордится и пред толпою обнажится. Наохлится и пропищит — рожденья Тайну. Протараторит — жизни Тайну. Натужит горло и исторгнет из чрева — Тайну бытия. Опустошит шипеньем дышло, замрет в тумане — Тайна смерти. Недвижен пепел лет бесцветных! Не знает птица Тайну Тайн.

Ликует радужный зрачок.

Ахея, Атика, Олимп. ПЛЕВРОНА ДЕВСТВЕННОЙ МЕДУЗЫ — элизиум страны Утопий. Витает летний мотылек, порхает над эгейской лужей, пока Прекрасная Елена в лазурной раковине спит. Резные кромки островов пьянит руническая пена. Вулкан бурлит в глазу Циклопа. Ударил в бубен Санторин. Атланты пали. Пала Троя. Кровавый Тирр в моче кипит. Мигнул маяк Александрийский. Оракул онемел Дельфийский. К пустым и диким берегам прибит волной гермафродит.

С откоса мчится черный шар.
Столпотворение и мор —
вот титаническая сила! ГОТИЧЕСКИЙ ЧЕРТОПОЛОХ — тру-
ха и хворост для жаровни, зола для ямы погребальной. Тогда
был приговор объявлен: нырнули в ад Содом и Гоморрой.
Уступы башни Вавилонской низверглись квадрами на твердь.
Столетий черных краток срок! На Соломоновой звезде подве-
шена стальная гиря. Качнулся маятник часов. ...И пробил час.
...И звон окрест. В те дни извели Волхвы, что за звездой
Вифлеемской на землю явится Христос. ...Молитвы, жертвы,
клятвы — тщетно! Был явлен. Был распят. Воскрес.

205

ДОРОГ ТОМИТЕЛЬНЫЙ НАРКОЗ ...

Бриллианты кос. Поклон косцов. О, вас я, люди. узнаю ...

О мерзость, мерзость поклоненья! Поклоном этим поколе-
ням грядущим головы снесло.

Благословенен этот край,

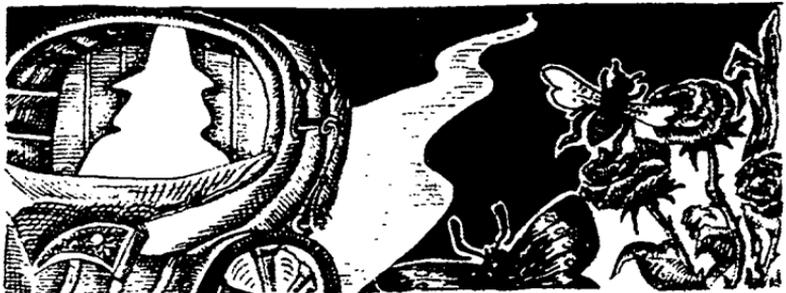
где золотистые колосья еще не связаны в снопы, не раз-
молочены Судьбой!

ИЮЛЯ САРАНЧА В ПОЛЕТЕ.

И стрекозы — велосипед... И нервы — арфа, — струны
эти... Молчи, расстроенный рояль! Я мчусь в пустом кабри-
олете. Трясется пыльный дилижанс. Роса на травах. Край
Долины обрызган каплями зари. Крутые спуски. Виражи.

206

Оса повисла над бокалом. Веселый пунш — любезный
спутник... Везде покос. О, путы-путы! О, розы, розы — про-
ститутки... И дамы в белом на конях пересекают далее скло-
ны, туман молочный расплескав... И ниши пасмурных дубрав,
где рой порхающих Дриад плетет венки из анемонов.

Тут мой двойник маниакальный — эгоцентричный манекен,
как Гамлет с черепа шута смахнул пылинку с колеса, смеясь
над присказкой своей

TO BE OR NOT TO BE?

... И заблестал на солнце магний! ... О, осыпь жизненных
дорог! Скорей. Лошадка. Эге - гей !

СКОРЕЙ!

Оттуда и туда. Пока в тупик не завела головоломная шарада. Подлунных Демонов игра — ума искусная подмена... И сладострастье, и измена! В народных термах взбита пена. Нагие, юркие тела — то тонут, то торчат, как жерди в своих потопах мировых, там, где воды-то по колена.

ИДЕТ ЯЗЫЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ !

На исторические темы. Статичные немые сцены. Аналитические роли. Апоплексические позы. Беснуется потешный зал! Комедианты на котурнах топочут по метаморфозам — что настелил Аристофан.

207

**БЕСЦВЕТНА ЗНОЙНАЯ ДОЛИНА.
БЕЗЛЮДНЫ ЭТИ ОСТРОВА.
БЕССТРАСТНЫ ЭТИ СТРАСТОЦВЕТЫ.**

... Промчится легкая пролетка. Подпрыгнет в Небо колесо
и растворится в облаках. Господь с ним, с миром —
— все одно !..

Мелькают
таможни
застав.

1966 (1986) СП6

Редакция: Арсен Мирзаев, Александр
Новаковский
при участии Ирины Ильиной
Художественный редактор: Александр
Клопов
Фото Александра Калашникова и Юрия
Котова
Компьютерная верстка: Издательство
"Сайма", Виктор Шубов
Набор Ольги Абрамович
По всем вопросам обращаться: 195197
Металлистов 113-20 тел. 213-52-08 532
33-56
Представители журнала
в Европе: Alexej Gurjanov, Fenske str.,3f
3000 Hannover 1
в Америке; Veronica Ahrens-Pulawski,
Globus (A Static Bookstore) 332 Balboa
street, San Francisco, CA 94118 USA
Tel.(415)-668-4723.

